



## "Сердца четырех"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы  
в онлайн-библиотеке  
[mir-knigi.org](http://mir-knigi.org)

\* \* \*

Олег толкнул дверь ногой и вошел в булочную. Народу было немного. Он прошел к лоткам, взял два белых по двадцать и половину черного. Встал в очередь за женщиной. Вскоре очередь подошла.

— Пятьдесят, — сказала седая кассирша.

Олег дал рубль.

— Ваши пятьдесят, — дала сдачу кассирша.

Прижав хлеб к груди, он двинулся к выходу. Выйдя на улицу, достал полиэтиленовый пакет, стал совать в него хлеб. Батон выскользнул из рук и упал в лужу.

— Черт... — Олег наклонился и поднял батон. Он был грязный и мокрый. Олег подошел к урне и бросил в нее батон.

Затем взял пакет поудобней и двинулся к своему дому.

— Эй, парень, погоди, — окликнули сзади.

Олег оглянулся. К нему подошел, опираясь на палку, высокий старик. На нем было серое поношенное пальто и армейская шапка-ушанка. В левой руке старик держал авоську с черным батонem. Лицо старика было худым и спокойным.

— Погоди, — повторил старик, — тебя как зовут?

— Меня? Олег, — ответил Олег.

— А меня Генрих Иванович. Скажи, Олег, ты сильно торопишься?

— Да нет, не очень.

Старик кивнул головой:

— Ну и ладно. Ты наверняка вон в той башне живешь. Угадал?

— Угадали, — усмехнулся Олег.

— Совсем хорошо. А я подальше, у «Океана», — старик улыбнулся. — Вот что, Олег, если ты и впрямь не спешишь, давай пройдемся по нашему, так сказать, общему направлению и потолкуем. У меня к тебе разговор есть.

Они пошли рядом.

— Знаешь, Олег, больше всего на свете не терплю я, когда морали читают. Никогда этих людей не уважал. Помню, до войны еще отдали меня летом в пионерский лагерь. И попался нам вожатый, эдакий моралист. Все учил нас, пацанов, какими нам надо быть. Ну и, короче, сбежал я из того лагеря...

Некоторое время старик шел молча, скрипя протезом и глядя под ноги. Потом снова заговорил:

— Когда война началась, мне четырнадцать исполнилось.

Тебе сколько лет?

— Тринадцать, — ответил Олег.

— Тринадцать, — повторил старик. — Ты про Ленинградскую блокаду слышал?

— Ну, слышал...

— Слышал, — повторил старик, вздохнул и продолжил. — Мы тогда с бабушкой, да с младшей сестренкой, Верочкой, остались. Отца в первый день, двадцать второго июня, под Брестом. Старшего брата — под Харьковом. А маму на Васильевском, в бомбоубежище завалило. И остались мы — стар, да мал. Бабуля в больницу пристроилась, Верочку на дежурства с собой брала, а я на завод пошел. Научили меня, Олег, недетской работе — снаряды для «Катюш» собирать. И за два с половиной года собрал я их столько, что хватило бы на фашистскую дивизию. Вот. Если бы не начальнички наши вшивые, во главе со Ждановым, город бы мог нормально продержаться. Но они тогда жопами думали, эти сволочи, и всех нас подставили: о продовольствии не позаботились, не смогли сохранить. Немцы Бадаевские склады сразу разбомбили, горели они, а мы, пацаны, смеялись. Не понимали, что нас ждет. Сгорело все: мука, масло, сахар. Потом, зимой, туда бабы ходили, землю отковыривали, варили, процеживали. Говорят, получался сладкий отвар. От сахара. Ну, и в общем, пайка хлеба работающему 200 грамм, иждивенцу — 125. Как Ладога замерзла, Верочку — на материк, по «дороге жизни». Сам ее в грузовик подсаживал. Бабуля крестилась, плакала: хоть она выживет. А потом уже, когда блокаду сняли, узнал — не доехала Верочка. Немцы налетели, шесть грузовиков с детьми и ранеными — под лед...

Старик остановился, достал скомканный платок. Высморкался.

— Вот, Олег, какие были дела. Но я тебе хотел про один случай рассказать. Вторая блокадная зима. Самое тяжелое время. Я, может, и вынес это, потому что пацаном был. Бабуля умерла. Соседи умерли. И не одни. Каждое утро кого-то на саночках везут. А я на заводе. В литейный зайдешь, погреешься. И опять к себе на сборку. Вот. И накануне Нового года приходит ко мне папин сослуживец. Василий Николаич Кошелев. Он к нам иногда заглядывал, консервы приносят, крупу. Бабулю хоронить помог. Заходит и говорит: ну, стахановец, одевайся. Я говорю — куда? Секрет, говорит. Новогодний подарок. Одейся. Пошли. И приводит он меня на хлебзавод. Провел через проходную и к себе в кабинет. А он там секретарем парткома был. Дверь на ключ. Открывает сейф, достает хлеб нарезанный и банку тушенки. Налил кипятку с сахарином. Ешь, говорит, стахановец. Не торопись. Навалился я на тушенку, на хлеб. А хлеб этот, Олег, ты б наверно и за хлеб-то не принял. Черный он, как чернозем, тяжелый, мокрый. Но тогда он для меня слаще любого торта был. Съел я все, кипятком запил и просто опьянел, упал и встать не могу. Поднял он меня, к батарее на тюфяк положил. Спи, говорит, до утра. А он там круглые сутки работал. Отключился я, утром он меня разбудит. Опять накормил, но поменьше. А теперь, говорит, пойдем, я тебе наше хозяйство покажу. Повел меня по цехам. Увидел я тысячи батонов, тысячи. Как во сне плывут по конвейеру. Никогда не забуду. А потом заводит он меня в кладовку. А там ящик стоял. Ящик с хлебными крошками. Знаешь, его в конце конвейера ставили и крошки туда сыпались. Вот. Берет Василий Николаич совок — и мне в валенки. Насыпал этих самых крошек. Ну и говорит: с Новым годом тебя, защитник Ленинграда. Ступай домой, на проходной не задерживайся. И пошел я. Иду по городу, снег, завалы, дома разбитые. А в валенках крошки хрустят. Тепло так. Хорошо. Я тогда эти крошки на неделю растянул. Ел их понемногу. Потому и выжил, что он мне крошек этих в валенки сыпанул. Вот, Олег, и вся история. А вот и дом твой, — старик показал палкой на башню.

Олег молчал. Старик поправил ушанку, кашлянул:

— И вот такая штука, Олег. Вспомнилось мне все это сейчас. Когда ты батон белого хлеба в урну выбросил. Вспомнил эти крошки, бабушку окоченевшую. Соседей мертвых, опухших от голода. Вспомнил и подумал: черт возьми, жизнь все-таки сумасшедшая штука. Я тогда на хлебные крошки молился, за крысами охотился, а теперь вон белые батоны в урну швыряют. Смешно и грустно. Ради чего все эти муки? Ради чего столько смертей?

Он замолчал.

Олег помедлил немного, потом произнес:

— Ну... знаете. Я это. В общем... ну больше такого не повторится.

— Правда? — грустно улыбнулся старик.

— Ага.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Ну и слава Богу. А то я, признаться, волновался, когда с тобой заговорил. Думаю, послушает, послушает парень старого пердуна, да и сбежит, как я тогда из пионерского лагеря!

— Да нет, что вы. Я все понял. Просто... ну, по глупости это. Больше никогда хлеб не брошу.

— Ну и отлично. Хорошо. Не знаю, как другие, а я в ваше поколение верю. Верю. Вы Россию спасете. Уверен. Я тебя не задержал?

— Да нет, что вы.

— Тогда, может теперь ты меня до дома проводишь? Вон до того.

— Конечно провожу. Давайте вашу авоську.

— Ну, спасибо, — старик с улыбкой передал ему авоську с хлебом, положил ему освободившуюся руку на плечо и пошел рядом.

— А где вас ранило? — спросил Олег.

— Нога? Это отдельная история. Тоже не слабая, хоть роман пиши, Но хватит о тяжелом. Ты в каком классе учишься?

— В шестом. Вон в той школе.

— Ага. Как учеба?

— Нормально.

— Друзья есть верные?

— Есть.

— А подружки?

Олег пожал плечами и усмехнулся.

— Ничего, пора уже мужчиной себя чувствовать. В этом возрасте надо учиться за девочками ухаживать. А через год, полтора можно уже и поебаться. Или ты думаешь — рано?

— Да нет, — засмеялся Олег. — Не думаю.

— Правильно. Я тоже тогда не думал. После блокады знаешь сколько девок, да баб осталось без мужей. Бывало идешь по Невскому, а они так и смотрят. Завлекательно. А однажды в кино пошел. Первое кино после блокады. «Александра Невского» показывали. А рядом женщина сидела. И вдруг в середине фильма чувствую — она мне руку на колено. Я ничего. Она ширинку расстегнула и за член меня. А сама так и дрожит. Я сижу. А она наклонилась и стала мне член сосать. Знаешь, как приятно. Я прямо сразу и кончил ей в рот. А на экране — ледовое побоище! А она мне шепчет — пошли ко мне. Ну и пошли к ней. На Литейный. Еблись с ней целые сутки. Что она только со мной не делала! Но сосать умела, просто как никто. Так нежно-нежно, раз, раз и кончаю уже. Тебе никто не сосал?

— Да нет, — мотнул головой Олег.

— Ничего, все впереди. Вот мы и пришли! — старик остановился возле блочной пятиэтажки. — Вот моя деревня, вот мой дом родной. Спасибо тебе за прогулку.

— Да не за что, — Олег передал старику авоську.

— Ага! А это что за дела? — старик показал палкой на зеленый строительный вагончик, стоящий рядом с домом под деревьями. Дверь вагончика была приоткрыта.

— Я, как старый флибустьер, пройти мимо не могу. За мной, юнга! — махнул он авоськой и захромал к вагончику.

Олег двинулся следом.

— Дверь открыта, замка нет, свет не горит. Никак, побывали краснокожие!

Они подошли к вагончику. Старик поднялся по ступенькам, вошел. Нащупал выключатель, пощелкал:

— Ага. Света нет. За мной, Олег.

Олег вошел следом. Внутри вагончика было тесно. Пахло краской и калом. Уличный фонарь через окошко освещал стол, стулья, ящики, банки с краской и тряпье.

— Ну вот, — пробормотал старик, и вдруг отбросив палку и авоську, опустился перед Олегом на колено, неловко оттопырив протез. Его руки схватили руки Олега:

— Олег! Милый, послушай меня... я старый несчастный человек, инвалид войны и труда... милый... у меня радостей-то хлеб, да маргарин... Олег, миленький мой мальчик, прошу тебя, позволь мне пососать у тебя, милый, позволь, Христа ради!

Олег попятился к двери, но старик цепко держал его руки:

— Миленький, миленький, тебе так хорошо будет, так нежно... ты сразу поймешь... и

научишься, и с девочками тогда сразу легче будет, позволь, милый, немного, я тебе сразу... и вот я тебе десятку дам, вот, десятку!

Старик сунул руку в карман и вытащил ком бумажных денег:

— Вот, вот, десять... двадцать, четвертной, милый! Христа ради!

— Ну что... — Олег вырвал руку и выскочил за дверь, сбив со стола банку с окурками.

Потеряв равновесие, старик упал на пол и некоторое время лежал, всхлипывая и бормоча.

Вдруг в двери показалась фигура мальчика.

— Олег! Умоляю! — дернулся старик.

— Не Олег, — тихо ответил мальчик, входя.

— Сережка? Следишь, стервец... Господи...

— Генрих Иваныч, а я Реброву все расскажу, — произнес мальчик, притворяя дверь.

— Стервец, ну, стервец... — заворочался старик, приподнимаясь, — стервцы, сволочи... Господи, какие гады...

Мальчик подошел к окну и стоял, поглядывая на старика.

Старик нашел палку, собрал деньги и, стоя на колене, засовывал бумажки в карман пальто:

— И все против меня. Все и всё. Я же не клоун, Господи...

— Вы же договор подписали, — проговорил мальчик, — а сами опять...

— Сережа... Сережа! — старик подполз к нему, обхватил его ноги, прижался лицом к куртке. — Бессердечные... люди...

Вдруг он отстранился и почти выкрикнул:

— Вот что, стервец, ты меня не учи!

— Я-то учить не буду. Ребров будет учить.

— Я плевать, плевать хотел! — затрясся старик. — Я срал и ссал на вас! Срал и ссал! Гады! Я сам ответственный! Сам!

— Мы все — сами... — мальчик посмотрел в окно.

— И вот что, Сережа, — строго произнес старик. — Ты со мной не пререкайся!

— А я и не пререкаюсь, — мальчик подышал на стекло и вытер запотевшее место пальцем.

— Ну-ка, — старик стал расстегивать ему штаны.

Мальчик недовольно вздохнул и стал помогать ему. Обхватив мальчика за обнажившиеся ягодицы, старик поймал ртом его маленький член и замер, постанывая. Сережа подышал на стекло и вывел на запотевшем месте свастику. Старик стонал. Жилистые пальцы его мяли

Сережины ягодицы. Мальчик взял его за голову и стал двигаться, помогая. Старик застонал громче. Оттопыренный протез его дрожал, ударяя по ножке стола. Мальчик закрыл глаза.

Губы его открылись.

— Тесно, — проговорил он.

Старик замычал.

— Тесно, тесно... — зашептал Сережа. — Тесно... ну... тесно...

Старик мычал. Мальчик дважды вздрогнул и перестал двигаться.

Старик отпустил его, откинулся назад и задышал жадно, всхлипывая.

— Ах... ах... сладенький... ах... — бормотал старик.

Мальчик наклонился, потянул вверх штаны.

— Ох... Божья роса... маленький... — старик поцеловал его член, вытер губы и тяжело встал с пола.

Сережа застегнулся, поправил куртку, достал из кармана часы на цепочке:

— Без трех семь.

— Еби твою мать... щас, щас... фу... — старик привалился к ящикам, взявшись рукой за грудь. — Дай подышать... охо...

— А газ? Не забыли? — спросил Сережа.

— Все... все в порядке... ой. Как встал вот резко, так сразу в голову... фу... пошли... — старик оттолкнулся от ящиков, вышел за дверь и стал осторожно спускаться по ступенькам.

— Генрих Иваныч, а хлеб? — выходя, Сережа заметил авоську с батоном.

— А, хуй с ним, — пробормотал старик.

\* \* \*

Старик позвонил в дверь: три коротких, один долгий. Дверь сразу открыли, они с Сережей быстро вошли.

— Генрих Иваныч, как это понимать? — спросил Ребров, запирая дверь на цепочку. — Сережа?

— Как понимать, как понимать, — забормотал старик, расстегивая пальто. — Так понимать, что мне не тридцать пять, а шестьдесят шесть...

— Виктор Валентиныч, час пик еще не кончился, — Сережа снял шапку и кинул ее на вешалку.

— Двадцать минут! Куда это годится? — Ребров помог старику снять пальто. Ну, ничего, ничего, — бормотал старик, снимая калошу концом палки.

Пройдя по коридору, они вошли в большую пустую комнату. Пестрецова сидела на

подоконнике и курила.

— Штаубе, милый! Сереженька! — она спрыгнула, подошла и поцеловала обоих.

— С приездом, Ольга Владимировна, с приездом, — засмеялся старик.

— Олька! — улыбался мальчик.

— Нарушители! — засмеялась она.

— Друзья, это печально, а не смешно, — Ребров склонился над раскрытым чемоданом. — Если все пойдет с издержками, я вообще плюну. У меня в Киеве любимый человек.

— Витя, не сгущай, — Пестрецова бросила папиросу на пол и придавила сапожком. — Еще вагон времени.

— Да и куда... куда, собственно, спешить-то? Что, поезд уходит? — Штаубе заглянул в чемодан. — Ой-ей-ей... Виктор Валентинович, вы время даром не теряли.

Чемодан был полон различных инструментов, металлических деталей, брусков и пластин.

— Не терял, — Ребров нашел широкую стамеску с плексиглазовой ручкой, молоток и выложил их на пол. — Баллончики у вас?

— У меня, — Штаубе полез в карман.

— Держите при себе, — Ребров закрыл чемодан, выпрямился.

— Так. Прошу внимания.

Он подошел к окну, поплотнее завернул грязные шторы, повернулся и заговорил, потирая руки:

— Итак. То, что будет сегодня, к вашему сведению, не Дело №1, а Преддело №1. Соответственно, наклонный ряд, капиталистическое и яросвет будут сокращены. Начнем.

Все стали раздеваться, складывая одежду на пол. Пестрецова помогла старику снять протез с культы. Голый Ребров подошел к большому кубу, стоящему в углу комнаты. Куб был сбит из толстой фанеры, к одной из его сторон были приделаны четыре кожаные петли. Ребров присел, продел руки в петли и встал, держа куб на спине. Ольга и Сережа подвели к кубу Штаубе.

— Крышку, — командовал Ребров.

Ольга сняла с куба верхнюю грань и положила на пол. Затем они с Сережей помогли голому Штаубе забраться в куб.

— Есть... — пробормотал Штаубе из куба.

Ольга поместила грань на прежнее место, закрывая Штаубе. Сережа подал ей молоток и четыре гвоздя. Она вставила гвозди в четыре отверстия по углам верхней грани и прибила грань к кубу.

— Как? — глухо донеслось из куба.

— Держу, держу, — ответил Ребров, расставляя ноги пошире.

Ольга легла между его ногами лицом вниз. Сережа лег своей спиной на спину Ольги.

— Все! — громко произнес Ребров.

Штаубе откашлялся и заговорил:

— 54, 18, 76, 92, 31, 72, 72, 82, 35, 41, 87, 55, 81, 44, 49, 38, 55, 55, 31, 84, 46, 54, 21, 13, 78, 19, 63, 20, 76, 42, 71, 39, 86, 24, 91, 23, 17, 11, 73, 82, 18, 68, 93, 44, 72, 13, 22, 58, 72, 91, 83, 24, 66, 71, 62, 82, 12, 74, 48, 55, 81, 24, 83, 77, 62, 72, 29, 33, 71, 99, 26, 83, 32, 94, 57, 44, 64, 21, 78, 42, 98, 53, 55, 72, 21, 15, 76, 18, 18, 44, 69, 72, 98, 20.

Затем заговорила Ольга:

— Сте, ипу, аро, сте, чае, пои, сте, гое, ува, сте, ого, ано, сте, зае, хеу, сте, ача, лое, сте, эжэ, ити, сте, аву, убо, сте, ене, оло, сте, одо, аве, сте, иже, аса, сте, уко, лао, сте, шуя, сая, се, нае, яко, сте, диа, сае, сте, ира, сию, сте, ява, юко, сте, зао, мио, сте, хуо, дыа, сте.

После Ольги заговорил Сережа:

— Синий, синий, желтый, оранжевый, синий, красный, зеленый, зеленый, желтый, фиолетовый, голубой, красный, зеленый, фиолетовый, желтый, голубой, синий, зеленый, оранжевый, оранжевый, красный, фиолетовый, желтый, желтый, синий, голубой, красный, зеленый, синий, фиолетовый, голубой, оранжевый, оранжевый.

Потом запел Ребров:

— Соль, до, фа, фа, соль, ми, ре, ля, фа, фа, си, соль, до, до, си, соль, фа, ре, ля, ля, ми, си, до, ре, ре, фа, соль, си, ля, до, ля, фа, соль, ми, фа, ля, ля, до, ре, ми, си, фа, ля, соль, ре, ми, ля, до, ми, ля, ля, соль, до, фа, ля, си, ре, до, си, си, ре, фа, ми, си, до, соль, соль, до, фа, ля, си, ми, ми, ля, ре, до, ми, си, си, до, фа, ля, соль, ми, си, ре.

Сережа встал. Встала и Ольга. Они помогли Реброву опустить куб на пол. Ребров вынул руки из петель, взял стамеску и вскрыл прибитую грань.

— Оп! — Штаубе вылез из куба, запрыгал на одной ноге к протезу. Ольга помогла ему надеть протез и подняла с пола его длинные зеленые трусы.

— А вот это я сам, Ольга Владимировна. Спасибо, — он забрал у нее трусы, прислонился к стене и проворно надел их.

— Все прекрасно, — Ребров вынул из фанеры гвозди, пристроил грань на место. — Все, все хорошо, только, Сережа, произноси отчетливей, не глотай окончания.

— Ага, — Сережа, сидя на полу, натягивал носки.

— И резкость, резкость, — заметил Штаубе. — Резко и ясно. Раз! Раз! Раз!

Когда все оделись, Ребров посмотрел на часы:

— Так. Двинулись.

Они вышли в коридор, стали надевать верхнюю одежду.

— Генрих Иванович, баллончики, — сказал Ребров.

Штаубе достал из кармана три баллончика.

— Один у вас, два — нам с Ольгой Владимировной, — Ребров взял баллончик, Ольга взяла другой.

— А тряпки? — спросил Сережа, надевая шапку.

— Да! Тряпки! — спохватился Ребров. — В ванной.

Он зашел в ванную и вернулся с четырьмя мокрыми шерстяными тряпками:

— Вот. Всем. И будьте внимательны, пожалуйста. В левой руке, значит сейчас — в левый карман. Теперь... поддержка?

Ольга похлопала себя по внутреннему карману куртки:

— Здесь.

Штаубе сунул руку в карман пальто:

— Да, да.

— Отлично, — Ребров надел кожаную фуражку. — Ключ?

Сережа передал ему брелок с ключом.

— Все? — Ребров посмотрел в глаза Ольги.

Она кивнула.

— Ну, двинулись, — он открыл дверь.

— С Богом, — шепнул Штаубе, вышел и стал спускаться по лестнице. Остальные спустились следом.

Во дворе Ребров с Ольгой направились к серым «Жигулям», старик с мальчиком прошли через арку на улицу. Ребров завел машину, развернулся, поехал. Штаубе и Сережа подсади у разбитого газетного киоска.

— Сережа, ты сколько времени в розыске? — спросил Ребров, вырубивая на Садовое кольцо.

— Три месяца и шесть дней, — ответил мальчик.

— Три месяца! — покачал головой Штаубе. — Как все быстро...

— Значит, тебя возле твоего дома каждая собака узнает, — проговорил Ребров.

— Узнает, — кивнул Сережа, — старухи на лавочке точно узнают.

— Там лавка у подъезда?

— Ничего, я его проведу, — Ольга чиркнула спичкой, закуривая.

— А может — ночью? — предложил Штаубе.

— Безумие. Весь дом спит, все слышно...

— Да проведу я его, никто не узнает!

— Ну, ну.

Проехали Зубовскую площадь и перед Крымским мостом свернули на Фрунзенскую набережную.

— Тогда вот как, — заговорил Ребров. — Сначала я пройду, потом Генрих Иваныч. А потом уже вы с Сережей.

— Как скажете, — вздохнул Штаубе.

— Сережа, теперь говори мне...

— Щас, вот «Гастроном», а следующий наш. Мой.

— Ага. Тогда мы здесь встанем.

Ребров свернул и припарковал машину на обочине, за бежевой «волгой».

— Еще раз, — он повернулся. — Помните про тряпки. И поддержка, в случае. Ольга Владимировна, здесь я на вас надеюсь.

— Не беспокойся, — улыбнулась Ольга.

— Третий подъезд. Там направо, — подсказал Сережа.

Ребров вылез из машины и пошел во двор дома. Возле третьего подъезда на лавочке сидели две старухи. Он поднял воротник пальто и быстро вошел в подъезд. Поднялся по лестнице на третий этаж и встал возле мусоропровода.

Минуты через четыре приехал на лифте Штаубе. Почти сразу же следом появились Ольга с Сережей.

— Так, — Ребров мотнул головой, и они подошли к добротной обитой двери. Он вынул ключ, но потом опять убрал в карман:

— Нет. Звони сам.

— По-второму? — спросил Сережа.

— Да. Оля.

Ольга расстегнула куртку. Сережа позвонил.

— Кто там? — спросил за дверью женский голос.

— Мама, это я, — ответят Сережа.

Дверь открыли и Сережа сразу же бросился на шею стоявшей на пороге невысокой блондинке:

— Мамочка! Мама!

— Сергей! Сергей! Сергей! — закричала женщина, сжимая Сережу.

— Коля! Коля! Сергей!

К ним подбежал худощавый мужчина, схватил голову Сережи, прижался.

— Сергей! Сергей! Сергей! — вскрикивала женщина.

— Мамочка, папа, подождите... я не один...

— Сергей! Сергей! Я не могу! Я не могу! — тряслась женщина. Мужчина беззвучно плакал.

— Мамочка... я здесь, я живой, подожди, мамочка.

— Лидия Петровна, не волнуйтесь, все позади, — произнес Ребров, улыбаясь.

— Да. Слава Богу, — усмехнулся Штаубе.

— Не могу! Сергей! — дрожала женщина, прижавшись к Сереже.

— Мама... подожди, это... это Виктор Валентинович и Ольга Владимировна из уголовного розыска... мама...

Мужчина первым пришел в себя:

— Проходите, проходите... пожалуйста... — он вытер лицо ладонями, потянул женщину за руку. — Лида, успокойся, все, все хорошо.

— Мама... ну, мамочка, подожди...

— Да, да, проходите... Сережа, ой, Сергей, — обняв Сережу она отошла с ним в сторону.

Ребров, Ольга и Штаубе вошли. Мужчина закрыл за ними дверь.

— А я ведь только вчера звонил вашему... ну, этому, Федченко, — с трудом проговорил мужчина. — А он говорит... это... ищем, ищем.

— Вчера — не сегодня, — улыбался Ребров.

— Ой, у меня сердце разорвется! — женщина взялась руками за виски и покачала головой, — Сергей, Сергей... что же ты с нами сделал.

— Ну, не он один виноват, — проговорил Ребров.

— Все оказались виноваты, — тихо добавила Ольга.

— Ой... ну вы проходите, что же тут, — не отпуская Сережу, женщина вошла в комнату.

— Мы на минуту, — сказал Ребров, и все прошли в комнату.

— Где же ты был, где же ты мог быть, — качала головой женщина.

— Да. Наделал дел... — мужчина опустил на диван, но, спохватившись, встал. — Товарищи,

вы садитесь, чего ж...

— Спасибо, нам расслаживаться некогда. — Ребров сунул руки в карманы пальто, — Сережа, скажи теперь. Про наш сюрприз.

— Да, мама, у нас сюрприз, — Сережа освободится от объятий. — Вот, мама, и ты, пап, сядьте сюда, на диван и послушайте. Только это, не перебивайте.

— Не перебивать будет трудно, — усмехнулась Ольга. — Попробуем, — со вздохом женщина села на диван. Мужчина сел рядом.

— Теперь тряпки, — спокойно произнес Ребров.

Все четверо вынули мокрые тряпки и приложили их к лицу, прикрывая нос и рот. Выбросив вперед правую руку с баллончиком, Ребров прыснул аэрозолем в лицо мужчине и женщине. Беспомощно вскрикнув, они схватились за лица и сползли с дивана на пол.

— Назад, дальше! — скомандовал Ребров, отбегая от упавших, и все попятились к окну.

По телам мужчины и женщины прошла судорога, и они застыли в неудобных позах. Не отнимая тряпки от лица, Ребров сунул баллончик в карман:

— Оля. Только без суеты.

Прижимая левой рукой тряпку к лицу, Ольга вынула из внутреннего кармана куртки спортивный пистолет со сложной рукояткой и с цилиндром глушителя на конце ствола, подошла к лежащим.

— В упор не надо, — подсказал Штаубе.

Умело и быстро прицелившись, Ольга выстрелила в головы лежащих.

— И еще, — скомандовал Ребров.

Снова раздались два глухих хлопка, головы лежащих дернулись, пустые гильзы покатались по полу.

— И еще полминуты, — Ребров подождал немного, потом сунул тряпку в карман. — Можно.

Все убрали тряпки. Ольга спрятала пистолет, Сережа подобрал четыре гильзы, Ребров распахнул левую полу своего пальто, из разных карманчиков вынул большие хирургические ножницы, пробирку с пробкой, флакончик с прозрачной жидкостью.

— Сначала мать, — Ребров передал пробирку и флакончик Штаубе.

Ольга с Сережей перевернули труп женщины на спину. Лицо ее залила кровь, глазное яблоко было вырвано из глазницы.

— Генрих Иваныч, — пробормотал Ребров, слоняясь с ножницами над лицом трупа.

Штаубе откупорил и поднес пробирку. Ребров быстро отстриг губы и опустил их в пробирку. Штаубе залил губы прозрачной жидкостью из флакончика и закупорил пробирку.

— Так, — Ребров вытер испачканную в крови руку о кофту труп.

— Теперь отец.

Ольга с Сережей перевернули труп мужчины, расстегнули и спустили с него штаны, спустили трусы.

— Сережа! — Ребров оттянул крайнюю плоть на члене, отстриг головку и быстро вложил в рот наклонившемуся Сереже. Сережа стал сосать головку, осторожно перекачивая ее во рту. Ольга вытерла ему губы платком.

— Шкатулка в спальне? — Ребров взял у Ольги платок и вытер им ножницы.

Сережа кивнул и махнул рукой. Ольга вышла. Ребров убрал к себе в пальто пробирку с губами, флакончик и ножницы. Ольга вернулась с небольшой арабской шкатулкой в руках. Ребров достал из кармана черную нейлоновую сумку, Ольга доложила в нее шкатулку.

— Так, — Ребров огляделся. — Все?

— Единственно, вот водички попить, — Штаубе захромал на кухню.

— Ты взять ничего не хочешь? — спросил Ребров Сережу.

Сережа сосредоточенно сосал головку.

— Сережа? — Ольга тронула мальчика за плечо.

Он посмотрел на нее и отрицательно качнул головой. Но потом вдруг вышел из комнаты и быстро вернулся с плюшевым крокодилом. Крокодил был старый, прорванный в нескольких местах.

— А-а-а. Ну, ну, — Ребров кивнул, взглянул на трупы. — Ну, двинулись.

Они вышли из комнаты в прихожую.

— Генрих Иваныч, вы скоро? — Ребров подошел к двери.

— Иду, иду. — Штаубе вышел из кухни.

— Значит, теперь мы с вами, а потом они с Сережей.

— Лады.

Ребров открыл дверь и вышел. Вслед за ним вышел Штаубе. Ольга закрыла за ними дверь, привалилась к ней спиной. Сережа разглядывал крокодила, посасывая головку.

— Соскучился? — спросила Ольга.

Он кивнул.

— Давно он у тебя?

Сережа показал три пальца.

— Три года? А чего такой ободранный?

— Ба... бушкин, — с трудом проговорил он.

Ольга приложила ухо к двери, послушала. Сережа тоже прижался к двери.

— Все. Пошли, — Ольга открыла дверь.

Они вышли, Ольга осторожно прикрыла дверь, взяла Сережу за руку повела вниз по лестнице.

— Внизу так же, — пробормотала она.

Когда стали выходить из подъезда, Сережа обхватил Ольгу руками и зарычал.

— Витя, прекрати! — громко произнесла она.

Сережа прижал лицо к ее куртке и зарычал сильнее.

— Витя, Витя! — засмеялась она. — Ты не маленький, прекрати.

Они вышли из подъезда, миновали сидящих на лавочке старух. Шел крупный снег. Обнявшись, они прошли двор и повернули к машине. Завидя их, Ребров завел мотор и стал разворачиваться.

— Ну, не подавился? — Ольга открыла заднюю дверцу «Жигулей».

— Ум-ум, — ответил Сережа, забираясь с крокодилем в машину, Ольга не торопясь оглянулась и села следом.

— Благополучно? — Ребров переключил скорость.

— Благополучно, — Ольга с облегчением откинула голову на сиденье.

— Свет погасили?

— Нет.

— Напрасно, — Ребров стал выкручивать на набережную.

— Ты не сказал, — Ольга достала портсигар, открыла.

— Ольга Владимировна, — заворчал Штаубе, — вы же не дитя.

— Я не дитя, — Ольга продула папиросу, прикурила.

— Дайте-ка и мне, — Ребров поднял руку, Ольга вложила в нее папиросу.

Ребров закурил, резко выпустил дым:

— Плоховато. Но... ладно, что теперь.

— Я могу вернуться, — усмехнулась Ольга.

— Да уж! — хмыкнул Штаубе. — Вернуться. Дорого яичко ко Христову дню, Ольга Владимировна.

— Сережа, когда дядя обещал приехать? — спросил Ребров.

Мальчик выплюнул головку в руку:

— На Новый год.

Ребров кивнул. Выехали на Садовое кольцо.

Ольга достала пистолет, вынула обойму, вставила в нее недостающие четыре патрона. Сережа разглядывал головку.

— Ты давай соси по-честному, — Ольга оттянула затвор.

Мальчик взял головку в рот и стал вертеть в руках крокодила, — Был я сегодня на Черемушкинском рынке, — проговорил Ребров.

— Дорого? — спросил Штаубе?

— Мясо от пятнадцати до двадцати пяти. Огурцы соленые — семь. Груши — десять.

— Да, — Штаубе покачал головой. — Какой грабеж.

— А ты шиповника купил? — Ольга убрала пистолет.

— Да.

— Ольга Владимировна, как вы съездили в Петербург? — спросил Штаубе.

— Ужасно.

— Seriously? Что-то стряслось?

— Да, это печальная история, — Ребров поморщился от попавшего в глаза дыма. — История человеческой черствости, равнодушия, убожества.

— Я приехала утром, навестила Бориса, взяла рубцовые.

Потом съездила к Илье Анатольичу, передала вар и четвертый. Он живет за городом, пока добралась, пока что. Устала, как черт.

Ну и как всегда к бабуле. Думаю, залезу сейчас в ванну, выпью коньяку...

— О, да, вы любите! — засмеялся Штаубе.

— Приехала, звоню в дверь. Никого. Звонила час. Потом зашла к соседям. Живут лет пятнадцать рядом, знают бабулю только в лицо. Говорят, давно не видели. Звоню ее единственной подруге, Марии Марковне. Она уже месяц не может дозвониться. Говорит, звоню, звоню, никто не подходит. Ей тоже восемьдесят два, но она совсем не выходит. Бабуля-то все сама делала и в магазины ходила. Вот. Пошла к домоуправу. Вызвали участкового, слесаря, взяли понятых. Взломали дверь. Ну и сразу по запаху стало ясно. Входим. И...

— Ольга Владимировна, не надо, прошу вас, — Штаубе закрыл уши ладонями.

— Ну и... я первый раз в жизни видела червивого человека. Червивую бабушку. Там просто была кожа, а внутри черви. Они шевелятся и кажется, что она хочет ползти. Приехали из морга и попросили клеенку, чтобы бабулю поднять. И когда понесли...

— Ольга Владимировна! Ольга Владимировна! Я прошу вас! Я очень прошу вас! — закричал Штаубе, зажимая уши. — Если я прошу, если я очень прошу! Зачем же вы! Ну!

— Извините, Штаубе, милый. Я просто устала, — Ольга откинулась на сиденье. — Я прямо с поминок — сюда.

— Ужасно, ужасно, — тряс головой Штаубе. — И ведь никто не придет, не позвонит. Какие все-таки люди стали. Боже мой!

— Да, — вздохнул Ребров. — И мы еще удивляемся черствости нашей молодежи. Хотя виноваты в этом сами.

— Да нет, я же помню военные, послевоенные годы! — Штаубе снял шапку, пригладил седые волосы. — Как тяжело было как плохо жили! Но я совсем не помню людей равнодушных! Было все: хамство, скупость, дикость, но только не равнодушие! Только не равнодушие!

Сережа выплюнул головку в ладонь:

— А я не равнодушный?

— С тобой все в порядке, — улыбнулся Ребров.

— Ты у нас просто Тимур! — засмеялась Ольга, — Правда, без команды. Что, устал сосать? Дай мне тогда...

Наклонившись, она губами взяла головку с Сережиной ладони, покачала головой.

— Хорошо? — спросил Сережа, Ольга кивнула.

Свернули на проспект Мира. Снег падал крупными копыями. Проехали по Ярославскому шоссе, свернули направо. Дорога пошла сквозь заснеженный лес и километра через три уперлась в ворота трехметрового зеленого забора. Ребров посигналил.

— Уф-ф... неужели доехали, — закричал Штаубе, надевая шапку.

— Виктор Валентиныч, а почему здесь всегда снега больше, чем в Москве? — спросил Сережа.

— Северное направление. Холоднее.

Рядом с воротами отворилась дверь, вышел милиционер в наброшенном на плечи тулупе. Ребров опустил стекло. — Добрый вечер! Вас тут снегом не завалило?

— Приветствую, — милиционер подошел, посмотрел, повернулся и скрылся за дверью. Ворота медленно открылись. Машина стала въезжать.

— У вас закурить не найдется? — милиционер стоял возле маленького здания вахты.

— Найдется, — Ребров притормозил. — Ниночка, где наши папиросы?

Ольга передала портсигар. Ребров раскрыл, протянул милиционеру.

— Спасибо. Игорь Иванович не приедет?

— Нет. До Нового года вряд ли.

Милиционер чиркнул спичкой. Поехали дальше по прямому заснеженному шоссе. В густом хвойном лесу виднелись редкие очертания дач. Свернули направо и снова уперлись в забор с воротами. Ребров вышел, отпер и отворил ворота:

— Сережа, закрой.

Въехали. Сережа вылез, закрыл и юркнул в машину. Метров через сто среди сосен показался большой двухэтажный дом. Машина подъехала нему и остановилась. Стали вылезать.

— Ой, — Штаубе, морщась, захромал к дому, — Виктор Валентинович, надо бы дорожку расчистить...

Ребров взял из багажника две сумки:

— Завтра, все завтра.

Сережа слепил снежок, бросил в спину Ольги. Не оборачиваясь, Ольга погрозила ему кулаком. Вошли в дом. Штаубе зажег свет. Разделись, в просторной прихожей повесили одежду на огромные лосиные рога. Ребров протянул Ольге коричневую сумку:

— Это сразу на кухню. И готовить.

— Да, Ольга Владимировна, готовить, готовить, умоляю, готовить, — Штаубе осторожно снимал калоши. — Я обедал в двенадцать, в страшной забегаловке. Ужасно голоден.

— А я вообще не обедал, — Сережа ловко кинул шапку на рога. — Виктор Валентинович, а можно Воронцова посмотреть?

— Подожди, все пойдем.

— Ну, можно я!

— Нет, нет. Ты мне сейчас нужен. Идем в кабинет, — с черной сумкой в руке Ребров стал подниматься по широкой, устланной ковром лестнице на второй этаж.

— Ну... — хлопая крокодилком себя по ноге, мальчик нехотя последовал за ним.

Ольга на кухне загремела посудой. Штаубе скрылся в уборной.

Ребров вошел в кабинет, зажег настольную лампу, вынул из сумки шкатулку, положил на стол. Достал пробирку с губами, посмотрел на свет:

— Так.

Сережа рассматривал корешки многочисленных книг:

— Виктор Валентинович, а что такое термодинамика?

— Термодинамика? — Ребров поставил пробирку в кассету, рядом с другими пробирками. — Честно говоря, точно не знаю... подойди, пожалуйста, сюда.

Ребров открыл шкатулку, Сережа подошел. В шкатулке лежали документы, деньги, пачка

писем, ювелирные изделия в коробочках, театральный бинокль, отделанный перламутром.

— Анищенко Николай Николаевич, — Ребров раскрыл паспорт, — Повтори про усы еще раз.

— Усы были, когда переехали с Моховой, потом два раза была борода, а усов не было. И последний раз, последний, то есть, год были только усы.

— Так, — Ребров раскрыл тетрадь, сделал в ней пометки, потом взял ножницы и стал вырезать фотографии из паспорта. — И еще раз о шахматах.

— Ну, — Сережа положил крокодила на край стола и загнул ему хвост, — каждое воскресенье, в Парке Культуры, в шахматном павильоне. Там были Сергей Иваныч, потом Костя, потом такой Толик.

— С суставом?

— Ага.

Ребров убрал фотографии в конверт.

— А можно я бинокль возьму? — спросил Сережа.

Ребров покачал головой:

— Это невозможно... На сегодня хватит. Завтра поговорим о толстяке и о ребрах. Иди посмотри мультфильмы.

Мальчик поднял крокодила над головой и вышел.

На ужин Ольга приготовила телятину с тушеной айвой и жареным картофелем. Выпили бутылку шампанского. Ребров ел и пил молча. Штаубе рассказывал о почтовых голубях и о своем плавании по Волге на теплоходе «Максим Горький», После мороженого с орехами и чая Ребров закурил, устало провел рукой по лбу:

— Что ж... спасибо, Ольга Владимировна. Пойдемте к Воронцову?

— Да, да! — встрепенулся Штаубе, вытирая губы салфеткой.

— Пойдемте, а то поздно, и вообще... не хорошо.

— Генрих Иванович, — Ольга показала на плавающую в стакане с водой головку.

— Да, да, — Штаубе вынул головку и осторожно вложил себе в рот. Все устали из-за стола.

— Идите, я приду, — Ольга закурила, направляясь на кухню. Ребров, Штаубе и Сережа прошли в темную комнату, расположенную рядом с кухней. Все четыре стены в комнате были заняты полками, тесно заставленными консервами, спиртным и другой провизией. Посередине пола была крышка погреба, запертая на задвижку. Ребров оттянул задвижку, открыл крышку. Из темного люка хлынул запах человеческого кала. Люк был затянут металлической решеткой. Ребров взял с полки электрический фонарь, осветил в люк:

— Андрей Борисович, добрый вечер.

На дне глубокого бетонного мешка заворочался человек. Он был без ног и без правой руки и

лежал в собственных испражнениях, густо покрывших пол бункера. На нем был ватник и какое-то тряпье, все перепачканное калом. В углу стояли динамомашина с ручкой, и присоединенный к ней электрообогреватель.

— А я... — хриплым голосом произнес Воронцов, глядя вверх. Бородатое лицо его было худым и коричневым от кала.

— Как дела? — Ребров осветил Воронцова. — Машина работает? Не мерзнете?

— Ну... все это... работает и работает исправно, — проговорил Воронцов, помолчал и заговорил быстро и неразборчиво. — Я, я, Георгий Адамович, я постоянно тру и крутить готов, ну, там, когда есть и необходимое, все будет и уже работает, я знаю все, ну, так сказать, возможности и прошлый раз я усвоил и готов к исправлению, готов к, ну, разным, готов быть в форме и знать то, что вам и мне и что нужно знать, что необходимо знать, я готов.

— Замечательно, — кивнул Ребров. — Кулья не кровит?

— А я... я это, — затряс головой Воронцов. — Я же вот... вот... как все необходимо.

Он торопливо вынул из ватника и показал обмотанный тряпьем обрубок руки. Ребров кивнул и переглянулся со Штаубе. Штаубе показал ему большой палец. Зашла Ольга с большой миской вареного картофеля, поверх которого лежали кусок хлеба и кусок сала. Ольга поставила миску на решетки, стряхнула пепел папиросы в бункер:

— Привет, Воронцов.

Воронцов задвигался, прополз к противоположной стене, неотрывно глядя вверх:

— А... Татьяна Исаковна... я... просто...

— Он что, опять без маковых? — спросила Ольга.

Ребров кивнул. Сережа взял картофелину и бросил вниз. Воронцов упал на пол, накрыл картофелину рукой, подтянул к себе и зачмокал.

— Так, — Ребров хлопнул в ладоши. — Начнем, Андрей Борисович, прошлый раз вы нас разочаровали. Разочаровали настолько, что я, признаться, собрался на все махнуть рукой. И я бы это сделал, уверяю вас, если бы не был по внутреннему складу человеком добрым и благодушным. Это во-первых. И во-вторых, если бы Борис Иванович, — он посмотрел на Штаубе, — за вас не заступился.

Штаубе кивнул.

— Так что сегодня, Андрей Борисович, вас последний шанс. Отнеситесь к нему серьезно. Поймите, что ваше будущее в ваших руках.

— В вашей голове, — добавила Ольга.

— Да, да, — кивнул Ребров и спросил громче обычного:

— Итак, Воронцов, вы готовы?

Воронцов выполз на середину пола бункера, сел:

— Я да. Я да.

— Тогда, пожалуйста, №1.

Воронцов откашлялся и заговорил, старательно проговаривая слова:

— Если я люблю море и все, что похоже на море, и больше всего, когда оно гневно противоречит мне, если есть во мне та радость искателя, что гонит корабль к еще неоткрытому, если есть в моей радости радость мореплавателя, если некогда ликование мое восклицало: берег исчез, теперь пали с меня последние цепи, беспредельность шумит вокруг меня, вдали от меня блестит пространство и время, ну, что ж, вперед, старое сердце. О, как же страстно не стремиться мне к вечности и к брачному кольцу колец, к кольцу возвращения. Никогда еще не встречал я женщины, от которой хотел бы иметь я детей, кроме той женщины, что люблю я. Ибо я люблю тебя, о вечность. Он замолчал, неотрывно глядя вверх.

— №2, — скомандовал Ребров после небольшой паузы.

— Я это, это да... вот. Акт дефекации — сложнорефлекторный акт, в котором принимают участие кора головного мозга, проводящие пути спинного мозга, периферические нервы прямой кишки, мускулатура брюшного пресса и толстого кишечника. Рефлекс на дефекацию возникает в прямой кишке при раздражении ее каловыми массами, и следовательно, она является не только трактом для одномоментного прохождения, но и местом для временного скопления каловых масс. Различают несколько типов дефекации: одномоментный и двух-, или многомоментный. При дефекации первого типа все совершается одномоментно, быстро: после нескольких напряжений брюшного пресса выбрасывается все содержимое, скопившееся в прямой кишке и сигме...

— А что такое сигма? — громко спросила Ольга.

— Сигма... сигма это отдел толстого кишечника, находящийся над прямой кишкой, являющейся продолжением нисходящего отдела толстой кишки. При дефекации второго типа, двухмоментной, в первый момент выбрасывается лишь часть содержимого, скопившегося в прямой кишке. Через несколько минут после выбрасывания первой порции каловых масс очередная перистальтическая волна выталкивает содержимое из сигмы в прямую кишку, вследствие чего появляется повторный позыв на дефекацию.

Ребров вздохнул, посмотрел на Ольгу. Она устало потерла виски и зевнула. Штаубе с сердитым лицом сосал головку. Сережа, шевеля губами, читал надпись на иностранных бутылках.

— №3, — произнес Ребров.

— Примеры искусственно выломанного основания черепа, по-видимому, для того, чтобы добраться, до мозга, — быстро и с облегчением заговорил Воронцов. — Рассматриваются как доказательства каннибализма. Слеваверху череп из Штейнхейма, справа череп неандертальца из Монте-Чирчео, внизу современный папуасский череп с Новой Гвинеи и доисторическая находка из Моравии. Скопление мезолитических черепов. Захоронение из пещеры Грот дю Кавийон, Гримальди, Италия. Три крупные каменные орудия архаического типа, изготовленные из твердой вулканической породы. Северная Австралия. Уникальный маленький гарпун с тремя рядами ровных...

— Ну хватит, хватит, хватит в конце концов! Сколько можно! — вдруг раздраженно выкрикнул Штаубе, выплюнув головку в руку. Воронцов смолк.

— Виктор Валентинович! — негодовал Штаубе. — Если вы позволяете глумиться над собой, над своей душой, то хотя бы пощадите наши души!

— И наши уши, — тихо добавила Ольга и, тяжело вздохнув:

— Ужасно, как все ужасно...

— А что... стень? — повернулся к ним Сережа.

— Нельзя потворствовать негодьям, нельзя! Я старый человек, Виктор Валентинович, я могу понять и простить многие человеческие слабости, я христианин! Я могу простить невежество, хамство, жестокость, даже — подлость! Но только не глумление над человеческой душой! Никогда! А ты... — он наклонился над решеткой. — Ты... негодяй! Если ты... если ты плюешь, пренебрегаешь, если ты... — голос Штаубе задрожал. — Если ты... ты... ты знай... нет! Господи...

Он повернулся и вышел из кладовой.

Ольга загасила окурок о торец полки, бросила его в бункер и тоже вышла.

— Что, опять — стень? — Сережа подошел к Штаубе.

— Сережа, — Ребров снял с решетки миску с картошкой. — Пожалуйста, отнеси это на кухню.

— Слушаюсь и повинуюсь, — Сережа взял миску и вышел.

Ребров долго молчал, сложив руки на груди и опустив голову. Потом заговорил:

— М-да. Итак, Андрей Борисович, подведем итоги. Выводов за эти четыре дня вы не сделали, это — раз. Я переоценил ваше нравственное начало, это — два. Я недооценил ваш плебейский прагматизм. Три. Приговаривать вас к четвертой ампутации — банально и в данной ситуации лишено всякого смысла. Наше решение вам было известно заранее.

Ребров с грохотом захлопнул бункер крышкой, запер ее на задвижку. Поднял с пола фонарь, поставил на полку и вышел.

Штаубе, Ольга и Сережа ждали его в столовой. Ольга складывала грязную посуду, старик с сердитым лицом сосал головку, Сережа крутил кубик Рубика. Ребров подошел к столу, рассеянно взял из вазы яблоко, откусил.

— И Генрих Иваныч, и я тебя предупреждали, — сказала Ольга.

Ребров отошел к окну. За окном было темно и падал снег.

— Оль, а он по пальцам не показывал, не делал? — спросил Сережа. Ольга отрицательно качнула головой.

— Он просто хунвейбин! — Штаубе выплюнул головку в руку.

— Я вам, Виктор Валентинович, говорил еще месяц назад, когда вы сделали первую пробу! Нравственность у этого типа вообще отсутствует! Это мыслящее животное! Этот негодяй с невероятным хладнокровием, с прямо-таки адской наглостью пользовался вашей снисходительностью!

— Нашей снисходительностью, — вставила Ольга.

— И потом, что это за тон, что за тропино? Почему, например, тогда, перед праздником он молчал и показывал — три? И почему теперь все псу под хвост? Почему нет фаллей? Почему мы опять в дураках?

Ребров жевал яблоко, глядя в окно.

— А вы знаете, — Сережа рассматривал собранный кубик, — Генрих Иванович сегодня опять приманивал слюнявчиков.

Ребров повернулся. Ольга замерла с тарелкой в руках. Штаубе стал приподниматься с кресла, зажав в кулаке головку.

— Генрих Иванович, — произнес Ребров и, бросив яблоко, кинулся к Штаубе.

— Нет! Ебанный! — закричал Штаубе, замахиваясь палкой на Сережу, но Ребров перехватил его руку, завернул за спину. Ольга схватила левую руку старика:

— Головку! Отдайте головку!

— Ебанный! Ебанный! Стервец! — кричал Штаубе.

Ребров сдавил ему горло, старик захрипел, упал на колено. Ребров отбросил в сторону его палку. Ольга разжала пальцы старика и тут же вложила головку в подставленный Сережей рот.

— Сережа, пластырь и наручники! — скомандовал Ребров.

Сережа выбежал.

— Вы... вы только гадить... не дам... — хрипел Штаубе в руках Реброва.

— Вы же подписали! Вы подписали! Как же так! Ольга Владимировна, кушетку... кушетку...

Ольга отодвинула от стены узкую кожаную кушетку.

Вбежал Сережа с пластырем и наручниками.

— Нет... сте... рвцы... сами же... нет, — хрипел Штаубе.

Ребров и Ольга подтащили его к кушетке и положили на нее лицом вниз.

— Сережа, — скомандовал Ребров, Сережа залепил старику рот пластырем. Затем, навалившись втроем, они обхватили руками старика кушетку и защелкнули на них наручники. Ребров сел на ногу Штаубе, Сережа крепко схватился за протез.

— Ольга Владимировна, у меня в кабинете, в столе, в нижнем ящике. Слева. И над большой конфоркой, она быстрее нагревает.

— Я знаю, — Ольга быстро вышла.

— Где это было? — спросил Ребров.

— Там... на Новаторов. После Борисова когда. Я за резиной сбегал, а потом вернулся. А Генрих Иваныч в булочной...

Ребров мрачно кивнул. Штаубе со стоном дышал носом.

— Генрих Иваныч, — медленно проговорил Ребров, — сегодня вы меня очень огорчили. Очень. Получать такие ножи в спину... это, знаете, больно. Это гадко.

Он привстал и принялся расстегивать штаны старика. Штаубе замычал. Сережа помогал Реброву. Они спустили черные потертые брюки старика до колен, стянули трусы. Ребров закатал на спину кофту с рубашкой. На левой ягодице Штаубе стояли два клейма размером с рублевую монету, в виде креста в круге. Одно клеймо было совсем старым, другое, судя по темно-лиловому цвету — недавним.

— Наш союз, наша дружба, Генрих Иванович, держится не только на взаимной любви. Но и на вполне конкретных взаимобязательствах. Оскорбляя, унижая себя, вы оскорбляете и унижаете нас. Сережа, пописай в чашку.

Мальчик отпустил протез, подошел к столу и немного помочился в чашку. Вошла Ольга, держа в руках небольшой саквояж и толстый стальной прут с деревянной рукояткой, к концу которого было приварено стальное тавро — крест в круге. Тавро было раскалено.

Штаубе забился, застонал. Ребров сильнее прижал его ногу к кушетке:

— Рядом с Бородилинским, здесь... Сережа! Протез...

Сережа поставил чашку с мочой на пол, схватился за протез. Ольга примерилась и прижала тавро к ягодице старика. Зашипела раскаленная сталь, показался легкий дымок, Штаубе забился на кушетке. Ольга отняла тавро, взяла чашку, вылила мочу на багровое клеймо. Затем раскрыла саквояж, вынула пузырек с маслом шиповника, вату и стала осторожно смазывать ожог:

— Вот... Штаубе, милый... и все позади...

Голова старика тряслась, из глаз текли слезы.

— И по сонной, Ольга Владимировна, сразу по сонной, — пробормотал Ребров.

Ольга не торопясь закрыла пузырек, достала и распечатала одноразовый шприц, распечатала и насадила иглу.

— Сережа, голову поддержи...

Мальчик прижал голову Штаубе к кушетке. Ольга щелкнула по ампуле, переломила, вытянула шприцем содержимое. Штаубе мычал и плакал.

— Сейчас, милый... — она умело воткнула иглу в сонную артерию, медленно ввела прозрачную жидкость. Штаубе дернулся всем телом, слабо застонал, закашлял через нос. Сережа отпустил его голову, она осталась лежать на боку. Ребров слез с ноги старика и осторожно снял пластырь с его рта.

— По... по петел... — слабым голосом произнес старик.

— Вы... вы не... плохо...

Ребров снял с него наручники. Ольга накрыла ожог пропитанной маслом марлей и залепила пластырем. Штаубе спал. Его раздели догола, сняли протез и перенесли в спальню, где облачили в пижаму и уложили в кровать.

— Пусть завтра спит, сколько может, — Ребров накрыл Штаубе толстым стеганым одеялом.

— Да кто же его будет будить, — Ольга погладила старика по голове. Сережа выплюнул головку в руку:

— Ну, я пойду кино посмотрю.

— Какое кино, Сережа, — Ребров глянул на часы. — Первый час уже. Спать, немедленно. У нас завтра масса дел.

Мальчик со вздохом передал ему головку:

— Спок но.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Сереженька, — поцеловала его Ольга.

Мальчик вышел.

— Устал... — Ребров потер виски.

— Хочешь коньяку? — спросила Ольга.

Он рассеянно кивнул.

— Пошли в каминную.

— В каминную? — Ребров посмотрел на головку, потом на спящего Штаубе. — Двинулись.

Ольга погасила свет, Ребров сунул головку в рот.

\* \* \*

Ребров сидел в кресле и смотрел в зажженный камин. Ольга, сидя на ковре по-турецки, наливала в стаканы вторую порцию коньяка, — Где бодрый серп гулял и падал колос, теперь уж пусто все... просто везде... — пробормотал Ребров и устало вздохнул.

— Да, да, да, Если мы в четверг не выйдем на Ковшова, брошу все к чертям. И — в Киев.

— А мы? — Ольга подала ему стакан.

— Вы? Вы... — он пригубил коньяк. — Не знаю, не знаю. Сами поедете, сами доберетесь.

— Ну что ты говоришь, — улыбнулась Ольга. — Как это мы сами доберемся?

Он раздраженно дернул головой:

— Ольга Владимировна! Я уже три месяца бьюсь лбом в стену. Я потерял: Голубовского, Лидию Моисеевну, Цветковых. Мы потеряли блок. Генрих Иваныч сжег теплицы. Вы оставили третье оборудование. Сережа о Денисе ничего не помнит и, я полагаю, не вспомнит. А значит,

получать круб, получать беленцы мы будем вынуждены через Ленинград. Только через Ленинград. Вот перечень наших потерь. А что же мы приобрели? Разрушенную, разваленную до основания мастерскую? Никому не нужные связи? Бесмысленные вычисления Наймана? Бесплезные шесть миллионов?

— Но ведь Ковшов обещал...

— Ковшов? Обещал? Вы его хоть раз в глаза видели? Нет. И я не видел. В нашем положении верить телефонному разговору — явная глупость. Но вынужденная. Поэтому я и пошел на договор. Нет, нет ничего, кроме паллиативов. Сплошная полоса зависимости и вынужденных ходов.

— Витя, но мы же завершили с металлом. И Найман сказал, что у ребят получилось.

— У ребят получилось! Да! Но из этого вовсе не следует, что получится у нас. Если вы так уверены, почему же тогда голосовали против? Из принципа? Или все-таки из-за неуверенности?

Ольга молча отпила из стакана. Ребров залпом допил свой коньяк и поставил стакан на пол:

— Конечно, оптимизм — это хорошо. Это то, что не позволяет нам опустить руки. Пока работаем, делаем, что можно. Но опираться следует все-таки на теорию вероятности, на жесткий расчет. И все радужные фантазии отбросить. Раз и навсегда.

Он помолчал, глядя в огонь, потом произнес:

— Ольга Владимировна. Давайте поедемся.

Ольга удивленно подняла брови:

— Что... прямо сейчас?

Он кивнул. Ольга искоса взглянула на его напрягшийся член, улыбнулась и стала раздеваться. Ребров встал, снял брюки и трусы. Раздевшись, Ольга подошла к Реброву. Он повернул ее спиной к себе, она облокотилась на спинку кожаного кресла.

Ребров вошел в нее сзади и стал нетерпеливо двигаться, громко стоная. Ольга прижалась щекой к спинке и смотрела в огонь. Ребров стал двигаться быстрее, откинулся назад, потом схватил Ольгу за плечи, прижался к ней, замер и зарычал ей в волосы.

— Витя... — прошептала она и улыбнулась.

— Ой... даже слюни потекли... — Ребров вытер рот рукой, отошел и в изнеможении упал на диван. — Ой... Ольга Владимировна... простите меня... пожалуйста...

— За что же? — она потрогала себя между ног, понюхала руку.

— Простите... за все меня простите, — бормотал Ребров.

— Я приду сейчас, — она вышла и вернулась минут через пять, завязывая на ходу пояс белого махрового халата.

Ребров спал на диване. Ольга принесла одеяло, накрыла его, взяла свою одежду, головку в стакане, и пошла к себе в комнату.



— Ну вот, сейчас будем закалять мальчика!

Сережа замычал. Ольга раздела его, влезла с ним в ванну, зажала его голову между своими ладонями, громко хлопнула по худому мальчишескому задку:

— Сереже Анищенко прописаны водные процедуры.

Она направила розетку душа на зад Сережи, открыла кран холодной воды. Струйки с шипением ударили в Сережин зад. Сережа завизжал. Ольга закрыла кран:

— Еще, или прощения?

— Прощения, прощения!

Она отпустила его голову и, стоя над ним с душем в руке, развела свои длинные ноги:

— Целуй.

Стоя на коленях, Сережа поцеловал ее поросшие светлыми волосами гениталии.

— Еще.

Сережа поцеловал.

— Громче целуй.

Сережа поцеловал, громко чмокнув.

— Ах ты, поросенок! — усмехнулась Ольга, беря его за волосы.

— Что за крики? — голый Ребров вошел в ванную.

— Крещение младенца, — улыбнулась Ольга, — как почивать изволили?

— Прекрасно... — Ребров подошел к раковине, взглянул на себя в зеркало, провел рукой по щеке.

Сережа вышел из ванны, забрал свои вещи и вышел, обиженно молча. Ольга отвернула кран холодной воды, стала поливать себя из душа.

— М-да... ибо из малого строится великое, — пробормотал Ребров, взял с полки электробритву и стал бриться.

— Ой! Ах, хорошо! — вздрагивала Ольга под душем.

— И вот я о чем подумал. Мы сами не будем звонить Ковшову. Пусть сидит и ждет звонка. А Найман в это время поедет к кооператорам. С болванкой. И пощупает Ковшова за вымя.

— Как? — Ольга выключила душ.

— Радиотелефон стоит у кооператоров. Ясно? — Ребров посмотрел на нее.

— Гениально! — Ольга покачала головой и хлопнула мокрыми ладонями. — Гениально!

— Так победим.

Ребров плеснул в ладонь одеколона и быстро размазал по щекам.

\* \* \*

Завтракали, как всегда, в оранжерее.

— Генрих Иваныч, как вы себя чувствуете? — спросил Ребров, помешивая кофе.

— Прекрасно, — Штаубе с аппетитом ел яичницу с ветчиной, — сон — лучшее лекарство. Авиценна прав.

— Не болит?

— Абсолютно. Ольга Владимировна, голубушка, налейте мне еще сока.

Ольга встала и принялась разливать всем апельсиновый сок из хрустального кувшина. Когда дошла очередь Сережи, он накрыл стакан ладонью и буркнул:

— Не буду.

Ольга протянула ему левую руку с согнутым мизинцем. Сережа, помедлив, нехотя взялся своим мизинцем за Ольгин.

— Мирись, мирись, мирись и больше не дерись, — сказала Ольга.

— А если будешь драться, то я буду кусаться, — пробурчал Сережа. Ольга поцеловала его в голову и налила ему сока. Ребров допил кофе, вытер губы салфеткой:

— Друзья. С вашего позволения, я воспользуюсь свободной минутой для небольшого сообщения. Я не сказал вам вчера, но и, по-моему, к лучшему. Брикетты от Голубева не поступили.

Ольга замерла со стаканом в руке. Штаубе перестал жевать:

— Как... как не поступили?

Ребров отрицательно покачал головой.

— А Маша? — Ольга поставила стакан.

Он снова качнул головой.

— Но, Виктор Валентиныч, я не понимаю! — повысил голос Штаубе. — Тогда как нам понимать прикажете ваши воскресные показания? И Маша? Что же получается, нас водят за нос? Я не понимаю ничего, объясните мне толком!

Ребров вздохнул:

— Дорогой Генрих Иваныч. В воскресенье я сказал про педагогов. Вы должны это помнить.

— Да! Я и помню! — взвизгнул Штаубе. — Помню! Как вы позволили, вы дали этой твари, этой... ебаной суке обещать! Обещать и довериться! Как она смеялась, как согласилась! Блядь

эта! И вы, вы заступились за Мишаню! Вы! Вы! — он резко и неуклюже встал, опрокинув стакан с соком. — И я, я вам говорю! Я говорю вам, что я презираю Мишаню! Я срал на орловские! Срал! Я срал и ссал на ваши упражнения с ним! Я срал на эти вонючие деньги! Они, видите ли, поставили нам условие! Прошли пару черных! Благодетели! Нет! — он постучал, пальцем в стол. — Вы не закончите с третьим! Нет, нет! И не надо мне подробностей! Не надо этих фокусов с челюстью! Я не клоун вам, Виктор Валентиныч! Я не Найман! Не этот... не эта тварь! Блядская! У-у-у, мрази! — лицо Штаубе побелело, в глазах блеснули слезы. — Я, я старик! Старик! И я, по-вашему, должен вот для этой ебаной, блядской гадины доставать! Да?! Я, инвалид, больной человек?! Я должен ублажать Злотникова?! Идти в исполком?! Забирать?! С этими сволочами ездить?! Да?! Да?! И комки?! Да? И плиты? Я?! И вы равнодушно с этим смиряетесь? Вы?! Вы?!

Ребров поднял опущенную голову и тихо произнес:

— Промежуточный блок у меня.

Штаубе замер:

— Как это?

— Еще пятнадцатого. Лежит у Тамары Алексеевны.

Штаубе перевел недоумевающие глаза на Ольгу. Она кивнула.

— Ну... — Штаубе пожал плечами, — тогда...

Он помолчал, сосредоточенно глядя в стол и пробормотал:

— Тогда... простите старика.

— Да бросьте, — Ребров посмотрел на часы, — итак, в двенадцать раскладка. Прошу всех быть в полной готовности. И более профессионально, чем в прошлый раз. Завтра дело №1. Помните, пожалуйста, про это. И о наклонном.

— Не забудем, — Штаубе накрыл салфеткой лужицу сока, понюхал воздух и наклонился к сидящему рядом Сереже. — Фу! Да ты никак набздел!

Сережа удивленно потянул носом:

— Я... нет...

— Запустил шипуна и помалкивает! А, Виктор Валентиныч?

Ребров встал:

— Жду вас в двенадцать.

\* \* \*

Раскладку проводили в маленькой комнате рядом с кабинетом Реброва. Когда все сели на стулья по углам расстеленной на полу развертки, Ребров бросил эбонитовый шар на середину. Шар остановился на «радости». Ольга закрыла лицо руками.

— Ничего, ничего, — успокаивающе улыбнулся Ребров.

Она положила обе свои пластины на 6. Штаубе тронул жезлом красное. Сережа пометил «стену-затвор». Ребров оттянул по второму, сдвинул сегмент к «коню», тронул шар. Шар показал «рассеянье». Ольга переставила левую пластину на 27. Штаубе прошел кольцом желтое и «борк». Сережа провел мелом по «стене-маяку». Ребров оттянул по шести и девятке-кресту, сдвинул сегмент к «кунице», тронул шар. Шар показал «доверие». Ольга переставила правую пластину на 18. Штаубе тронул жезлом синее и завершил петлю. Сережа стер «стену-затвор», пометил «стену-препятствие». Ребров оттянул по двенадцати, сдвинул сегмент на поле, тронул шар. Шар показал «согласие». Штаубе в раздражении бросил жезл.

Ольга плакала. Ребров раскрыл книгу списков, нашел нужную страницу:

— 9, 46, 21, 82, 93, 42, 71, 76, 84, 36, 71, 12, 44, 47, 90, 65, 55, 36, 426.

\* \* \*

Штаубе развел руками:

— Только вага, стри и воп.

Ребров кивнул, закрыл книгу. Ольга плакала навзрыд.

— Ну я пойду? — встал со стула Сережа.

Ребров кивнул. Сережа вышел. Штаубе встал и захромал следом. Ребров посмотрел на плачущую Ольгу:

— Ольга Владимировна, вам придется...

— Я знаю, знаю! — рыдала Ольга.

Ребров помолчал, забрал шар, сегмент, жезл и вышел.

\* \* \*

До обеда Ребров и Штаубе работали над первым блоком, а Ольга с Сережей отправились на лыжах в лес. Проехав километра три ельником, они остановились посередине большой поляны.

— Давай здесь, — огляделась Ольга и воткнула палки в снег. Сережа снял небольшой рюкзак и стал развязывать. Ольга расстегнула куртку, достала свой спортивный пистолет с глушителем:

— Повесишь вон туда, через каждые десять шагов.

— Лыжных шагов? — засмеялся Сережа, доставая из рюкзака три килограммовых куска мяса на крюках. — Тогда не шагов, а бегов!

— Хорошо, бегов, — Ольга сбросила куртку на снег и осталась в лыжном костюме олимпийской сборной СССР.

Сережа поехал и долго развешивал мясо на нижних сучках елей.

— Готово!

Он вернулся, встал чуть позади Ольги, достал секундомер. Красное мясо блестело на солнце на

фоне зелени. Ольга оттянула затвор и стала быстро стрелять по кускам. Куски закачались на крюках, от них полетели клочья. Обойма кончилась, Ольга вставила новую и продолжала стрельбу. Она стреляла, меняя обоймы до тех пор, пока на крюках ничего не осталось.

— Сколько? — она обернулась к Сереже.

— Пятьдесят... три.

Она недовольно тряхнула головой:

— Вшивенько. Придется сегодня покачаться.

— Оль, а дай мне? Три раза?

— Милый, он же по моей руке сделан. Ты на курок нормально нажать не сможешь. Я тебе из «макара» дам.

— Ну, Оль! Ну, разик!

— Ну, давай. Только возьми обеими руками. Вон в ту ель.

Сережа поднял пистолет, долго целился, выстрелил.

— Молодец, попал. Давай еще.

Он выстрелил и снова попал. Выстрелил еще и промазал.

— Ничего, научишься из «макара», — Ольга забрала у него пистолет.

— Этот тяжелый.

— Тяжелый. Зато бьет, как зверь. На речку поедем?

— Ага.

Ольга надела куртку, Сережа — рюкзак. Медленно пошли рядом.

— Там лыжня, — сказала Ольга. — Наверно, завалило всю.

— Оль, а у Реброва большой хуй? — спросил Сережа.

— Обыкновенный.

— Меньше, чем у Фариды?

— Конечно. Смотри!

Белка прыгнула с сосны на ель. Куски снега полетели вниз.

\* \* \*

Ужинали в восемь. После индейки с маринованными фруктами Ольга подала шоколадный мусс. Позвонил телефон. Ребров взял лежащую на стуле трубку с короткой антенной:

— Да. Да. Пропустите.

Он положил трубку, зачерпнул ложкой мусс из стеклянной розетки:

— Генрих Иванович, это специально для вас.

— Что? — поднял голову Штаубе.

— Карташов Виктор Афанасьевич. Двигается к нам от проходной на своей «волге».

— Как? Как. Погодите... — Штаубе закашлял, бросил ложку.

— Вероятно, с подарком.

— Господи... погодите... — кашляя, Штаубе встал. — Как же? Это что же?

— Успокойтесь, Генрих Иванович. Мы вас не выдадим.

— Да. Ну, а... — побледневший Штаубе пожал плечами.

— Идите наверх, — спокойно проговорил Ребров.

Штаубе взял палку и вышел из столовой.

— Встретим в прихожей, — Ребров размял папиросу, закурил. — Сережа, принеси из моего кабинета коричневый портфель.

Мальчик вышел.

— Ну вот, — Ребров с улыбкой посмотрел на Ольгу. — Не только потери.

— Поддержка? — спросила Ольга.

— Не понадобится.

В дверь позвонили. Ребров с Ольгой прошли в прихожую. Ребров открыл дверь. На пороге стоял человек среднего роста в серой дутой куртке и голубой спортивной шапочке. В руке он держал чемодан.

— Здравствуйте, — человек вошел и опустил чемодан на пол.

— Здравствуйте, Виктор Афанасьич, — сухо произнес Ребров, закрывая дверь за Карташовым.

— А я это, на Одоевского позвонил, а там нет никого, — Карташов посмотрел на спускающегося по лестнице Сережу.

Ребров выпустил дым, передо папиросу Ольге и взял у Сережи портфель. Карташов шмыгнул носом и сунул руки в карманы куртки, Ребров открыл портфель, вынул металлический предмет, протянул Карташову.

— Ага, — тот взял предмет и тут же спрятал в карман.

— Мы вам позвоним, — Ребров открыл дверь.

— Ага. До свидания, — Карташов вышел, Ребров запер дверь, взял чемодан, стал подниматься по лестнице. Ольга и Сережа последовали за ним. На втором этаже в холле стоял Штаубе.

— Прошу, Генрих Иванович, — Ребров поставил чемодан перед Штаубе. Опустившись на колени, Штаубе открыл чемодан. Он оказался полон мятой женской одежды и нижнего белья.

— Так, так, так, — Штаубе стал выбрасывать вещи на полу, бегло просматривая их. Под одеждой оказался потрепанный скрипичный футляр. Штаубе открыл его. В футляре лежало что-то продолговатое, завернутое в целлофановый пакет. Штаубе развернул пакет и вынул из него женскую руку, грубо отрубленную по локоть. На безымянном пальце руки было золотое обручальное кольцо, с мизинца была снята кожа. Штаубе замер, глядя на руку, потом бросил ее в чемодан, схватил руку близстоящего Реброва и поцеловал.

— Как вам не стыдно, — отстранился Ребров и пошел к лестнице.

— Виктор Валентинныч, голубчик, — Штаубе приподнялся с колена.

— Чай, чай пить, — Ребров стал спускаться вниз.

— Ой... Господи, — Штаубе вытер пот со лба.

— Вам коньяку, или валерьянки? — улыбалась Ольга.

— Мне? Коньячку, коньячку!

\* \* \*

Закрывшись в бильярдной. Ребров и Штаубе играли в «пирамиду». Оба шестисвечных шандала были зажжены, на тумбочке стояла ополовиненная бутылка армянского коньяка.

— Троечку от борта налево, — Штаубе прицелился и забил шар, — оп! Эдак я вас голым оставлю... девять в серединку.

— Если б вы, Генрих Иванович, так на раскладке работали, — Ребров допил свой коньяк. — Тогда б мы уже были в Красноярске.

— Раскладка — раскладкой, а вот... — Штаубе забил шар.

— То, что мы укатали эту пададь и вставились к партийцам, это, батенька, дело архиважное, как сказал бы лысый.

— Райкомовцы, между прочим, целиком ваша забота, — Ребров вынул шары из луз, положил на полку, — если Герасимов не пойдет на замену, тогда нашему промежуточному — грош цена.

— Пойдет, куда он денется, — натирая кий мелом, Штаубе смотрел на стол, — Герасимов висит на Коваленко, а Коваленко на Большакове. А Большакову мы в любое время суток можем сказать: ату, Сергей Сергеич. Пять, четырнадцать направо.

— Проблематично, — пробормотал Ребров.

Штаубе промазал:

— Всегда вы под руку...

— С Герасимовым есть одна тонкость... пять направо, — Ребров забил шар, пошел вокруг стола. — Представьте себе такой вариант: вы давите через Большакова на Коваленко, он пробивает замену, Герасимов подписывает, мы получаем диски. Таня едет в Питер, я с

Наймагом наведываюсь к соплякам, которые честно соглашаются, честно проводят восстановительные работы, и так же честно... семь в середину... показывают ведомости Рыбниковой, которая сразу же докладывает Герасимову, замыкая, тем самым, порочный круг. А Герасимов...

— А Герасимов кладет докладную Рыбниковой под свою толстую жопу и молчит, как камбала, потому что у Большакова не только письмо, но и алматра.

— Вы уверены?

— Видел собственными глазами.

— Тогда это меняет дело, — задумался Ребров.

— Меняет дело, меняет де-е-е-ло-о-о, — пропел Штаубе, суетясь у стола, — «дедушку» от борта в середину. Оп! Вы на бобах, Виктор Валентиныч. Будем доигрывать?

— Да нет, — Ребров положил кий, — с Таней вы когда свяжитесь?

— Хоть завтра, — старик налил себе коньяку, — как закончим, так и позвоню. Или вы хотите сейчас?

— Сейчас, — проговорил Ребров, глядя на свечи.

\* \* \*

В 9.25 утра машина Реброва подъехала к зданию райвоенкомата Октябрьского района и встала на обочине.

— После знедо позовем, — сказал Ребров и открыл дверцу.

На нем была зимняя форма подполковника ВВС, Ольга была одета в форму старшего лейтенанта милиции. Штаубе и Сережа сидели в своей обычной одежде.

Ребров и Ольга вышли из машины, поднялись по ступенькам, вошли внутрь. Сидящий за стеклянным барьером дежурный лейтенант встал, отдал Реброву честь, Ребров на ходу ответил. Они поднялись на второй этаж. В коридоре было пусто. Ребров подошел к кабинету начальника военкомата и открыл дверь.

— Здравствуйте, — сказал он секретарше, печатающей на машинке.

— Здравсьте, — она приветливо улыбнулась, — а они вас в Ленинской комнате ждут.

— Ясно, — Ребров закрыл дверь, двинулся дальше по коридору.

Ольга следовала за ним. Они вошли в Ленинскую комнату. За столом, покрытым красным сукном, сидел начальник военкомата полковник Ткаченко, поодаль на стульях сидели: подполковник Лещинский, майор Зубарев, майор Духнин, капитан Королев, капитан Ломейко, капитан Беляков, капитан Терзибашьянц, старший лейтенант Волков.

— Здравствуйте, товарищи, — бодро сказал Ребров.

— Николай Николаич, приветствую! — заулыбался, вставая Ткаченко. Они пожали друг другу

руки. Офицеры встали. Ребров поздоровался с каждым за руку. Ольга стояла возле двери.

— Подойдите сюда, — холодно сказал ей Ребров.

Она подошла и встала, опустив голову.

— Представьтесь, — скомандовал Ребров.

— Следователь Кировского РУВД города Москвы, старший лейтенант милиции Фокина Светлана Викторовна.

— А-а-а... — Ткаченко подошел к ней, заложил руки за спину. — Вот, значит, мы какие. А годков нам сколько?

— Двадцать шесть, — тихо ответила Ольга.

— Неплохо, очень неплохо! — поморщился Ткаченко. — Двадцать шесть и двадцать шесть, сколько это будет? А?

— Пятьдесят... два, — еле слышно произнесла она.

— Пятьдесят два, — повторит он, злобно глядя на нее. — Открой, Евгений Степаныч.

Капитан Королев подошел к двери, противоположной входной, отпер ее и стал спускаться вниз по ступенькам.

— Прощу, — мотнул головой Ткаченко. Ольга последовала за Королевым. Остальные двинулись за ней. Они спустились по лестнице и вышли во двор военкомата. Во дворе стояло несколько машин. Королев подошел к серо-голубому микроавтобусу, открыл дверцы, сел за руль. Ткаченко сел на переднее сиденье, остальные разместились в салоне.

— Поехали, — кивнул Ткаченко.

Королев завел машину, они выехали со двора и поехали по улице Вавилова.

— Николай Николаич, а что Моисеев? — спросил, не оборачиваясь, Ткаченко.

— В командировке, — ответил Ребров.

— Ну, тем хуже для него.

Свернули на Профсоюзную и минут через пятнадцать выехали из Москвы. Профсоюзная перешла в Калужское шоссе, Королев прибавил скорость. На тридцать шестом километре микроавтобус свернул с шоссе направо и поехал через лес по прямой, хорошо расчищенной дороге. Километра через два дорога уперлась в массивные ворота с красными звездами. Королев посигналил, ворота открылись, машина поехала и остановилась в КПП, перед полосатым шлагбаумом. Подошел солдат с автоматом. Ткаченко протянул ему из окошка бумагу и удостоверение. Солдат зашел на КПП и вернулся с лейтенантом. Лейтенант возвратил Ткаченко удостоверение, козырнул. Шлагбаум поднялся, машина въехала на территорию.

— Давай прямо и у казарм направо, — подсказал Ткаченко Королеву. Свернули у казарм и остановились возле небольшого двухэтажного здания.

— Приехали, — Ткаченко вылез из машины, подождал остальных и первым вошел в здание. Офицеры, Ребров и Ольга последовали за ним. Внутри размещался большой лифт с двумя кабинами, охраняемый тремя солдатами и прапорщиком. Они отдали честь офицерам, прапорщик нажал кнопку снял трубку телефона:

— 6, 23.

Двери одной кабины открылись, офицеры, Ребров и Ольга вошли, двери закрылись, кабина поехала вниз.

Ткаченко посмотрел на Ольгу:

— Железная душа не берет барыша.

Ольга опустила голову.

— Сама себя и обхитрила, — усмехнулся Ткаченко. — Мамочка, отдай!

Офицеры заулыбались. Лифт остановился, двери открылись.

— Прощу! — кивнул Ткаченко и все вышли из лифта в огромное подвальное помещение, освещенное сотнями неоновых ламп, подвешенных к высокому потолку. В подвале было пусто, только далеко впереди виднелась группа военных.

— Вперед! — скомандовал Ткаченко Ольге. Она медленно пошла к военным. Остальные двинулись за ней.

— И побыстрей!

Ольга пошла немного быстрее. Пройдя почти весь подвал, они приблизились к торцевой стене, половина которой была затянута сталью. Возле стены стояли два солдата с автоматами. За столом с телефоном сидел капитан. Возле стола стоял коренастый седовласый генерал-майор ВВС. Не дойдя до него шагов десять, Ольга остановилась. Идущие за ней тоже остановились.

— Ну что, сил нет? А? — спросил генерал. — Ноги не идут? Давай, давай, подходи!

Ольга подошла к нему и остановилась, опустив голову.

— Ну и что? Что дальше-то? А? — спросил он, разглядывая Ольгу.

Ольга молчала.

— Молчим? А? Пришла, значит. Ну, ну! — он повернулся к капитану. — Товарищ капитан, они соизволили прибыть! Понятно? Покажите им, пусть полюбуются.

Капитан снял трубку телефона:

— 8, 43.

Стальная часть стены стала подниматься вверх, открывая полутемное помещение. Когда стена исчезла в потолке, из помещения в подвал въехал огромный тягач, предназначенный для транспортировки ракет средней дальности СС-20. На платформе тягача лежал громадный брус серебристо-зеленого металла. Тягач остановился.

— Ну! Смотри! — мотнул головой генерал.

Ольга подняла голову, посмотрела на брус.

— Сволочь! Сволочь ебаная! — выкрикнул генерал и заговорил, приблизив вплотную свое побелевшее лицо к лицу Ольги. — Ты думала, что ты умнее всех? А? Что, объебать? А? На мякине провести? Так? Нам можно, значит, впихнуть, мы съедим? Да? Делайте, делайте, Петр Семеныч! Блядь! Блядюга ебаная! Приползла! Встала, сука рваная! Мы, значит, сжуем! Схаваем, ебут твою! По первому, по первому пропихнем! И просто! Просто, как у людей! По-простому, ебут твою! А за восьмерку я встану! Так?! Так, сволочь?! Так?! А?!

Он размахнулся и ударил Ольгу по щеке. Она отшатнулась назад, схватилась руками за лицо и зарыдала.

— Можно, можно! Разрешили! Да?! Можно гадить людям, можно пакостить! Валяй, сри! Делай гадости, мне можно! И ничего, сожрут! Хули им, дуракам! А?! Я посру, а они сожрут! Сожрут! Но нет, блядь! Нет, ебут твою! Это ты сожрешь! Сама! Сереж!

Капитан снял трубку:

— 8, 12.

Загудела сирена, открылись двери, и в подвал стали вбегать солдаты с автоматами и строиться в две шеренги. Как только они построились, сирену выключили, раздалась команда:

— Рота, равняйся, смир-но! Равнение на-право!

К генералу, печатая шаг, подошел старший лейтенант, приложил руку к козырьку:

— Товарищ генерал-майор, вторая рота построена! Командир роты старший лейтенант Севостьянов!

— Давай, давай! — кивнул генерал капитану.

Капитан снял трубку:

— 8, старуха.

Открылась дверь и двое солдат в ватниках втолкнули в подвал пожилую женщину в старомодном темно-синем платье. Она со стоном упала, солдаты схватили ее за руки, проволокли по полу и бросили рядом с Ольгой.

— Ниночка... — потрясенно простонала старушка.

— Нет, нет, нет! — Ольга упала на колени, поползла к генералу.

— Не надо! Умоляю! Пощадите! Умоляю!

— А, пизда! Забрало?! — генерал оттолкнул со сапогом. — Ничего, щас порадуешься! Щас насмотришься!

— Нет! Нет! — Ольга поднялась с пола, бросилась к дверям, но солдаты в ватниках догнали ее, сбили с ног, подволокли к генералу.

— Разрешите нам, Иван Тимофеич, — Ткаченко подошел к Ольге.

— Даван, давай!

Капитан Королев схватил Ольгу за левую руку, подполковник Лещинский за правую, Ткаченко взял ее за волосы.

— Нет, нет! — кричала Ольга.

— А ты, пизда, чего сидишь?! — крикнул генерал старушке.

— Ну-ка, раздевайся! Покажи нам мандятину свою! Небось засохла? Не ебли уж лет двадцать?! Ну?!

— Нет! Нет! — забилась Ольга в руках офицеров.

— Господи, — простонала старушка.

— Ну-ка, раздевайся, блядь! — закричал генерал. — Не выводи меня, тварь! Раздевайся! Раздевайся, пизда! Я ждать не буду!

Старушка заплакала.

— Давай! Ну! — крикнул генерал солдатам в ватниках.

Солдаты стали сдирать одежду со старушки.

— Не-е-ет! — истошно закричала Ольга.

— Щас тебе будет — нет! Ну-ка, поднесите ей каргу, пусть понюхает мандятину! А!

Солдаты в ватниках подхватили голую старушку на руки, развели ей ноги и поднесли ее промежностью к лицу Ольги. Ольга дернулась, но офицеры подвинули ее вперед. Ткаченко, держа за волосы, прижал ее лицо к гениталиям старушки. Ольга застонала.

— Понюхай, понюхай пизду заслуженного педагога! Понюхай! Она у нас неделю без бани присидела, пахнет вкусно! Дай, дай ей еще понюхать!

Ткаченко стал тыкать Ольгу лицом в гениталии старушки.

— Вот! Вот! — усмехнулся генерал. — Пусть нанюхается! Дыши, дыши глубже! А теперь — жопу! Там тоже застойные явления, как сказал бы Михаил Сергеич! Дважды в штаны наклала, дважды! Первый раз, когда обвинение зачитали, второй — когда башку Ерофеева гнилую увидала! Вот так!

Солдаты перевернули старушки и приблизили ее худые испачканные калом ягодицы к лицу Ольги. Ткаченко стал тыкать Ольгу лицом между ягодиц. Ольга отчаянно попыталась вырваться, но на помощь троем офицерам пришли еще двое — майор Духнин, и капитан Терзибашьянц.

— И поглубже, поглубже! — командовал генерал. — Чем глубже, тем вкусней!

Старушка закричала высоким голосом.

— А теперь ну-ка покажите нам мурло товарища Фокиной! Всем!

Офицеры развернули Ольгу к солдатам. Лицо ее было испачкано калом.

— Гад, гад, гад... — рыдала Ольга. Старушка протяжно кричала, разведенные ноги ее тряслись.

— А теперь мандавошь к ногтю! — командовал генерал.

Солдаты подняли старушку выше и бросили об пол. Она замолчала.

— Два, три! — скомандовал один из солдат и они, подпрыгнув, стали старушке на спину. Хрустнули кости, изо рта старушки потекла кровь.

— Я расскажу... я скажу Басову... я... гад, — хрипела Ольга.

— А теперь, Сереж, специалиста!

Капитан снял трубку:

— 8, Говоров.

Через пару минут двое солдат и прапорщик караульной службы ввели человека в форме офицера, но без погон. Его подвели к генералу, прапорщик приложил руку к козырьку:

— Товарищ генерал-майор, арестованный Говоров по вашему приказанию доставлен.

— А, Николай Иванович, — генерал с улыбкой сцепил руки на животе. — Как самочувствие? Не холодно было? А?

Говоров смотрел в сторону.

— Коля, прости меня, — простонала Ольга.

— Простит, простит обязательно! — громко сказал генерал и офицеры засмеялись.

Говоров по-прежнему смотрел в сторону.

— Прапорщик, ставьте его, — кивнул генерал.

Прапорщик и солдаты подвели Говорова к колонне и стали привязывать веревками.

— А что с молоком? — генерал повернулся к капитану.

— В четвертом боксе, товарищ генерал-майор.

— Ну?

Капитан снял трубку:

— 8, молоко из четвертого.

Солдаты и прапорщик отошли от привязанного ими Говорова.

— Командуйте, — кивнул генерал.

— Первая шеренга, на колено стано-вись! — скомандовал старший лейтенант. Солдаты первой шеренги опустили на правое колено.

— Коля! Коля! — закричала Ольга. — Нет! Гады! Гады!

Ткаченко поднял разорванное платье старушки и рукавом зажал Ольге рот.

— Оружие к бою.

Солдаты щелкнули затворами.

— По голове предателя Родины, короткой очередью.. Огонь! — старший лейтенант махнул рукой.

Раздался грохот 110 автоматов. Голова Говорова разлетелась в клочья. Привязанное за руки к колонне тело наклонилось вперед, из разможенной шеи потекла кровь.

— Первая шеренга, встать! Рота, автоматы на плечо!

Из открытого полутемного ангара два солдата вывезли широкую тележку, на которой стояли 20 молочных бидонов.

— Так, — генерал взглянул на тележку и перевел взгляд на капитана.

— Ну и?

Солдаты остановили тележку возле тягача. Капитан встал, подошел к тележке, открыл бидон, наклонился и понюхал молоко. Все смотрели на него. Он выпрямился и посмотрел на генерала. Генерал опустил глаза и тяжело вздохнул. Потом медленно подошел к Ольге, опустил на корточки. Ткаченко освободил ее рот.

— Понимаешь, — заговорил генерал, — если нет доверия, нет уверенности, что на человека можно положиться, тогда все теряет смысл. Все. Но, с другой стороны, обидеть человека недоверием, держать его на дистанции, так сказать, тоже может оттолкнуть. И оттолкнуть навсегда. Вот в чем проблема. Я ненавижу это идиотское правило: доверяй, но проверяй. Его придумали сталинские аппаратчики, карьеристы, шагающие по головам. Им важно было разобщить народ, посеять в нем подозрительность, неуверенность в своей работе, в себе самом. А значит — лишить человека профессионализма, отделить его от любимого дела, втянуть в болото производственных дрызг, превратить его в пешку для своих, так сказать, партократических игр. А следовательно, уничтожить в нем личность. То-есть, попросту, лишить человека звания Человек.

Он замолчал, разглядывая свои морщинистые руки.

— Иван Тимофеич, — осторожно заговорил Ткаченко, — мы с Сергеем Анатольичем хотели бы выяснить по поводу Подольска. Они и вчера звонили и сегодня. Басова нет, а Панченко я докладывать не могу.

— Почему? — поднял голову генерал.

— Не могу, — покачал головой Ткаченко.

— А вы, товарищ полковник, через «не могу», — генерал встал. — Сереж, звони Клокову.

Капитан снял трубку:

— 3, 16. Товарищ полковник, капитан Червинский. Здесь вот полковник Ткаченко приехал с Фокиной. Да. Да. По девятке. Иван Тимофеич? — капитан вопросительно посмотрел на генерала, тот отмахнулся. — Он уже ушел. Да. Уже выкатили. Да. Есть, товарищ полковник.

— Ну вот, — генерал посмотрел на часы. — Значит, я пойду к себе, Клокову про трисин — ни гу-гу. Пускай сам поебется.

Генерал подошел к ближайшей двери и исчез в ней. Ольга дернулась в руках все еще держащих ее офицеров.

— Отпустите ее, — скомандовал Ткаченко и те отпустили.

Ольга поднялась с колен, подошла к открытому бидону и стала мыть лицо молоком. На другом конце подвала открылись двери лифта, вышел полковник Клоков.

— Никто ему ничего, ясно? — вполголоса произнес Ткаченко и двинулся навстречу Клокову. Они козырнули друг другу, пожали руки, — Рота, равняйся! Смирно! — скомандовал Севостьянов. — Равнение на середину!

— Отставить, вольно, — сказал Клоков и подошел к офицерам. — Здравствуйте, товарищи.

Офицеры поприветствовали его.

— Как обстановка? — он посмотрел на подплывший кровью труп старушки, на безглавое тело Говорова.

— Приближена к боевой! — ответил Ткаченко и все засмеялись.

— Совсем хорошо, — Клоков увидел Ольгу, вытирающую лицо носовым платком. — Товарищ Фокина! Да где же ваш напарник? Капитан Воронцов? Наш замечательный сыщик?

Ольга не ответила.

— Что-то случилось?

Ольга убрала платок, одернула китель:

— Выписка в кармане у майора Зубарева.

Офицеры обернулись к Зубареву. Мгновенье он смотрел на Ольгу, потом дернулся к двери, но Ребров подставил ему подножку. Зубарев упал, на него навалились, прижали к полу.

— Переверните его, — скомандовал Клоков, подходя.

Зубарева перевернули лицом вверх.

— Обыщите.

Офицеры обыскали его, достали из внутреннего кармана кителя сложенный вчетверо листок бумаги. Клоков развернул, стал читать. Ольга подошла, заглянула в бумагу:

— Да. Это Лисовского. А ниже — по кольцам. Огуреева.

Клоков сжал тубы, кивнул. Ольга протянула ему зажигалку. Он взял ее:

— Старший лейтенант Севостьянов!

Севостьянов подошел.

— Спросите у этого гуся, где пробы. А если не скажет, вгоните ему пулю в лоб.

Севостьянов вынул из кобуры пистолет, оттянул затвор и направил на Зубарева.

— Они в сейфе... у Жогленко там... — пробормотал Зубарев.

Клоков щелкнул зажигалкой, поджег листок:

— Огонь.

Севостьянов выстрелил. Пуля попала Зубареву в грудь, он застонал, выгибаясь. Офицеры отпустили его. Клоков бросил горящий листок на пол, отдал Ольге зажигалку:

— Спасибо. Лейтенант, двух солдат мне.

— Соболевский, Ахметьев, выйти из строя! — скомандовал Севостьянов и солдаты подошли к полковнику.

— И вы тоже, — сказал Клоков двум солдатам в ватниках, — за мной — марш.

Он направился к лифтам. Ребров, Ольга и солдаты последовали за ним.

— Еще в Подольске он меня уверял, что с первого раза мы по параметрам не пролезем, — заговорил на ходу Клоков, — прошли комиссию, прошли ГУТ, отметились у Язова, потом выехали под Баршуп, — и все он тревожился, все писал докладные. И Басову, и Половинкину, и мудаку этому Ващенко: нормы не соблюдены, объект принят с сильными недоделками, барсовики текут, магнето течет, в выходном пробой.

Они вошли в лифт, он нажал кнопку 3 и продолжал:

— А это сентябрь, две недели дождь, дорога раскисла, тягачей хрен-два и обчелся, энергетики нам насрали от всего сердца, посадили нас на 572-ых, комиссия воеет, Лешку Гобзева отстранили, Басов рвет и мечет, мы с Иваном Тимофеичем разрываемся...

Лифт остановился, двери открылись. Клоков первым шагнул на ковровую дорожку:

— И вдруг эта сволочь приходит ко мне и показывает фото. А у меня только что был разговор с Басовым. Тогда я впервые усомнился...

Они подошли к двери с номером 35. Клоков открыл и вошел первым.

Сидящий за столом прапорщик встал.

— Работайте, работайте, — махнул рукой Клоков, подошел к обитой черным двери, открыл. — Вы, с автоматами, здесь останьтесь.

Автоматчики встали у двери, остальные прошли внутрь уютного, обитого дубом кабинета. Клоков прикрыл за ними дверь и скомандовал:

— Раз!

Солдат в ватнике ударил Реброва ногой в живот, другой заломил Ольге руку. Ребров, согнувшись, повалился на пол, Ольга упала на колени.

— Вот так, — Клоков подошел к сейфу, отпер ключом внешнюю дверцу, набрал шифр и открыл внутреннюю, — пусти козла в огород.

— Что? Зачем вы?! — воскликнула Ольга, морщась от боли.

— Еще ему добавь, — Клоков вынул из сейфа красную папку.

Солдат ударил Реброва сапогом в спину.

— Вопросы есть? — Клоков подошел к Реброву, — Или все ясно?

— Все... ясно, — прохрипел Ребров.

— Номер замены?

— 28, ряд 64...

— Полоса?

— Восьмая.

— Хорошо, — Клоков открыл папку, вынул лист. — Итак, вместо вполне заслуженной пули в лоб вы получаете пробы. Сегодня, на шестом складе, вот по этой накладной. Вставайте.

Ребров с трудом встал.

— Держите, — Клоков дал ему лист, Ребров взял, стал морщась читать.

— Отпусти, — сказал Клоков солдату, тот отпустил Ольгину руку, помог ей встать.

— Теперь по лестнице наверх, — Клоков нажал кнопку, дубовая панель поехала в сторону, открывая ход в стене, дверь за собой захлопните. Возле санчасти моя машина с шофером.

Ольга первая вошла в проем.

— И на прощанье, от личного состава, — Клоков дал Реброву сильную пощечину. — Попадись ты мне еще хоть раз, вонючка. Пшел! — он пнул Реброва ногой. Ребров отшатнулся в проем, панель задвинулась. Внутри горели тусклые лампочки, наверх вела винтовая лестница. Ольга восторженно обняла Реброва:

— Ой, Витя! Витенька!

— Рано, рано, — зашептал он, отодвигаясь. — Двинулись.

Они поднялись по лестнице, открыли железную дверь и вышли из торца бойлерной.

— Где это... — завертел головой Ребров, — ага, вон санчасть.

— У тебя губа разбита, подожди, — Ольга достала платок, вытерла кровь.

— Пошли, пошли, — Ребров быстро зашагал к санчасти.

— Витя! Витенька! — Ольга догнала его. — Это же пиздец! Ой... миленький... сильно болит?

— Тихо.

Они миновали выходящих из столовой солдат, подошли к санчасти. Неподалеку стояла черная «волга». Ребров сел на переднее сиденье, Ольга сзади.

— Здравия желаю, товарищ подполковник, — сидящий за рулем сержант завел мотор.

— Здорово, — Ребров потрогал губу, — Москва, Дорогомиловская, дом 42.

— Есть, товарищ подполковник, — сержант включил передачу, машина тронулась.

— Как Дорогомиловская? — удивленно наклонилась вперед Ольга. — Зачем же?

Ребров строго посмотрел на нее.

— Я не могу! Я не смогу! Господи! — она закрыла лицо руками.

— Волга впадает в Каспийское море, — сухо произнес Ребров.

Ехали молча. На Большой Дорогомиловской свернули во двор и стали...

— Жди здесь, — сказал Ребров шоферу, быстро вылез из машины и открыл заднюю дверь. — Прошу.

Ольга выбралась из машины и побрела к подъезду. В лифте она разрыдалась.

— Ольга Владимировна, я прошу вас, — Ребров взял ее за руки, — я очень вас прошу.

— Ну зачем! За что мне... Господи, я не могу! — трясла она головой, — все же хорошо... ну, зачем?!

— Вы же все, все понимаете, вы помните 18 на раскладке, милая, мне самому тяжело, но мы на пути, и теперь так легко сорваться, разрушить все. Возьмите себя в руки, прошу вас, не губите наше дело. Мы не можем себе позволить расслабиться. Расслабиться — значит погибнуть, погубить других. Ну! — он встряхнул ее за плечи.

— Да, да, — всхлипнула Ольга, доставая платок, — погибнуть...

Они вышли из лифта, она вытерла лицо и Ребров позвонил в квартиру 165.

— Я не приказываю, я прошу, — сказал он.

Дверь открыл Иванилов. Он был в байковой рубахе, кальсонах и тапочках на босу ногу.

— В самый, самый раз, — заулыбался он, пропуская их в тесную переднюю, — а я вот это, съезд показывают, и там Ельцин им дает... В квартире громко звучал телевизор.

— Лезут на него, понимаешь, а он их глушит! Во, во... полозковцы. Может, чаю?

— Мы торопимся, Петр Федорович, — сухо сказал Ребров, расстегивая шинель на Ольге.

— Как знаете, — Иванилов выключил телевизор, открыл комод.

Ребров повесил шинель Ольги на вешалку, она сняла фуражку и прошла в маленькую смежную комнату. Иванилов вынул из комода серую папку, положил на стол.

— И поаккуратней, Петр Федорович, — Ребров прошел на кухню, посмотрел в окно. — У нас сегодня тяжелейший день.

— Все понял, — Иванилов с улыбкой вошел в смежную комнату и запер за собой дверь. Окно в комнате было плотно зашторено. Сидя на узкой кровати в углу, Ольга снимала сапоги.

Посередине комнаты стояло старое зубо­вра­че­бное кресло, над изголовьем которого был укреплен на столе стул с круглым отверстием в днище. Иванилов проворно разделся догола, положив одежду на угол кровати:

— Светлана Викторовна, давайте помогу.

— Отойдите! — дернула головой Ольга. Он отошел и встал возле кресла, поглаживая себя по плечам. Она разделась и села в кресло. Иванилов влез на стол, сел на укрепленный стул, спиной к Ольге. Его зад просунулся в отверстие, навис над Ольгиным лицом.

— Только не быстро, — произнесла Ольга, крепко берясь за подлокотники.

— Само собой... — Иванилов напрягся, шумно и протяжно выпустил газы в лицо Ольги. Она открыла рот, приложила к его анусу. Иванилов стал медленно испражняться ей в рот, тихо хрюхтя. Ольга судорожно глотала кал, часто вдыхая носом. Голые ноги ее дрожали.

— Все, — пробормотал Иванилов, приподнимаясь. Ольга сползла с кресла на пол и замерла, всхлипывая и громко дыша.

— Все, все, — Иванилов слез со стола на пол, стал одеваться. — какой сегмент?

Ольга не ответила.

— Ну, я тогда там... — он оделся и вышел из комнаты.

Ребров пил молоко на кухне.

— А какой сегмент-то? — громко спросил Иванилов. Ребров поставил стакан, вошел в комнату:

— Восемнадцатый.

— Так. Восемнадцатый, — Иванилов выдвинул нужный ящик сегментной картотеки, достал след.

— И пожалуйста в двух экземплярах.

— Хорошо, хорошо.

Иванилов вынул из папки две разметные сетки, приложил след и обвел.

Вошла Ольга, застегивая китель.

— Как вы? — приблизился Ребров. Она покачала головой. Он вынул носовой платок, вытер ее

коричневые губы:

— Все будет хорошо.

— Сделано, — Иванилов убрал след и папку и тут же включил телевизор. — Интересно, продавит он собственность?

Ольга пошла одеваться. Ребров взял сетки, сложил, спрятал в карман.

— С другой стороны, колхозников тоже понять надо, — усмехнулся Иванилов. — Работали, работали, понимаешь, а тут — на тебе!

— До свидания, Петр Федорович, — проговорил Ребров, и они с Ольгой вышли. В лифте Ольгу вырвало.

— Легче всего! Легче всего дать волю эгоизму! — воскликнул Ребров. — Давайте! Показывайте, какая вы гордая! Какая самостоятельная! Демонстрируйте! Как вы презираете всех! Как плюете на остальных! Ну! Демонстрируйте!

— Я... нет... — шептала Ольга, прижавшись лбом к стенке кабины.

Ребров схватил ее под локоть, вытолкнул из лифта:

— Идите! Гордитесь собой!

Они сели в машину.

— Поехали на шестой склад, — сказал Ребров, закуривая.

— Есть, товарищ подполковник.

\* \* \*

Когда черная «волга» подъехала к военкомату, было уже темно. Машина Реброва стояла на месте. Штаубе и Сережа спали в ней, привалившись друг к другу.

— Перегрузишь в мой багажник, и свободен, — приказал Ребров сержанту, вылезая из «волги». Ольга постучала в заднее стекло «Жигулей»:

— Ау!

Штаубе проснулся, открыл дверь, она села на переднее сиденье:

— С добрым утром, милые.

— Как? — морщась, спросил Штаубе.

— Отлично! — радостно шепнула она. — Вон, смотрите.

Штаубе оглянулся. Сержант подносил к «Жигулям» металлический ящик.

— Става Богу.

Ребров захлопнул багажник, сел за руль:

— Здравия желаю, Генрих Иванович.

— Дали? 48?

— 48, — Ребров завел мотор. — Вы не замерзли здесь?

— А я дважды заводил. Погодите, а как с Клоковым? А Басов что? Выписку нашли сразу?

— Сразу! — Ребров посмотрел на Ольгу, они засмеялись. — Сразу!

— А этот говнюк, Сотников, торговался?

Ребров с Ольгой засмеялись громче.

— Погодите, чего вы ржете, расскажите толком? Мне к Коваленко ехать?

Сережа проснулся, громко зевнул:

— О-о-ой... холодно... а Олька где?

— Я здесь, милый. Спи.

— Я есть хочу.

— Да, — посерьезнел Ребров, — есть. Нам всем пора пообедать. А точнее — поужинать.

— Может — к Михасю? — предложила Ольга. — Жутко в баню хочу.

— К Михасю? Без звонка? — потер лоб Ребров.

— Именно — без звонка! — Штаубе надел шапку. — Да эта сволочь должна вам в любое время суток жопу лизать, не разгибаясь! Поехали.

\* \* \*

Они сидели за столом в пустом банном зале с мраморными колоннами и бассейном. Ребров и Штаубе были в простынях, Ольга и Сережа — голыми. Официант принес десерт и шампанское.

— За удачное, — пробормотал разомлевший Ребров.

Чокнулись и выпили.

— Еб твою... — Штаубе поморщился, взял бутылку. — Полусладкое. Вот пиздарванцы. Человек!

Подошел официант.

— Что это за говно ты нам принес? На хуй нам полусладкое? У вас что, нормального шампанского нет?

— Извините, но завезли только полусладкое.

— Еб твою! — Штаубе ударил бутылкой по столу. — Зови сюда Михася!

— Одну минуту...

— Генрих Иванович, да все хоккей, — Ольга допила, встала и бросилась в бассейн. — Сережка, иди ко мне!

Сережа прыгнул в воду.

— А вот это... после еды... вредно! — погрозит пальцем Ребров.

— Отлично! — закричала Ольга.

— Ей сироба разведи водой — и тоже отлично будет, — проворчи Штаубе, откусывая от яблока.

Ольга схватила Сережу за руку, потянула на середину бассейна. Сережа завизжал. Вошел Михась.

— Что же это, друг любезный? — Штаубе щелкнул по бутылке.

— Михаил Абрамыч, извините ради Бога! — Михась прижал пухлую ладонь к груди. — С брютом щас такой напряг, все по валютным барам, нам вообще ничего не дают. Хотите «Напариули»? Джина с тоником? Ликерчик у меня хороший есть. Яичный.

— Яичный? — издевательски прищурился Штаубе. — Говно ты собачье! Ты видишь кто к тебе приехал?! Ты, пиздюк — в жопе ноги! Мы что тебе — бляди райкомовские, или уголовники твои, чтобы это пошло лакать?! Кто мы тебе, гад?! Отвечай! — он ударил кулаком по столу, опрокидывая бокалы.

— Генрих Иванович, — поднял руку опьяневший Ребров, — ну не надо так... они же все... подчиненные.

— Прошу прощения, извините, пожалуйста, я щас принесу все, что есть, все, что есть! — забормотал Михась.

— Тащи все, гад! Все! Чтоб все стояло здесь! Все! — стучал кулаком Штаубе. — Полусладкое! Ты что, говнюк, в детстве сахара мало ел?! Или решил, что мы блокадники? Или ветераны войны, ебать их лысый череп?! Это им ты будешь клизму с полусладким вставлять в жопы геморройные, понял?! Им! А нам это... — он схватил бутылку и швырнул в Михася, — по хую!

Михась увернулся, бутылка разбилась о колонну.

— Bravo! — Ольга зашлепала ладонями по воде.

— Ура! — закричал Сережа, держась за ее шею. Михась выскользнул в дверь.

— Какие твари! — тряс головой Штаубе. — Всех бы на одной веревке! Всех!

— Генрих Иванович, вы чересчур категоричны, — Ребров открыл Ольгин портсигар, достал папиросу, — ты... или, нет... мы имеем дело с простейшими, знаете, такие инфузории. Амобеа proteus, которые, в свою очередь, являются пищей для более сложных созданий, для рачков, например, которых потом заглатывает кит, а на кита... потом нападают касатки, раздирают ему рот, вырывают жирный-жирный язык, а касаток уже ловят двуногие, на которых водятся насекомые паразиты. И надо сказать, дистанция между инфузориями и вшами — громадная... Давайте лучше еще водки выпьем.

— Виктор Валентиныч! — Штаубе отшвырнул надкусанное яблоко, — вы меня простите, по раскладке и по знедо вы — гений, но в жизни вы ничего не понимаете! Эта инфузория на

«Мерседесе» разъезжает! Ему бляди из райкома и райисполкома сосут непрерывно! Его, пиздюка, подвесить бы за яйца, чтоб он ссал и срал бы одновременно! Инфузория! Говносос! Уебище пиздопробойное! Как я их, тварей толсторылых, ненавижу! Не-на-вижу! — он застучал кулаком по столу.

— Витя! Генрих Иваныч! Идите к нам! — закричала Ольга.

— Хватит ругаться!

— Вообще, идея не плоха, — Ребров закурил, бросил спичку в бассейн. — Генрих Иваныч, соблазнимся?

— Твари! Сраные твари! — Штаубе неряшливо налил водки себе и Реброву.

— Да хватит вам, — Ребров взял рюмку. — Удачное, удачное. Три дня тому назад... я был готов крест поставить. Пейте за наш промежуточный.

Они выпили.

— Ха-а! — крикнул Штаубе, откусил от целого лимона и стал жевать, — Спасите! Тону-у-у! — закричал Сережа, хватаясь за Ольгу.

— Ссышь, котенок! — смеялась Ольга, отталкивая его. — Плыви, плыви! Держись за воду!

Ребров встал, пошатываясь подошел к краю бассейна, сбросил простыню и с папиросой в зубах бултыхнулся в воду.

— Бедные дети в лесу, кто им покажет дорогу? — Штаубе выплюнул лимон, приподнялся, запрыгал, болтая культей. — Жалобный плач пронесу... тихо к родному порогу... Ну, твари! — он упал, подполз к краю и сел, свесив ногу в воду. — Так вот жизнь и проходит... Ребров нырнул, вынырнул, отфыркиваясь:

— Хлорка...

Появился Михась с тележкой, уставленной бутылками. За ним вошла полная девушка с гитарой, в длинном платье и с распущенными волосами.

— Ну вот, уже что-то! — ухмыльнулся Штаубе, почесывая грудь. — Налей-ка чего-нибудь.

— Чего желаете?

— Все равно. А это кто?

— Это Наташа, Михаил Абрамыч. Поет расчудесно. Она же вам тогда пела, вы не помните?

Девушка, улыбаясь, стала перебирать струны.

— А-а-а-а... — поморщился Штаубе, принимая рюмку с ликером. — Вспомнил. «Снился мне сад в подвенечном уборе». Только сегодня — мимо. У тебя, милая, голос, что в жопе волос: хоть и тонок, да не чист. А мой слуховой аппарат — вещь деликатная. Я Козлу чуть в харю не плюнул, а тебе и вовсе рыло сворочу. Так что... — он отхлебнул из рюмки. — Брось свою бандуру, остаканься и ползи ко мне. Ты! Налей ей!

Михась налил бокал вина и подал Наташе. — А сам убывай, пока я добрый!

— А нас кто обслужит? — закричала Ольга. — Я тоже вина хочу!

— И я! — крикнул Сережа.

Все трое подплыли к краю бассейна, Михась принялся обслуживать их.

С бокалом в руке Наташа подошла к Штаубе.

— Раздевайся и присаживайся! — Он шлепнул ладонью по мокрому полу. Она сняла платье, туфли и, оставшись в красном купальнике, села рядом со Штаубе, опустила ноги в воду.

— Так не пойдет! — ухмыльнулся Штаубе. — Здесь все в раю, видишь мы какие... — он сбросил с себя простыню, почесал мошонку. — Так что не нарушай диспозиции, это — во-вторых. А во-первых, я ж тебе сказал — остаканься!

Он схватил левой рукой Наташу за шею, правой приставил бокал к ее губам и принудил все выпить.

— Ой... я так захлебнусь! — закашляла Наташа.

— Другое дело! — Штаубе стал снимать с нее купальник, Наташа помогла ему.

— Ух ты! — он потрогал ее большую грудь. — Друзья! Смотрите!

— Какая прелесть! — засмеялась Ольга, отпивая из бокала.

— Пусть письку покажет! — прорычал басом Сережа.

Штаубе развел Наташины колени:

— Смотри! Нравится?

— Оч-ч-чень! — прорычал Сережа, пригубливая вино.

— Витя, возбуждаешься? — Ольга обняла Реброва.

— Я сыт удачным... — он положил голову на мраморную ступеньку.

— Ну кто же тогда?! — Ольга шлепнула рукой по воде. — У Генриха Иваныча последний раз стоял пять лет назад!

— Шесть! — поправят Штаубе и показал Наташе свой длинный член. — Видишь, какой инструмент? Двадцать шесть сантиметров в стоячем виде! Но — все в прошлом. Теперь же...

— Ну, кто ее выебет?! — закричала Ольга, шлепая по воде.

— А пусть вот этот! — Сережа показал пальцем на суетящегося возле бутылок Михася.

— Точно! — Штаубе хлопнул в ладоши. — Ну-ка, ты, хуило, раздевайся!

— Да что вы... почему я?

— Ты, пиздюк, со мной не пререкайся! Делай, что говорят!

Михась стал нехотя раздеваться.

— Я с ним не буду! — мотнула головой Наташа.

— Еще как будешь! — Штаубе схватит ее за волосы. — Отсосешь по-смачному, с проглотом, да еще спасибо скажешь!

— Я не буду! — дернулась Наташа.

— Будешь! Будешь! Будешь! — Штаубе стал бить ее по лицу.

Она разрыдалась.

— На колени, тварь! — Штаубе толкнул ее к голому Михасю.

— Соси у него! Живо! Я дважды не повторяю, Пизда Ивановна! Ну! — он замахнулся бутылкой, расплескивая ликер.

Всхлипывая, Наташа встала на колени. Михась подошел к ней, она стала сосать его член.

— Давно бы так, — Штаубе отхлебнул из бутылки.

— Бывают же такие волосатые мужики! — усмехнулась Ольга.

— А ей вкусно? — Сережа кинул в Наташу корку от мандарина.

— Еще бы! — серьезно кивнул Штаубе.

Вошел официант с мороженым.

— Поставь... — пробормотал Михась.

— Мне, мне! — закричал Сережа.

— И мне! — подняла руку Ольга, — И мне, — устало выдохнул Ребров.

— И мне! — потянулся Штаубе.

Официант раздал мороженое и вышел.

— Другое дело... — Штаубе плеснул ликера в розетку с мороженым, попробовал, — всем рекомендую.

Ольга и Сережа подплыли к нему, он налил им ликера, посмотрел на Михася с Наташей:

— Не увлекайтесь, друзья. Покажи-ка нам своего Котовского.

Наташа отстранилась, Михась повернулся, показывая член.

— Не слабый банан! — пьяно хохотнула Ольга.

— У Фарида меньше? — Сережа ущипнул ее за грудь.

— Вполне достойная елда! — кивнул Штаубе. — Молодец! Теперь ставь ее раком! Давай!

Стоя на коленях, Наташа наклонилась, Михась пристроился сзади.

— И поактивней! — подсказала Ольга.

— Что? — поднял голову Ребров. — Стоп! Стоп! Быстро! Быстро!

Он неловко вылез из бассейна, поскользнулся, упал на бок:

— Быстро! Кольца! Уберите этих, уберите!

— Вон отсюда! Вон отсюда! — закричал Штаубе. — Живо! Убью!

Михась и Наташа схватили одежду и выбежали.

— Что такое? Витя? — Ольга выбралась из бассейна.

— Кольца! Кольца! — Ребров пополз к стоящему в углу ящику.

— Какие кольца? — Штаубе двинулся за ним, опираясь руками о пол и подтягивая ногу.

Ребров набрал шифр замка, открыл ящик, снял ипрос, повернул рычаг поперечной подачи и рассмеялся.

— Что стряслось? — Штаубе заглянул в ящик.

— Мне показалось... что я кольца снять забыл...

— Устал ты, Витя. Намучился, — Ольга поцеловала его в плечо.

— Бывает... — Штаубе отполз.

— Тебе выспаться нужно, — Ольга гладила мокрую голову Реброва, — пошли наверх? Баиньки?

— Наверх? — он уронит голову ей на плечо. — Двинулись... но ящик, все со мной... все со мной... рядом чтоб...

— Конечно, милый.

\* \* \*

На дачу вернулись только к часу дня. Ольга с Сережей отправились в спортзал. Ребров со Штаубе — в мехмастерскую.

Штаубе сразу же выточил на токарном станке полукольцо, смерил ключом:

— Стандарт.

Ребров открыл ящик, снял ипрос, повернул рычаг поперечной подачи и осторожно вытянул стержень №1 из паза.

— Ух, ты! — Штаубе восторженно покачал головой. — Ведь умеют же, сволочи, если надо!

Ребров надел на стержень кольцо, вставил полукольцо, оттянул пружину. Затвор щелкнул и встал на место. Ребров вставил стержень в паз, закрепил рычагом, перевел рейку на 9,

протянул руку. Штаубе подал ему гнек, Ребров вставил его в шлицевой замок и стал медленно поворачивать.

— Легче, легче! — зашептал Штаубе, Ребров повернул гнек до конца, тельмец соскочил с колодки, вошел в челночную капсулу. Штаубе подал иглу. Ребров ввел ее в концевое отверстие, перевел рейку на 2. Челночная капсула опустилась на параклит. Ребров тут же повернул и вынул гнек.

— Слава тебе, Господи! — Штаубе перекрестится, со вздохом взялся за сердце. — Ой... С вашими фокусами, Виктор Валентиныч, все здоровье растеряешь...

— Отлично, отлично! — Ребров подошел к промежуточному блоку, открыл, спустил предохранитель, вставил гнек в патрон, включил. Гнек завращался, венчик его раскрылся, вольфрамовый шарик исчез в патрубке.

— Вот на что денежки народные переводятся, — Штаубе склонился над ящиком. — Мерзавцы! А протез нормальный сделать не могут.

— Все отлично, Генрих Иванович! — возбужденный Ребров вытянул из паза стержень №2. — Дайте только до фундаментов добраться. Будет вам и белка, будет и протез. Точите полукольцо.

\* \* \*

Ольга слезла с тренажера, пощупала спину:

— Третий пот. Хватит. Сережа, отбой.

Сережа качался на «Дельте».

— Оль, а я тоже на «Геркулесе» хочу.

— Стоп, стоп! Тебе еще рано. Шведская стенка, лыжи, кольца — вот, что тебе нужно. Слезай.

Ольга потрогала его спину.

— Мокрый, как мышь. Три минуты со скакалкой — и в душ.

Попрыгав, они вошли в душевую, разделись и встали под душ.

— Ну, а потом что было, после чемпионата СССР? — спросил Сережа.

— Скандал был. Я великой Стрепетовой дорогу перешла. Она — шестикратная чемпионка страны, двукратная чемпионка мира, олимпийская чемпионка, а я — двадцатилетняя девка, год назад норму мастера выполнила. У нее муж кагебешник, дача, две машины, блат в Федерации, в Госкомспорте. А я — третьекурсница запиханного Лестеха, девочка из Норильска, живу в общежитии, в Москве ни одного знакомого, вся жизнь: тир, спортзал, общежитие, тир, спортзал, институт. А дальше — круче: спартакиада народов СССР, накануне Олимпиады, она стреляет: 559. Я вышла: 564! Новый рекорд страны. В Федерации на рога встали. Данилин: включить Пестрецову в Олимпийскую сборную, Комаров: рано, молода, нет опыта, не комсомолка, подведет команду, морально неустойчива, хуе-муде. Проголосовали поровну, отложили на неделю, Стрепетова Комарову истерику устроила, орала: или я, или она. Очко у нее тогда сильно заиграло: ей 29, пик давно прошел, последний чемпионат мира она Анжелике

Форстер просрала, в Риме вообще в тройку не вошла... — Ольга закрыла воду, взяла полотенце. — Вот. Такова ситуэйшен. Неделя идет, надо что-то делать, а у меня руки опустились, хули; она Комарову в уши надует, он Федерацию обработает, проголосуют против, и пиздец. А тут Милка Радкевич из Киева проездом, пошли с ней в «Метелицу», выпили, попиздели, и она мне: Оленька, не бзди, бери коньячевского, поезжай к Жабину.

— Это кто? — Сережа закрыл воду.

— Второй человек в Федерации после Комарова. Жуткий бабник, мне Милка все про него рассказала. Он, когда ленинградское «Динамо» тренировал, переуб там всю команду. Ну, я тогда целеустремленная была, а про Олимпиаду вообще, как подумаю — сердце останавливается. Думаю, если не включат в сборную — брошу все на хуй, в деревню уеду учителем физкультуры. Звоню Жабину: так и так, хуе-муе, Виктор Сергеич, хочу посоветоваться. Он сначала не просек: а что же ваш, говорит, Данилин? Я говорю: Виктор Сергеич, Данилин тренер классный, а как человек — ни рыба, ни мясо. Он ржет: приезжай. Купила «Камю», приехала. Жена на сборах, дочь на даче. Выпили, стал меня трахать: хуище толстенный, кривой, в рот не помещается. Вазелином мне жопу смазал, шепчет: Оленька, я кончаю всегда только в попку. Полез. Я ору в подушку, как резаная, он ревет, как буйвол. Проебал меня до кишок, выпили шампанского. Говорит: о'кей, я с ребятами потолкую, а ты срочно заявление в комсомол подавай. Так и сделала. А через неделю голосование — и я в сборной. Ну, про Олимпиаду ты все знаешь, — она сняла с крючка халат.

— А этот Жабин?

— Что Жабин?

— Ну... вы с ним еще ебались?

— А как же. Регулярно меня трахал. Как приспичит, сразу в общагу — дзынь: белокурик, жду. Начнет спереди, кончит сзади.

— Больно?

— Нет. Привыкла. Даже кончать от этого научилась... О! Это что такое? — Ольга заметила, что Сережа прикрывает полотенцем свой напрягшийся член.

— Это что за безобразия? — она отвела полотенце, взяла Сережу за член. — Вы что себе позволяете, молодой человек?

Сережа прижался к ней:

— Оль, а можно я в попку попробую?

Она улыбнулась:

— Ребров запретил тебя развращать.

— Да пошел он! Ну можно, а?

— Так хочется?

— Ага.

Она взяла его за уши, сжала, заглянула в глаза:

— Настучишь!

— Никогда! Больно, Оль...

— Клянешься?

— Ну клянусь, больно же!

— Поверим.

Ольга вышла из душевой, прошла в спортзал, достала из своей спортивной сумки тюбик с мазью для рук, поманила Сережу пальцем. Они подошли к мату, постеленному под ерником. Ольга сбросила халат, выдавила на ладонь мази и, опустившись на колени, стала смазывать Сережнн член:

— Главное — не спеши.

Затем она смазала себе анус, легла животом на мат. Сережа лег на нее.

— Выше, выше, — Ольга развела ноги. — Вот. Сильней. И не торопись...

Сережа стал двигаться.

— Маленький мой... Котенок, — шептала Ольга, прижавшись щекой к мату. — Не спеши...

Сережа вздрогнул, слабо застонал и замер.

— Уже? Котик мой...

Он скатился с нее, сел, потрогал свой член. Ольга перевернулась на спину, потянулась:

— О-о-а-ах! Давно Оленьку не ебли по-черному!

— Пить хочу. — Сережа встал, пошел к двери.

— Принеси мне апельсин! — Ольга взмахнула ногами, кувыркнулась назад и села в позу Лотоса.

\* \* \*

После обеда Ребров пригласил всех к себе в кабинет.

— Хочу обратить ваше внимание на одно очень важное обстоятельство, заговорил он, сидя за столом и глядя на свои руки. — Дело №1 прошло благополучно, стержни и промежуточный блок у нас. Таким образом, дело №2 будет проведено не 7 января, а 31 декабря.

— Но мы давно это знаем! — пожал плечами Штаубе.

— Правильно. Но вы не знаете другого, — Ребров открыл папку, достал пожелтевший листок бумаги и стал читать:

Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы стерокнепри все

более ручным и безобидным. Такое предположение в корне стерокнут не правильно.

Оно является отрыжкой правого уклона, уверявшего всех и вся, что враг будут потихоньку вползать в социализм, что они станут стероул в конце-концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать стерошущцеп на лаврах и ротозействовать.

Не благодущие нужно нам, а бдительность, настоящая большевистская революционная стеропристос бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за «крайнее средство», как единственное средство обреченных в их стерозавунеш борьбе с Советской властью.

— Это... что? — осторожно спросила Ольга.

— Из обращения ЦК ВКП(б) к партийным организациям, 2 декабря 1934 года. Коррекция проведена 2, 18 и 21 декабря 1990 года. И еще:

Декабрь, вторник 22/4 Великомученицы Анастасии Узорешительницы (ок. 304). Мучеников Хрисогона, Феодотии, Евода, Евтихиана и иных /ок. 304/. Евр., 333 зач., XII, 25-26; XII, 22-25. Мк., 43 зач., X, 2-12». Коррекция 21 декабря 1990 года.

Ребров убрал листок в папку, вздохнул и отвернулся к окну.

После продолжительного молчания Штаубе стукнул палкой об пол:

— Не все от нас зависит, Виктор Валентиныч! Выше головы не прыгнешь. То что можем — делаем, стараемся не ошибаться. Все стараются, как могут; Оленька и Сережа, и мы с вами. Все выкладываются до кровавого пота. Я не о снисхождении говорю, а о пределах. О возможностях. Требовать от себя и от нас невозможного, Виктор Валентиныч, это, я вам скажу... — старик покачал головой, — бессмысленно и вредно. Так можно и дело загубить. Я когда теплицы поджигал. бензином все сначала облил, и знаете, не поленился из шкафа картотеку вытряхнуть, а потом — архив Голубовского. Вывалил все эти папки. плеснул из канистры, вдруг вижу — фотография знакомая. Поднял, а это Рутман. В косоворотке, со значком, с осевыми. Скалится, как зебра. На обороте сверху в уголке: «4 июля 1957 года, Рыльск». А посередке: «Дорогому Светозару от Ильи, Севы и Андрея в день пробного пуска». Вот так.

— Не может быть.

— Еще как может, дорогой мой. А рядом толстенная папка с документацией: отчеты, таблицы, графики.

— И вы сожгли?

— Конечно!

Ребров взял папиросу, закурил.

— Мой отец покойный говорил: пляши на крыше, да знай край. В нашем деле, Генрих Иваныч, края нет, а есть ямы. И надо стараться их замечать вовремя. А для этого необходимо многое уметь. Я прочел вам этот документ не для того, чтобы напугать, а по делу. 7 января переносится на 31 декабря не потому что на раскладке выпал промежуток, а из-за знедо.

Только из-за знедо.

— По-моему, мы это давно все поняли, — зевнула Ольга. — Я давно поняла.

— И я! — захлопал по коленкам Сережа. — Я про Дениса все вспомню! Клянусь, честное пионерское!

— Не хвастайся раньше времени! — махнул на него Штаубе, встал, скрипя протезом, подошел к окну. — Знаете, Виктор Валентиныч, я внимательно прочел книги, касающиеся Анны Ахматовой.

— Те, что я вам дал?

— Да. Те самые... — Штаубе вздохнул, оперся на палку, — прочел и понял, что Анна Андреевна Ахматова нам совершенно не подходит.

— Почему?

— Потому что... — Штаубе помолчал, качая головой, потом вдруг стукнул палкой по полу, — да потому что... это же, Господи! Как так можно?! Что это?! Почему снова мерзость?! Гадость?! Я не могу таких, не могу... гадина! Гадина! И вы мне подкладываете! Это же не люди! Гадина! Гадина! Тварь! Они... они, такие могут крючьями рвать!

— Что... что такое? — непонимающе нахмурился Ребров.

— Да ничего такого! Просто надо быть порядочным человеком, а не сволочью! Я их ненавижу! Я б без пощады вешал! Чтоб так продавать! Так гадить людям! Я б их жарил живьем, а потом свиньям скармливал! Срал бы им в рожу!

— Что вы мелете?

— Я не мелю! Я повидал на своем веку! Я видел как детей — за ноги и об березу! Я видел, как женщин вешали! Как трактор по трупам ехал! Для меня, друзья любезные, такие понятия как добropорядочность, как... да, да! Не пустой звук! Я знаю, что такое невинная душа!

— Про нитку? — спросил Сережа.

— Твари! Гады! Мрази помойные! Я бы размазал по стенам! Я б свинцом глотки заливал!

— Остановитесь! Стоп! — Ребров хлопнул ладонью по столу.

— Объясните нам толком, откуда вы все это взяли? Как вы читали норп?

— Глазами! Вот этими! 73, 18, 61, 22! Черным по белому!

— 78, 18, 61, 22, — проговорил Ребров.

— Как 78?! 73, а не 78!

— 78, а не 73. Опечатка.

— Как опечатка?

— Ну, наверно, матрицу не промазали как следует и 8 отпечаталось как 3.

— Еби твою! Вы точно знаете, что 78?

— Сто процентов, Генрих Иванович.

— Тьфу, еб твою! — Штаубе плюнул.

— Да. 78, 18, 61, 22, — Ребров загасят окурок в пепельнице. — Анна Андреевна Ахматова — великая русская поэтесса, честная, глубоко порядочная женщина, пронесшая сквозь страшные годы большевизма свою чистую душу, совершившая гражданский подвиг, прославившая русскую интеллигенцию. Россия никогда не забудет этого. Вот так. А теперь о делах текущих, — он снял с полки стакан с водой, в которой плавала головка. — Экспонат, так сказать, дозрел: края взлохмачены, изменение цвета, и так далее. Ольга Владимировна, возьмите чистую тарелку, нарежьте головку тононьше, как грибы режут, положите на тарелку — и в духовку на самый слабый огонь. Самый слабый. Дверцу откройте, чтоб не жарилось, а сохло. Как только подсохнет, возьмите вот эту ступку, разотрите в порошок. Потом зовите меня. Все ясно?

— Все, — кивнула Ольга. — Генрих Иванович, мне вам сегодня перевязку делать.

— А я забыл совсем! — усмехнулся Штаубе. — Вот что значит — не болит.

— Теперь. Мясорубка и соковыжималка? — спросил Ребров.

— Так мы ж с вами вместе третьего дня проверяли. Все работает.

— А елка у нас будет? — спросил Сережа.

— Вот ты и займись. Возьми пилу, спили неподалеку. Только небольшую.

— Это как?

— С тебя. А Ольга Владимировна установить поможет.

— Витя, у нас всего одна бутылка шампанского.

— Хватит, — Ребров положил перед собой кипу скрепленных скоросшивателем бумаг. — Завтра в 12 раскладка. Последняя в этом году. Прошу это помнить. А теперь все свободны.

\* \* \*

31 декабря в одиннадцатом часу вечера машина Реброва въехала на территорию дачи и остановилась, сигналив. Дверь в доме отворилась, Ребров сбежал по ступенькам, по расчищенной дорожке пошел к машине. На нем была темно-синяя тройка, в руках он держал розы. Из машины вышли Ольга, Сережа и пожилая женщина в старомодном зимнем пальто.

— Витенька! — произнесла она.

— Мама! — Ребров подошел, обнял и стал целовать ее. — Милая... наконец-то... это тебе.

— Господи! Розы зимой... а я опоздала!

— Пустяки, мама. У нас все готово.

— Поезд опоздал на час, — сказала Ольга, вынимая из багажника сумку, — мы с Александрой Олеговной чуть не разминулись.

— Да, да! — засмеялась старушка. — У меня без приключений не обходится! Ну, слава Богу! Витенька, что же ты совсем раздетый? Голубчик, ты простудишься.

— Пустяки, мама. Пойдем, стол давно накрыт.

Они направились к дому.

— Ах, как у вас славно! — вздохнула Александра Олеговна.

— Какой лес, какая тишь. После этих поездов... вообрази, мне даже чая не дали!

— Главное — доехала. Как самочувствие?

— Прекрасно, прекрасно, Витенька. Я так счастлива! У тебя такие милые друзья, Оленька, Сережа... ах, какой дом!

Они поднялись по ступенькам, вошли в прихожую.

— Когда же это все построили? До войны?

— В 49-м, мама, — Ребров помог ей снять пальто.

Вошел Штаубе во фраке.

— Мама, познакомься пожалуйста: Штаубе Генрих Иванович.

— С приездом Александра Олеговна! — Штаубе поцеловал ее руку.

— Спасибо, Генрих Иванович! Очень приятно с вами познакомиться, Витя мне писал о вас.

— А сколько я о вас слышал! — улыбался Штаубе, держа ее руку.

— Дня не пройдет, чтоб Виктор Валентинович о маме не вспомнил!

— Вспоминать-то вспоминал, но письмами не баловал! — Александра Олеговна погрозила Реброву пальцем. — Раз в месяц, не чаще!

— Каюсь, каюсь, — склонил голову Ребров.

— Не беспокойтесь, Александра Олеговна, мы его перевоспитаем! — Штаубе подставил ей согнутую руку.

— Очень надеюсь! — старушка взяла его под руку.

Они прошли в гостиную. Посередине стоял накрытый стол, у окна горела разноцветными огоньками украшенная елка.

— Ах, какая прелесть! — остановилась Александра Олеговна. — Друзья мои, как у вас славно! Витя, я так счастлива!

— И я счастлив, мама, — Ребров поцеловал ей руку. — Как хорошо, что ты приехала.

— Мы так за вас волновались, что успели жутко проголодаться! — улыбался Штаубе, подойдя к столу и зажигая свечи в шандале. — Надеюсь, вы тоже?

— Еще как! Глядя на такой стол! Прекрасно! Но, но, но! — она подняла палец. — Здесь не хватает как раз того, что я привезла! Витя, ты не догадываешься?

— Паюсная икра? Балык?

Она покачала головой:

— Этих прелестей в Саратове давно уже нет и в помине. Дайте мне, пожалуйста, мою сумку.

— Вот она, мама.

Александра Олеговна вынула из сумки банку, сняла крышку, подала Реброву.

— Раковые шейки! — воскликнул Ребров. — Раковые шейки в винном соусе! Невероятно! Генрих Иванович, помните, я рассказывал вам? Ольга Владимировна! Сережа! Где они?

— Переодеваются, — Штаубе взял из его рук банку, понюхал. — О! С ума сойти!

— Это любимая закуска моего покойного мужа, Витяного отца, Валентина Евграфовича. Были времена, когда раки у нас в Саратове продавались на каждом углу, как семечки. Теперь это такой же деликатес, как икра!

— Мама, это просто невероятно! Это мое детство. Вечер, терраса, отец, Анатолий Иванович, Зоя Борисовна... Миша. Он жив?

— Михаил Матвеич? Конечно! Получил новую квартиру за мостом, Ниночка вышла замуж, он ждет правнука. Огромный привет тебе.

— Спасибо.

Вошли Ольга и Сережа. На ней было длинное вечернее платье темно-фиолетового бархата, Сережа был одет в белую шелковую рубашку с огромным золотисто-черным бантом, в черные, продернутые золотой ниткой бриджи, белые гольфы и черные лакированные туфли, усыпанные серебряными звездочками.

— Ах, какая прелесть! — всплеснула руками Александра Олеговна, — Витя, какая у тебя жена! Оленька, вы потрясающе красивы, вы так похожи на Грету Гарбо, вернее, — вы ее красивее, грациознее, женственней! А Сережа! Юный принц! Наследник престола!

— А я? — бодро приосанился Штаубе.

— Вы — барон, владелец чудного замка под Москвой!

— Всего лишь? — поднял брови Штаубе.

Все засмеялись.

— Господа, к столу! — хлопнул в ладоши Ребров.

— К столу! — Сережа подпрыгнул и сделал пируэт.

— С удовольствием! — улыбалась Александра Олеговна.

Сели за стол. Ребров налил женщинам вина, Штаубе и себе — водки, Сереже — апельсинового сока.

— Друзья... — начал Ребров, но Штаубе поднял рюмку:

— Не, не, Виктор Валентиныч. На правах хозяина дома, я первым прошу слова.

— Витя, подчинись! — посоветовала Александра Олеговна.

Ребров склонил голову.

— Друзья, — заговорил Штаубе, — поистине чудесный вечер сегодня: на меня, персонального пенсионера, министра среднего машиностроения славных времен застоя свалилась целая, понимаете, тонна счастья. Для старика, товарищи, это слишком!

Все засмеялись.

— Ну, правда, посудите сами: сидеть бы мне сейчас у себя на Кутузовском с моей домработницей, с Марьей Михайловной, тихо бы кушать, смотреть телевизор. В двенадцать мы бы с ней выпили шампанского (подогретого, чтоб горло не застудить), а в час я б уже задавил храповицкого...

— Позвольте, Генрих Иванович, а сослуживцы, друзья юности?

— А-а-а, иных уж нет, а те далече. Да и, знаете, Александра Олеговна, настоящих друзей юности у меня всего трое было: один на войне погиб, другой у Берии на допросе, третий два года назад от инфаркта умер. Но сегодня речь не об этом. А о том, что свято место пусто по бывает. И сейчас я перейду к главной части моего выступления. Александра Олеговна, спасибо вам за вашего сына. И от меня лично и от всего министерства среднего машиностроения. Более порядочного, честного, профессионального сотрудника из молодого поколения я не припомню. И скажу вам со всей прямоотой: если бы меня горбачевцы четыре года назад не ушли на пенсию — сейчас быть бы Виктору моим первым помощником. Без сомнения! Хотя, я уверен, он и без меня дойдет до верха. Все данные у него есть.

— Генрих Иванович! — покачал головой Ребров. — Ну что вы обо мне...

— А ты помолчи. О тебе речи не идет.

— Тогда молчу!

Все засмеялись.

— Речь, товарищи, идет о замечательной Александре Олеговне Ребровой, приехавшей к нам в гости из Саратова прямо на Новый год! Такого подарка нам с вами давно никто не делал! Поэтому первый тост: за здоровье Александры Олеговны!

— Ура! — крикнул Сережа.

Все чокнулись с бокалом Александры Олеговны и выпили.

— Ах, прелестное вино! — старушка осторожно поставила на стол полупустой бокал. — Но,

закуска, думаю, еще лучше!

— Друзья, прошу вас! — Штаубе заткнул край салфетки за ворот сорочки. — Мы все страшно голодные!

Некоторое время ели молча.

— Александра Олеговна, а правда, что вы через Волгу по льду бежали? — спросил Сережа.

— Через Урал, Сереженька, — улыбнулась старушка.

— И трещины были?

— Были. И подо мной лед трескался. Я пробежала, а на следующий день — лед пошел!

— Когда это было? — спросила Ольга.

— Сорок четвертый. У меня накануне день рождения отмечали, засиделись до ночи, ну и встала на полчаса позже, проспала автобус, который нас на другой берег Урала возил через мост. А в те времена, Сережа, на всех предприятиях было правило двадцати минут: если человек опаздывал больше, чем на двадцать минут, его арестовывали и судили. Вот я и побежала напрямик, так как получать в двадцать шесть лет второй срок мне совсем не хотелось.

— Двадцать шесть? Как и мне! — проговорила Ольга. — И что же это было за предприятие?

— Госпиталь.

— А первый срок — это что? — спросил Сережа.

— Друзья! — Штаубе поднял рюмку. — Среди нас находится человек замечательной судьбы. Кто за то, чтобы Александра Олеговна рассказала нам свою биографию — прошу поднять бокалы!

— О, Господи, автобиографию! — засмеялась старушка, чокаясь со всеми. — Я право, не готова!

— Просим, просим!

— Просим!

— Мама, расскажи.

— Ну... тогда я сначала выпью для храбрости!

Они выпили.

— Что ж, дорогие мои, — Александра Олеговна вытерла губы салфеткой, — жизнь моя сложилась, мягко говоря, не просто. Зигзаги, зигзаги. Я родилась в 18-ом году в Москве в семье полковника царской армии Олега Борисовича Реброва. Отца я знаю только по фотографии, по рассказам матери и старшего брата. Его расстреляли большевики, когда мне было три месяца. Моя мать — Лидия Николаевна Горская была дочерью известного врача-окулиста, профессора Николая Валериановича Горского, благодаря которому наша семья смогла выжить в годы военного коммунизма. Он лечил Свердлова, Троцкого, Калинина, Крупскую. Помогал им лучше видеть классового врага. За это они давали нам продукты и даже

дом оставили на Поварской, которую потом переименовали в улицу какого-то бандита Воровского. Хороша фамилия. Дедушка умер в 1925-ом и нас сразу же выгнали на улицу. Брат Алеша через польскую границу бежал в Париж. А нас приютил сослуживец отца, перешедший, в свое время, на сторону большевиков и ставший у них военспецом. Вскоре он сделал предложение матери и они поженились. Насколько я помню, мать Ивана Ивановича не любила, хотя он любил ее очень сильно, и ко мне относился с нежностью. Все было благополучно до 38-го: я поступила в медицинский, проучилась три курса, мать занималась переводами, отчим служил в Генштабе. 3 мая я пришла домой из института и увидела энкаведэшников, которые рылись в наших вещах. Все книги были вытряхнуты на пол, и эти молодцы по ним ходили как по ковру. Они мне сообщили, что отчим арестован. Я спросила: где моя мама? Они сказали, что мама переволновалась во время ареста Ивана Ивановича, ей стало плохо и к ним вызвали скорую помощь, которая ее увезла. На самом деле, один из этих мерзавцев, найдя в ее вещах медальон с волосами отца, вытряхнул их. А маме сказал: хранишь всякую дрянь. Она дала ему пощечину, за что он ударил ее рукояткой нагана в висок. Когда я прибежала в больницу Склифосовского, мама была уже при смерти, постоянно теряла сознание. Височная кость у нее была раздроблена, ее повезли на операцию и она умерла у них на столе. «Потеря сознания, повлекшая падение и травму черепа». Так было написано в заключении о смерти. Вот, дорогие мои. Похоронили маму. Меня отчислили из института. Сразу после похорон явились управдом с участковым, показали постановление об «уплотнении жилплощади». Ко мне подселили семью истопника. Друзья настойчиво советовали мне уехать из Москвы. Я не послушалась. 6 июня пришли за мной. Лубянка. Месяц они меня мучили. Я ничего не подписала. Статья 58, пункт 11. 10 лет. Затем — путешествие в «Столыпине» до Котласа. Пересылка. Нас сразу повели в баню и там в предбаннике висело широкое старое зеркало. Все сразу бросились к нему, я тоже. И вот вижу: куча голых женщин, изможденные лица, все толкаются, а я никак не могу найти себя, совершенно не могу! И вдруг я увидела свою маму. Она смотрела на меня из этого зеркала. Я провела рукой по лицу — и она. Я потрогала волосы — и она. С тех пор я стараюсь в зеркала не смотреться. Потом — лагерь. Сначала было страшно тяжело, я просто умирала на общих работах. И вдруг в столовой ко мне подходит друг отца, Сергей Аполлинариевич Болдин, бывший полковой врач. Он устроил меня в санчасть медсестрой, спас от смерти. А через каких-нибудь три года мне невероятно повезло: мое дело пересмотрели и меня освободили «за отсутствием состава преступления!» Из всего лагеря освободили еще человек 20. Это было после расстрела Ежова и прихода к власти Берии. Мы ехали в Москву и молились за здоровье Берии. Тем не менее, в столице меня не прописали, жить мне было негде, а главное — не на что. Я поехала в Гурьев, к тете Веронике. Она работала хирургом в госпитале, взяла меня к себе ассистентом. Так всю войну я прожила в пыльном Гурьеве. Общалась со ссыльными интеллигентами, казаками и казахами. Там было много рыбы, но мало муки. Ела ложками икру, мечтая о хлебе. Ела верблюжье мясо.

— И вкусно? — спросил Сережа.

— Не помню. Тогда было все равно. Кончилась война вернулся с фронта сын тети Вероники Валентин. Мы сразу полюбили друг друга и вскоре поженились. Семейная жизнь длилась недолго: 9 ноября 1948 года меня снова арестовали. Потом — Валентина. Я была на шестом месяце беременности и на этот раз держалась не так стойко: все подписала. Весь их бред. Вообще второй раз — очень тяжело. Очень. Я боялась за ребенка, но увы, напрасно: он родился мертвым. Лагерь в Мордовии. И снова счастье улыбнулось: устроилась в швейную мастерскую. М-да. О лагерях теперь много пишут, есть, конечно, очень правдивые публикации, но, я вам скажу: представить лагерную жизнь невозможно. Поэтому я о лагере не люблю рассказывать. Не потому, что — неудобно, или — больно, нет. Просто это — бессмысленно. Освободили меня осенью 1954-го. Вернулась в Гурьев. Сутки спала. Потом стала собираться в Игарку — к

Валентину в лагерь. Тетя купила на базаре балыка, паюсной икры, меда, орехов, напекла булочек. И вот так сидим вечером, укладываем все это в рюкзак, вдруг — стук в дверь. Тетя пошла открывать — и не вернулась. Я крикнула — не отзывается. Встаю, иду. И вижу — они стоят с Валентином обнявшись. Нас, оказывается, в один день освободили... — Александра Олеговна вытерла выступившие слезы, вздохнула и бодро закончила, — а через год у меня родился вот этот молодой человек!

— Да! — покачал головой Штаубе. — Теперь я знаю, в кого Виктор такой целеустремленный.

— Генрих Иванович, вы не знали Витиного отца! — погрозила ему пальцем Александра Олеговна. — Не делайте преждевременных выводов!

Все засмеялись.

— Давайте выпьем за семью Ребровых! — Ольга подняла бокал. — Вы все настоящие герои. Я слушала и... просто... не знаю, что сказать. Вы героиня, Александра Олеговна. Дай Бог вам здоровья.

— Спасибо, милая, — старушка выпила вина. — На самом деле таких судеб в России — миллионы. У меня еще все обошлось благополучно.

— Много, много исковерканных жизней, незаконно репрессированных, — вздохнул Штаубе, — но если говорить об НКВД, то там работали не одни подонки. Там были и честные люди.

— Я таких не встречала, — тихо сказала Александра Олеговна.

— Уже без пятнадцати двенадцать! — выкрикнул Сережа, посмотрев на часы.

— Шампанское! Где шампанское?

— Надо телевизор включить!

— Так быстро!

— Друзья, без паники, без паники! — Ребров встал, подошел к Александре Олеговне. — Мама, у нас для тебя есть подарок, который ты должна успеть получить в уходящем 1990 году.

— Что же это за подарок?

— Это очень серьезно, Александра Олеговна! — Ольга встала, — Надо успеть!

— Без суеты! — Ребров встал позади старушки. — Мама, закрой глаза.

Старушка закрыла глаза. Ольга взяла ее за левую руку, Штаубе за правую. Ребров вынул из кармана удавку, надел петлю на шею Александры Олеговны.

— Чур, без щекотки! — засмеялась она.

— Хоп, — скомандовал Ребров, резко затягивая петлю.

Александра Олеговна беспокойно зашевелилась, захрипела.

— Руки, руки! — пробормотал Ребров.

Ольга и Штаубе крепко держали старушку. Голова ее мелко затряслась. Правая нога стала биться о ножку стула. Зазвенела посуда, опрокинулся бокал.

— Держать! — прошептал Ребров.

Удары ноги стали слабеть, Александра Олеговна выпустила газы. По телу прошла дрожь и оно расслабилось. Через пару минут Ребров отпустил удавку.

— 18 и 6, — улыбнулся Сережа, — комки там бумажные на медведей. И булка.

— Взбзднулось старушке... — поморщился Штаубе.

Ребров снял удавку. Труп положили на пол.

— Так. Теперь прошу минуту внимания, — выпрямился Ребров. — Во-первых, всем переодеться. Во-вторых, помнить о разделении труда, не мешать друг другу. И в-третьих, господа. От нашей точности, профессионализма, спокойствия в сегодняшнем деле зависит все. Постарайтесь понять это. Пока все идет по плану, мы на верном пути, обстоятельства благоприятствуют нам. Сорваться мы не имеем права. Двинулись.

Они переоделись в белые халаты, надели резиновые перчатки, отволокли труп в просторную ванную комнату и заперлись. Здесь все было готово к работе: инструменты, посуда, приспособления. Труп раздели. Длинные голубые трусы Александры Олеговны были выпачканы свежим калом.

— Не только пукала! — улыбнулся Сережа.

Ребров и Ольга связали ноги трупа и, при помощи Штаубе, подвесили вниз головой на крюке, укрепленном в потолке над ванной. Сережа поставил в ванну десятилитровый бидон. Ребров включил электропилу, отрезал голову трупа, опустил в подставленный Ольгой целлофановый пакет. Кровь из шеи потекла в бидон.

— Ольга, Владимировна, Сережа, — пробормотал Ребров, точнее подставляя бидон, — сожгите одежду и вещи в камине. Документы положите мне на стол. Через полчаса жду вас здесь.

Забрав одежду, Ольга и Сережа вышли.

— Так. Голова, — Ребров повернулся к Штаубе. Тот протянул ему пакет. Ребров вынул голову, положил на эмалированное блюдо, включил электропилу и разрезал голову вдоль. Штаубе взял половину головы, положил на станину пресса, нажал красную кнопку. Пресс заработал и стал медленно давить половину. Штаубе подставил трехлитровый бидон под желоб.

Выжатая жидкость стекла в бидон. Ребров стряхнул выжимки в ведро и положил на станину пресса другую половину. Пресс раздавил ее, жидкость стекла в бидон. Ребров стряхнул выжимки в ведро. Через полчаса вошли Ольга и Сережа. Почти вся кровь из трупа стекла в бидон. Ребров взял электронож, отрезал часть ягодицы, передал Ольге, которая сразу же опустила мясо в электромясорубку, которая перемолола мясо в фарш, который упал в заборник соковыжималки, которая отжала из фарша сок, который стек в десятилитровый бидон. Ребров отрезал новый кусок и передал Ольге, Сережа следил за мясорубкой, Штаубе — за соковыжималкой. Менее чем за три часа мясо и внутренности трупа были переработаны. Ребров распилил скелет на небольшие части, из которых Ольга и Штаубе отжали на прессе сок. Когда все было кончено, сок и кровь перелили в тридцатилитровый бак и перенесли его в гостиную. Потом тщательно вымыли ванну, посуду, оборудование и инструменты. Выжимки

вывалили в саду под яблони и забросали снегом. Затем все переоделись и собрались в гостиной. Ребров подошел к баку, снял крышку:

— Двадцать восемь литров. Вы оказались правы, Генрих Иванович.

— У меня глаз наметан, — усмехнутся Штаубе, усаживаясь за стол и наливая себе водки.

— Ой, как я устала, — Ольга опустилась на ковер рядом с баком. — Уже четыре часа? Давайте хоть шампанского выпьем.

— Нужно залить, а потом уже пить шампанское. Сережа! Принеси чемодан.

Сережа принес коричневый чемодан с металлическими углами, поставил рядом с баком. Ребров отпер маленьким ключом левый замок чемодана и осторожно вынул его: замок оказался массивной резиновой пробкой. Сережа вставил в отверстие широкую воронку. Ребров и Штаубе подняли бак и перелили его содержимое в чемодан.

— Вот так, — Ребров вставил пробку на место и запер, — теперь можно и шампанского...

Штаубе откупорил бутылку, наполнил четыре бокала.

— Первый раз в жизни Новый год не отмечала, — Ольга взяла бокал, посмотрела сквозь него на свечи.

— И я! — Сережа отпил из бокала.

— Поздравляю, друзья, — устало улыбнулся Ребров, — теперь у нас есть жидкая мать.

— И с Новым годом.

— Ура!

Они чокнулись и выпили.

— Кто будет баранину? — спросила Ольга.

Сережа и Штаубе подняли руки.

— А я пожалуй спать пойду, — Ребров потер виски.

— Иди, Витя. Ты бледненький, устало выглядишь.

— Переволновались, поди?

— Да... как-то все вместе. И сердце покалывает, — он взял мандарин, посмотрел на него и положил на место. — Жидкую мать — в малый подвал. И всем спокойной ночи.

Он вышел.

— Ребят, пойдете в каминную, — предложила Ольга, — а то здесь прохладно. На огне баранину согреем, на шкурах поваляемся.

— Идея не плоха, — Штаубе налил шампанского, — только я сперва жидкую мать отнесу.

— Осилите один?

— Я, голубушка, вас могу до вахты донести и обратно! — обиженно воскликнул Штаубе.

— Правда? — улынулась Ольга.

\* \* \*

Штаубе швырнул в огонь кость, облизал пальцы и потянулся к бутылке с водкой:

— Оленька... еще по одной.

— Мы не против, — Ольга лежала на медвежьей шкуре и ела грушу. Сережа спал на диване укрытый пледом.

— Этих людей тоже надо понять, — Штаубе передал Ольге рюмку, — что ж это — работали честно, перевыполняли план, жили впроголодь, защищали Родину, а потом им говорят: ваша жизнь, балбесы, — ошибка, вы не светлое будущее строили, а хуевый сталинский лагерь, который называется Союз Советских Социалистических Республик! С чем вас, ебена мать, и поздравляют благодарные потомки!

Он рыгнул, выпил, вытер губы полотенцем.

— Не знаю, — Ольга выпила, откусила от груши, — мне Инка Бесеяева рассказывала, как ее с двумя подружками на цековскую дату возили и чем это кончилось.

— Чем?

— Трупом. Старший тренер «Спартака» по гимнастике взял свою любовницу — Инночку и двух ее подружек. И на дачу к зав. отделом ЦК. Там еще был зам. Тяжелникова и какой-то хуй из ЦК ВЛКСМ. Выпили, закусили, потом в баньку. Стали трахаться. И этот хуй комсомольский захлебнул девчонку спермой. Насмерть. А потом...

— Сриз форпи на ященковое! Есть партаппаратчики, а есть рядовые коммунисты, хули тут неясного! Ельцин же тоже был коммунистом!

— А мне Ельцин не нравится. У него лицо тяжелое какое-то...

— Главное, чтоб человек дело делал. Для честного коммуниста это значит — думать о нуждах народа, помогать налаживать производство, заботиться о неимущих. А для партаппаратчика главное — карьера, масть, подхалимаж! Он, пиздюк, готов начальству в жопу червем вползти и через рот вылезти! Таких надо давить, как гнид. А честный коммунист никому не помеха. Даже собственникам.

— У меня папаша был честным коммунистом, — Ольга размяла папиросу, закурила, — все воевал с партначальством. Два выговора и два инфаркта, — Или вот говорят: Сталин, Сталин! Злодей и убийца. А то, что он аграрную страну превратил в индустриальную — забыли. Культ личности — это правильно, на хуй это нужно. Но дисциплина нашим разьебаям нужна, как хомут для бешеной лошади! Они без дисциплины вон что творят: убивают, поджигают, рэкетируют! Он бы им показал — рэкет! Такой бы, блядь, рэкет устроил, что срали бы и ссали со страху без прорыва! В Сибири бы на лесосплаве рэкетировали!

— Мой папаша тоже Сталина уважал, но не за индустриализацию, а за Отечественную войну...

— За войну?! Да за это его живьем сварить и собакам выбросить! Он, гад рябой, армию обезглавил, Тухачевского с Якиром расстрелял, пересажал честных командиров! Такую сволочь, как Мехлиса, приблизил! Позволил немцам в первый день всю авиацию разбомбить на хуй!

Ольга вздрогнула, папироса выпала из ее пальцев. Она закрыла лицо руками и всхлипнула.

— Что? Что такое? — наклонился к ней Штаубе.

— Не хочу я... не хочу... жуок... — простонала она.

— Да бросьте вы, — он положил ей руку на плечо, — вам — и бояться?

— Я не боюсь! Я не хочу, чтобы Нина!

Штаубе вздохнул, поднял папиросу и бросил в огонь:

— Ольга Владимировна, Нина человек подготовленный. Соколов-то не лучше, правда?

— Я не хочу... не хочу! — всхлипывала Ольга.

— Жуок не вчера придумали, что ж теперь мучиться? Выпейте-ка лучше, да гоните тоску-печаль. Нам без анестезии нельзя.

Он разлил остатки водки по рюмкам, приложил горлышко бутылки к губам и подул. Бутылка отозвалась протяжным звуком.

\* \* \*

Неделя прошла в подготовке к Делу №3. 8 января в 9.12 утра все собрались в кабинете Реброва.

— Попрошу всех перевести часы, — сказал Ребров, — сейчас 11 часов 28 минут.

Он подождал, пока Штаубе, Сережа и Ольга переводили стрелки ручных часов, и продолжил:

— Итак, Дело №3. От его исхода зависит наше будущее. Оступиться мы не имеем права. А также не имеем права на малодушие, нерешительность, непрофессионализм. В 12.10 мы входим в министерство. В 12.30 мы должны выйти из него с готовым результатом. В 12.45 — завод. Дальнейший график времени зависит от обстоятельств. Вопросы есть?

— Можно я понесу? — спросил Сережа.

— Нельзя, — Ребров встал. — Ну, двинулись.

— С Богом, — пробормотал Штаубе.

Они спустились вниз, оделись и вышли из дома.

— Опять подтаяло, — Ольга сощурилась на тусклое солнце.

— Щас бы пухляка закатать, — сказал Сережа.

— Пухляки... все впереди... — рассеянно произнес Штаубе.

Они сели в машину и поехали. В 12.02 Ребров свернул с Садового кольца на Малую Бронную, въехал во двор дома №8 и заглушил мотор.

— Генрих Иванович, вы третий, — сказал Ребров, забирая у Штаубе дипломат.

— Я все прекрасно помню! — раздраженно ответил Штаубе.

— Ну если кто под ногами запутается! — Ольга шлепнула Сережу по шапке. — Дыши ровно, следи за мамой. Убью!

Они вышли из машины, прошли по улице Жолтовского, свернули направо и оказались у здания министерства Специальных Работ.

Ребров подошел к массивной двери, потянул за ручку и вошел. Он был одет в серую дубленку, пыжиковую шапку и светло-серый мохеровый шарф; в левой руке он нес черный «дипломат». За ним вошла Ольга в длинном синем дутом пальто, с продолговатой дамской сумкой. Вслед за ней вошел, опираясь на палку, Штаубе в зимней форме полковника Инженерных войск с коричневым портфелем в руке. Сережа следовал за ним в своей обычной одежде. Они прошли тамбур и оказались в большом вестибюле с мраморными колоннами. Справа в застекленном кабинете сидел вахтер, возле широкой парадной лестницы прохаживался милиционер. В вестибюле находилось еще несколько человек.

— Ну, что же ты оробел? — Штаубе повернулся к Сереже. — Ты же про министерство спрашивал? Вот это и есть дедушкино министерство!

Они подошли к вахтеру.

— К Злотникову, — Ребров подал вахтеру Ольгин и свой паспорта. Вахтер выписал два пропуска.

— А мы к Николаю Николаевичу Артамонову по старой дружбе! — Штаубе протянул свой паспорт. — Не успел десять лет назад уйти на пенсию, как все в родном министерстве изменилось. Даже вахта! Была деревянная — стала стеклянная!

Вахтер улыбнулся:

— Мальчик с вами?

— Со мной, суворовец!

Вахтер выписал пропуск, вернул паспорт. Все четверо, не торопясь разделись в гардеробе и прошли мимо милиционера к лифтам. Когда вошли в кабину, Ребров нажал кнопку 2:

— Ольга Владимировна, только после «хоп».

Они вышли на втором этаже и двинулись по широкому, обитому дубом коридору, который заканчивался просторным холлом. Красная ковровая дорожка вела к главной двери: **Министр специальных работ РАДЧЕНКО Валерий Павлович** .

В холле были еще пять дверей: Первый заместитель министра МАЗДРИН Юрий Прокофьевич; Заместитель министра СМИРНОВ Николай Игоревич; Заместитель министра ШУШАНИЯ Георгий Автандилович; Заместитель министра НИКУЛИН Виктор Николаевич; Заместитель министра БОДРЯГИН Михаил Михайлович.

Ребров подошел к двери кабинета Никулина, открыл и вошел первым. В приемной сидела секретарша.

— Здравствуйте, — громко произнес Ребров.

— Здравствуйте, — ответила секретарша.

Штаубе, Ольга и Сережа тоже вошли.

— Виктор Николаевич у себя?

— Вам назначено? — смотрела на них секретарша. Штаубе улыбнулся:

— Голубушка, старым друзьям не назначают. Их приглашают в гости.

— Все ясно, — улыбнулась она, снимая трубку телефона, — а как доложить?

— Доложите «хоп», — сказал Ребров, отступая в сторону.

Ольга вынула из сумки свой пистолет с глушителем и дважды выстрелила в голову секретарши. Секретарша откинулась в кресле.

Ребров взял из ее руки трубку, положил на рычажки, выдвинул средний ящик стола, нашел ключи, бросил Штаубе. Штаубе запер на ключ входную дверь. Ребров вошел в кабинет помощника замминистра. В кабинете сидели помощник и машинистка.

— Здравствуйте, товарищи. Хоп, — проговорил Ребров и шагнул в сторону. Ольга быстро выстрелила в головы сидящих.

Помощник схватился руками за лицо, встал и упал на пол. Машинистка со стоном сползла со стула. Ольга подбежала к ним и выстрелила. Ребров вышел в приемную:

— Присмотр и давление.

Штаубе открыл дверь главного кабинета, пропуская Реброва, Ребров вошел. Никулин сидел за столом и что-то диктовал сидящей напротив стенографистке.

— Здравствуйте, Виктор Николаевич. Хоп по ней, — громко произнес Ребров. Ольга дважды выстрелила в голову стенографистки. Стенографистка вскрикнула и упала головой на стол. Никулин смотрел на стенографистку.

— Виктор Николаевич, позвоните Колосову, скажите, чтобы водитель Якушев немедленно поднялся в приемную к министру, — проговорил Ребров.

Никулин смотрел на стенографистку. Кровь из разmozженной головы текла на стол.

— Вы поняли, что я сказал?

Никулин посмотрел на Реброва. Ольга навела на него пистолет.

— Звони, еби твою! — процеди Штаубе. — Мы ждать не будем!

Никулин снял трубку, нажал кнопку селектора:

— Борис... Борис Ильич. Да. Тут... это. Найди Якушева, водителя. Пусть он к Валерию Пальчу поднимется. Да. Срочно. Да.

Он положил трубку.

— Теперь минуту внимания, — Ребров в упор взглянул в глаза Никулину, — сейчас вы пойдете с нами к Радченко и поможете в одном несложном деле. Оно займет не более 15 минут. Ваша жизнь зависит от его благополучного исхода. Для этого от вас, Виктор Николаевич, требуется совсем немного: полное повиновение, адекватность ситуации и легкое умственное напряжение. Вы поняли?

Никулин смотрел на него.

— Вы поняли? — повторил Ребров. Ольга приставила дуло ко лбу Никулина.

— А вот... это не надо, — отстранился Никулин, — я понял.

— Двинулись, — выпрямился Ребров.

Никулин выбрался из-за стола, пошел к двери.

— Войдете первым. Держитесь естественней.

Ольга сменила обойму, сунула пистолет в сумочку. Они вышли в холл, Штаубе запер дверь, отдал ключи Сереже. Из кабинета Смирнова вышли двое и, переговариваясь, покинули холл. Никулин вошел в приемную министра. Ребров, Штаубе, Ольга и Сережа вошли за ним. В приемной сидели помощник министра, секретарша и посетитель.

— Здравсьте, — вяло произнес Никулин.

— Хоп, — Ребров оттолкнул Никулина в сторону. Ольга выстрелила по головам сидящих. Штаубе запер входную дверь.

Ребров кивнул на дверь с табличкой **Референт**. Никулин перешагнул через ноги посетителя, приблизился к двери.

— Стоп. Сколько там человек?

— Пять... нет... семь, — Никулин смотрел на табличку.

— Откройте дверь и попросите троих выйти сюда.

Никулин взялся за ручку двери, потянул, приоткрыл:

— Петр... Сергеич, можно вас попросить... на минуту... и переводчиков тоже...

— А сам отвали, — пробормотала Ольга, становясь за дверь. Никулин отошел к столу помощника. Едва референт сошел, Ольга выстрелила ему в висок, прыгнула вправо и выстрелила в головы следующих за референтом переводчиков. Оттолкнул падающих, она вбежала в кабинет референта и открыла беглый огонь по оставшимся четырем сотрудникам. Один из них успел вскрикнуть. Ольга сменила обойму, добила дергающуюся машинистку и вышла.

— Вперед! — кивнул Ребров Никулину.

Никулин вошел в кабинет министра, отделенный от приемной двумя массивными дубовыми дверями. Вслед за Никулиным вошли Ольга, Ребров и Штаубе. Радченко говорил по телефону, сидя за огромным столом красного дерева.

— В чем дело? — спросил он, прикрыв трубку ладонью. — Почему без доклада?

— Валерий... Павлович... это... — произнес бледный Никулин и упал на колени. Его вырвало на ковер. Ольга трижды выстрелила в один из шести телефонов министра.

— Что? Что? Что?! — бросив трубку, Радченко стал приподниматься из кожаного кресла.

— Спокойно, Валерий Палыч, — сказал Ребров, кивнув Штаубе, — сейчас товарищ полковник все разъяснит.

Оставив портфель на ковре, Штаубе подошел к Радченко, вынул из кармана кителя кастет с двумя рядами стальных шипов и ударил министра по лицу. Радченко упал в кресло, схватился руками за лицо.

— Где фундаменты? — Штаубе прислонил палку к столу и присел на край. — Орел или Красноярск?

— Терехова, — пробормотал Никулин, вытирая рот.

— Хоп, — кивнул Ребров на Никулина. Ольга выстрелила ему в затылок.

— Орел или Красноярск? — наклонмся Штаубе к сопящему Радченко и ударил его кастетом по прижатым к лицу рукам.

— Орел... Орел... — простонал Радченко.

Из приемной выбежал Сережа:

— Там стучат!

— Это Якушев! — Ребров с Ольгой выбежали и вернулись с Якушевым и Леонтьевым. Якушев злобно толкнул Леонтьева, тот упал, приподнялся и стал раздеваться трясущимися руками.

— Карта в спецохране? — спросил Штаубе.

Радченко слабо кивнул. Зазвонил телефон.

— Это говно в ноябре еще... гад! — Якушев пнул Леонтьева.

— Сколько километров от Красноярска? — Штаубе убрал кастет в карман, слез со стола.

— Семьдесят... — произнес Радченко.

— Какое направление?

— Запад... западное...

— Ориентиры?

— Я... там не был... не помню без карты... — всхлипнул Радченко, — не надо только... убивать...

— Ну что там рядом? — Ребров раскрыл «дипломат». — Река? Деревня?

— Так там это на Чулыме, ну, когда Ачинск проедешь, станция Козулька, — быстро забормотал голый Леонтьев, — а потом направо и километров, ну, полста и Чулым начнется, и по Чулыму немного и через сопку там...

— А Терехов? — Ребров вынул из «дипломата» электронож, поискал глазами розетку.

— Терехов... — пожал плечами Леонтьев и облизнул пересохшие губы. Плачущий Радченко открыл свое окровавленное лицо:

— Тере... хов... Терехов уже... уже...

Ребров и Штаубе переглянулись.

— Ах, еби твою! — радостно хлопнул в ладоши Штаубе.

— Хоп, — командовал Ребров, втыкая штепсель в розетку.

Ольга выстрелила в голову Леонтьева, он упал на ковер. Ребров и Штаубе перевернули его на спину и Ребров стал вырезать электроножом часть груди.

— Когда мне доложили... я не поверил... — всхлипывал Радченко, вытирая лицо рукавом, — я был уверен... что это просто провокация. Наглая... провокация...

— Время? — Ребров опустил вырезанный кусок в подставленный Штаубе целлофановый пакет.

— 30, — Ольга взглянула на часы.

— Быстро! — Ребров уложил пакет в «дипломат», Штаубе вынул из своего портфеля папку с документами, раскрыл перед Радченко, протянул ручку:

— Давай.

Радченко подписал.

— Да не капай ты, мудака! — Штаубе оттолкнул его голову и промокнул пресс-папье две упавшие на документ капли крови.

— Быстро, быстро! — Ребров ждал с протянутой рукой.

Штаубе передал ему папку, Ребров убрал ее в «дипломат»:

— Хоп, хоп.

Ольга выстрелила в голову Радченко.

— Парадное? — спросил Якушев.

— Ни в коем случае, — на ходу ответил Ребров.

Они прошли в комнату отдыха министра, открыли дверь и по лестнице спустились во внутренний двор министерства. Здесь стояли десятка два машин. Они сели в черный ЗИЛ-110,

Якушев завел мотор.

— Перегрузил быстро? — спросил Ребров.

— Сразу после вас, — Якушев завел машину, подъехал к воротам и посигналил. Ворота стали медленно отворяться.

— Время, время! — дернулся Ребров.

— Успеваем, — Штаубе плюнул на испачканную кровью руку и стал вытирать ее платком. Они выехали на Малую Бронную, свернули на Садовое, доехали до площади Маяковского и повернули на улицу Горького.

— Генрих Иваныч, дайте мне ваш сегмент, — не оборачиваясь, попросил Ребров.

Штаубе вынул из кармана кителя сегмент и передал. Ребров приложил свой сегмент к сегменту Штаубе, нажал, соединяя замки. Красные шкалы совпали на 8, 3, черные на 8, 7. Ребров взглянул на часы, посчитал на микрокалькуляторе, сдвинул сегментные зубцы:

— 27, 10, 6.

— Ну и слава Богу! — Штаубе забрал у него сегмент. — Вы всегда хотите прямо... что-то идеальное!

— Идеального нам не видать, как своих ушей! — раздраженно вздохнул Ребров.

— Побойтесь Бога, Виктор Валентиныч!

— Витя, а там поддержка потребуется? — расстегнув жакет, Ольга засовывала в патронташ новые обоймы.

— Нет.

— С Сергеевым осторожней, — сказал Якушев, — он мог с Леонтьевым в Уренгое снюхаться. И Павлов тоже.

— Мне по шет? — Сережа вертел кубик Рубика.

— Да, да. И держись попроще.

В 12.49 они подъехали к главным воротам завода «Борец». Якушев дал сигнал. Вахтер выглянул в окошко и скрылся. Ворота поехали в сторону.

— Если Шагин отвертелся — ты поведешь, — сказал Ребров Якушеву.

— А ЗИЛ?

— Я сам.

Машина въехала на территорию завода и остановилась возле литейного цеха. Не успели они выйти из машины, как к ним подошли Сергеев, Бармин и Хлебников.

— Здравствуйте, товарищи! — бодро произнес Сергеев.

— Здрасьте, — сухо кивнул Ребров и, не подав руки, направился ко входу.

— А что же... вы так одеты легко? — неловко улыбаясь, Сергеев помог Штаубе вылезти из машины. — Так и простудиться недолго...

— Ничего, шас согреемся, — не взглянул на него, Штаубе захромал за Ребровым.

Ольга обняла Сережу и они прошли мимо встречавших. Опередив Реброва, Бармин открыл дверь. Ребров, Штаубе, Ольга и Сережа вошли в широкий грязный коридор, миновали тамбур и оказались в литейном цеху, большую часть которого занимала дуговая электросталеплавильная печь, возле которой суетились человек десять рабочих. Еще человек пятнадцать стояли возле двухметровой опоки. Сунув руки в карманы брюк. Ребров посмотрел на печь, повернулся к Сергееву:

— Докладывайте.

Сергеев кашлянул.

— Значит, Леонид Яковлевич, вчера в 12.45 мы получили 280 коробок игл для одноразовых шприцов западногерманской фирмы «Браун». По 22000 игл в каждой коробке. Общее количество полученных игл составило 6160000. Сразу же нами были организованы распечатывание и загрузка игл в ванну печи. Загрузка велась непрерывно в три смены и была завершена сегодня к 9.40. А в 10.00 печь была пущена. В данный момент все готово к отливке.

Ребров взглянул на часы:

— Покажите образец иглы.

— Пантелеев! — крикнул Хлебников.

Молодой рабочий поднес пустую картонную коробку с наклейками «Braun» и «Всесоюзный Детский фонд им. В.И.Ленина». На дне коробки лежала упакованная игла. Ребров взял ее, распечатал упаковку, снял пластмассовый колпачок, посмотрел, потом бросил в коробку:

— Приступайте.

Сергеев махнул рукой оператору. Заработал мотор, печь стала медленно наклоняться. Вновь прибывшим раздали каски, с защитными темными стеклами.

— Шас железо потечет? — спросил Сережа у седоусого рабочего, помогающего ему надеть каску.

— Потечет! — усмехнулся рабочий. — Только не железо, а сталь!

— А сталь лучше железа?

— Лучше! — рабочий положил руку на плечо Сережи. — Смотри!

Раздалась команда по радио, послышался удар, и сталь хлынула в ковш.

— Во здорово! — закричал Сережа.

— Хочешь быть сталеваром? — наклонился к нему рабочий.

— Хочу!

Когда вся сталь вытекла, ковш подъехал к опоке и началась отливка.

— Когда будет готова? — спросил Ребров, снимая каску.

— Часов через десять, — Сергеев взял у него каску.

Ребров кивнул, повернулся к Хлебникову:

— Так, товарищ секретарь. Теперь пойдем с тобой разбираться, Они вышли из цеха, поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в большой кабинет секретаря парткома. Сидящий за столом Павлов встал, подошел к Реброву. Ребров молча подал ему руку, повернулся к Сергееву:

— Заприте дверь и опустите шторы.

Хохлов запер дверь, Бурмин опустил шторы. Сергеев сел за свой рабочий стол. Ребров, Штаубе, Ольга, Сережа, Бармин, Хлебников, Хохлов, Павлов, Козлов, Гельман и Вырин разместились за длинным столом для заседаний. Штаубе открыл портфель, достал конверт и передал Сергееву. Сергеев взял конверт, вынул из него пачку долларов:

— 3?

— 3500, — ответил Штаубе.

— Деловые! — усмехнулся Сергеев, убирая деньги в стол.

— Иван Иванович, я убедительно прошу вас не опоздать, — сказал Ребров.

— Успеется, — Сергеев посмотрел на часы, — давай-ка сперва твоего архаровца заслушаем.

Все посмотрели на Сережу.

— Вставай, друг ситный, — Сергеев снял очки, стал протирать их платком, — расскажи нам о своих похождениях.

Сережа встал и, опустив голову, заговорил:

— Ну я сразу после звонка поехал. Электричкой. До Вишняков доехал, а там автобусом. До этой... до водокачки.

— До бойлерной, — подсказал Ребров.

— Ага. А там улицу нашел, пошел и дом номер семь нашел. Потом постучал и вошел. А там тетенька открыла. А я сказал: я от Афанасия Федоровича. А она говорит: проходи. А там еще дяденька был и старенькая такая бабушка. Она там это, ну, все время плакала. И так вот руками все делала...

— Короче, — Сергеев надел очки.

— Ну а потом я сумку им дал. Тетеньке. А он у нее отнял. И говорит: пошли под землю.

— Куда?

— Ну это там такой подвал у них. Мы туда спустились. А там баня и бассейн. И комнаты разные. И там был дяденька такой...

— Горбатый?

— Ага. И у него еще нос такой, ну...

— Перебитый.

— Ага. И там еще две тетеньки были. А тот первый дяденька дал сумку этому горбатому. А горбатый вынул балтик из сумки и надел на талпык.

— Что, он талпык заранее приготовил? — Сергеев посмотрел на Штаубе. Штаубе опустил глаза.

— Ага, заранее. Он на столе лежал. Ну и рычаг перевел и потекло в стакан. А тетенька держала. А потом они проверили на шар.

— И сколько?

— 7, 8.

Сергеев вздохнул:

— Ну, ну. Дальше.

— А потом горбатый стал бить того первого дяденьку. А дяденька встал на колени и говорит: это Пастухов. А тетенька первая тоже на колени встала. А потом они меня бить стали. И спрашивали про Пастухова и про тот... про лабораторию.

— А ты?

— Ну я... плакал.

— А что ты им сказал? — спросил Павлов.

— Я сказал, что Пастухов уехал, а пробы готовит Самсиков. А они меня раздели и стали топить в бассейне. И тетеньки помогали. И я это... ну... я сказал.

— Про Пастухова?

Сережа кивнул. Присутствующие неодобрительно зашевелились.

— Эмоции после, — Сергеев глянул на часы. — Ну? Заложил ты, значит, Пастухова, и потом?

— А потом они меня одели, он деньги пересчитал, положил в сумку. А тетенька та — первая, ромб завернула в такую, ну, специальную бумажку, и тоже в сумку мне положила. А потом горбатый говорит: вот тебе леденец на дорогу. И заставил меня это... ну... переднее место у него сосать...

Сережа замолчал.

— Понятно, понятно, — Сергеев снова взглянул на часы, — заложил Пастухова, пососал переднее место, взял сумочку и поехал. Садись. Женя! Пойди, пожалуйста, скажи чтобы начали разбивать опоку. Только поаккуратней.

Козлов быстро вылез из-за стола и вышел.

— В общем так, друзья, — Сергеев хлопнул ладонями по столу, — наш бизнес закончен. Никаких дел с вами больше иметь мы не же-ла-ем. Сегодня же я звоню Пастухову, и сегодня же, прямо сейчас, после того, как вы отсюда уберетесь, я распоряжусь о закрытии северного. Все! — он встал.

— Иван Иванович, но мы компенсируем, мы... — начал Ребров.

— Все! Все! — махнул рукой Сергеев, направляясь к выходу. — Забирайте отливку и убирайтесь.

Он вышел, члены заводской администрации стали выходить следом. Штаубе ударил Сережу по щеке. Сережа заплакал.

— А вот это уж лишнее, — покачал головой Павлов, — Легче всего — выпороть ребенка. Кто это сказал, не помните? Горький...

Все вернулись в цех. Шестеро рабочих разбивали кувалдами опоку, установленную на стальной платформе. Вскоре опока треснула и развалилась на куски, обнажив раскаленную, яркокрасную отливку.

— Докладывайте, — сказал Ребров.

— Значит, — кашлянул Сергеев, — силами нашего предприятия и при помощи сотрудников Государственного Зоологического музея была произведена отливка из нержавеющей стали по форме увеличенной в 10000 раз личинки чесоточного клеща. Вес отливки: 1800 кг. Сергеев кивнул Козлову, он развернул бумажку, стал читать:

Чесоточный клещ (*Acanis siro*). Самки 0,3 мм длиной, тело округлое, с короткими ногами, покровы кожистые, бороздчатые. Самец вдвое меньше. Самка питается кожей, прогрызая в ее роговом слое извилистые ходы до 15 мм длиной, которые различаются через поверхность кожи в виде сероватых линий. Яйца 0,1 мм откладываются в ходах, над ними самка обычно выгрызает вентиляционные отверстия. Вылупившаяся из яйца личинка лишена половых признаков и трех последних сегментов брюшка, все шесть ног ее недоразвиты. Личинка развивается во взрослого клеща в две стадии, становясь сначала протонимфой, затем телеонимфой. Личинки и протонимфы живут в ходах, питаются остатками изгрызенной самкой кожи и тканевой жидкостью. Сами они ходов не прогрызают. Протонимфы превращаются в телеонимф, которые выползают на поверхность кожи обычно ночью, когда больной спит. Здесь часть их превращается в самцов, которые спариваются с женскими телеонимфами — будущими самками. Оплодотворенные телеонимфы вгрызаются в кожу и превращаются в самок. Самцы проводят...

— Достаточно, — прервал его Ребров. — Давайте грузить.

Сергеев махнул рукой, платформа, подцепленная краном, стала подниматься. Рабочие уже успели убрать куски опоки и срезать с отливки литники, прикрывшись от жара щитами.

— Леонид Яковлевич, только тут с шофером неприятность случилась, я вам забыл сказать, — озабоченно нахмурился Сергеев.

— Что такое?

— Они машину еще давно прислали, а шоферу вдруг плохо стало: рвота, чуть сознание не потерял. Сказал, утром консервы ел. Ну, мы скорую вызвали. А вас кто-нибудь из наших повезет — Белкин или Саша Егоров.

— У нас свой шофер найдется, — Ребров двинулся вперед, к раскрывающимся воротам цеха.

— Как хотите, — злобно пробормотал Сергеев.

Кран вынес платформу из цеха и она повисла над кузовом грузовика.

— Майна! — крикнул усатый рабочий и платформу опустили в кузов.

К Реброву подошел Якушев.

— Поведешь МАЗ. Товарищ полковник дорогу покажет, — сказал Ребров. Якушев кивнул и полез в кабину. Штаубе сел с ним.

Ребров подошел к ЗИЛу и сел за руль. Ольга и Сережа сели сзади.

— А как же... — нахмурился побагровевший Сергеев.

— Вот так, товарищ Сергеев, — Ребров опустят стекло. — ты думаешь, я всю жизнь в кабинете просидел?

Хохлов дважды подмигнул Реброву. Ребров завел мотор, резко развернул машину и повел к воротам, сигналив. МАЗ тронулся следом.

— Поддержка, знедо по девятке, Сереже взять соф, — не оборачиваясь сказал Ребров.

Ворота открылись. Ребров свернул налево и резко прибавит скорость.

— Ну что, прав я оказался? — усмехнулся Якушев, выезжая из ворот.

— Засранцы пастуховские! — засмеялся Штаубе. — Все замазаны! И Павлов, и Сергеев, и Толстожопый! Ну и мудаки! Свет таких не видывал!

— Теперь понятно, почему Радченко сдал в спецхран.

— Ну, козлы! Ну, мудилы! — смеялся Штаубе. — Бармин клялся-божился, что Лебедев в Уренгой не сунется! А с шофером! Дуболомы!

В 14.02 МАЗ подъехал к «Универсаму» на Голубинской улице.

Огромная толпа шумно втискивалась в только что открытые двери магазина.

— Внимание, товарищи! — раздался голос в мегафоне. — Повторяю! Продуктовые посылки буду выдаваться при предъявлении двух документов: удостоверения участника войны — раз! Талона Черемушкинского райисполкома — два! При отсутствии одного из этих документов посылка выдаваться не будет!

— Что это они с опозданием... — зевнул Штаубе.

— Как всегда, — Якушев объехал толпу, развернулся и стал задом подъезжать к воротам внутреннего двора магазина.

— Откуда посылки-то? — Штаубе вынул сегмент, сдвинул зубцы на 2 пункта.

— ФРГ. Хотели к Рождеству, а потом почему-то перенесли.

— Еще бы им не перенести! — усмехнулся Штаубе.

Якушев трижды посигналил, ворота открыли. Весь внутренний двор «Универсама» был заполнен людьми, которые расступились, пропуская грузовик. МАЗ осторожно въехал и остановился перед кучей из кусков сливочного масла.

— Давай сразу! — сказал Штаубе Якушеву, вылез из кабины и двинулся через толпу.

Кузов МАЗа стал подниматься. К Штаубе подошли две сорокапятилетние женщины, близнецы Маша и Марина, одетые в одинаковые серые ватники, синие платки и резиновые сапоги. Обе держали на тарелках по стакану с прозрачной жидкостью. Штаубе посмотрел в глаза женщин, взял стакан с тарелки Марины, стал подкосить к губам и вдруг выплеснул в лицо Маши. Маша дико закричала и, схватившись за лицо, упала ничком.

— Вот так, вот так! — Штаубе бросил стакан на грязный снег, поднял другой и понюхал.

— И еще на курву, — прохрипел полный мужик, склоняясь над Машей с трехлитровой бутылкой. Кто-то вытянул резиновую пробку, дымящаяся кислота потекла на голову Маши. Марину ударили железной трубой по голове, она упала рядом с Машей.

— Вот так, вот так! — Штаубе плюнул в стакан и с силой бросил его в лицо близстоящего человека. Человек схватился за лицо и отвернулся. В это время багрово-красная, окутанная паром отливка съехала с кузова в кучу масла и с шипением стала погружаться в нее. — Вот так, вот так! — Штаубе сделал рукой сложное движение.

Одиннадцать человек подняли квадратную бетонную плиту и положили на Машу и Марину. Шестнадцать человек поднесли и поставили на плиту массивный несгораемый шкаф. Штаубе подсадили, он влез на шкаф, выпрямился, опираясь на палку. Все стихли. Штаубе вынул из кармана кителя бумажку, развернул, посмотрел, потом скомкал и бросил.

— Вот так, — устало произнес он, опершись обеими руками на палку, — на одной ноге, с подпоркой... Знаете, нам трудно представить современную жизнь без резины, без каучука. Мы носим прорезиненные плащи и резиновые галоши, пользуемся резиновыми шлангами и прорезиненными водолазными костюмами. Без каучука не могут существовать автомобильный транспорт, авиация, электротехника, машиностроение. Каучук — это шины, изоляция проводов, баллоны аэростатов, тысячи, тысячи незаменимых вещей. С другой стороны — многолик мир синтетических смол. И, пожалуй, одни из самых удивительных среди них — ионообменные смолы, или просто иониты... — он помолчал, сосредоточенно нахмурившись, провел рукой по лицу. — Кто из нас, стоя у карты, не мечтал; хорошо бы поехать на Кавказ, в Арктику, в Антарктиду, в пустыню Каракум, или, например, в Кельн. Конечно, это очень интересно. Но познакомьтесь с биографиями великих путешественников и вы узнаете, что они задолго до дальних экспедиций много путешествовали по своим местам. В родном краю, в котором на первый взгляд все известно, всегда окажется много нового и интересного для исследователя. Главное в путешествии — это умение видеть и наблюдать. Например, здесь неподалеку на столбе у автобусной остановки висит объявление:



— В бараке его прозвали Гундосом, — заговорил Штаубе, вглядываясь в бледное лицо трупа, — всю жизнь он страдал тяжелой формой гайморита. Стамеску мне и молоток.

Ему передали узкую стамеску и деревянный молоток.

Несколькими ударами Штаубе вскрыл гайморовы полости на лице трупа. Из пробоин медленно потек зеленоватый гной.

— Левая и правый! — громко сказал Штаубе. Слева к столу подошла девушка, справа подошел юноша. Они быстро разделись догола. Наклонившись над трупом, Штаубе высосал гной из левой гайморовой полости, подошел к девушке, прижался губами к ее губам и выпустил гной из своего рта ей в рот. Затем он высосал гной из правой гайморовой полости трупа, подошел к юноше и выпустил гной ему в рот.

— Передавайте, — сказал Штаубе и пошел сквозь толпу к служебному входу. Две очереди стали выстраиваться к юноше и девушке. У служебного входа стояли грузчик и продавщица.

Расступившись, они пропустили Штаубе в полутемный коридор. Ребров протянул ему бутылку с раствором марганцово-кислого калия. Штаубе схватил бутылку, отхлебнул, тщательно прополоскал рот и выплюнул.

— Веревки не выбрали, — сказал Ребров.

— Я не Олег Попов! — раздраженно ответил Штаубе и, полоща рот, двинулся по коридору.

— Я предупреждал, — Ребров пошел за ним, разминая папиросу. Продавщица и грузчик заперли дверь на задвижку.

— Направо, Генрих Иваныч, — подсказал Ребров, и они вошли в помещение, уставленное бочками с соленьями. В углу над двумя раскрытыми посылками сидели, закусывая, Ольга, Сережа и Якушев.

— Блядь! — Штаубе швырнул бутылку в угол. — Весь рот себе сжег... Он сбросил камень с крышки бочки, двинул крышку, зачерпнул в пригоршню капустного рассола и жадно выпил.

Продавщица заперла дверь и опустилась на колени. Грузчик расстегнул ватник, задрал грязный свитер. На его животе и груди были следы недавно заживших ожогов. Продавщица всхлипнула и беззвучно заплакала.

— Да... антипоследнее... — Штаубе взял у Сережи надкусанный батон салями, откусил.

— Что теперь показывать, — усмехнулся Якушев, жуя галету.

— Одежда? — спросил Ребров у продавщицы. Она показала на деревянный ящик в углу.

— Генрих Иваныч, займитесь одеждой, — Ребров дал грузчику 100 долларов, вынул из бумажника дестнитку, встал на колени перед продавщицей, надел одну петлю на два ее передних верхних зуба, другую петлю — на два передних верхних своих.

Сережа подошел, завел шарие и осторожно опустил на еле заметную дестнитку. Шарие покатила по дестнитке, слабо жужжа.

— Ахаран, ахаран, ахаран, — произнес Ребров, не двигая зубами.

— Хатара, хатара, хатара, — ответила продавщица. Шарие подкатилась к ее губе, затем двинулась назад к губе Реброва.

Штаубе вынул из ящика ворох одежды, снял с себя форму полковника и переоделся в свитер и шерстяные брюки.

— Агаках, агаках, агаках, — произнес Ребров.

— Ханака, ханака, ханака, — ответила продавщица. Шарие подкатилась к середине дестнитки, затем двинулась к губе продавщицы. Штаубе надел полушубок, валенок и шапку-ушанку.

Дверной замок слабо щелкнул, дверь распахнулась, отбросив продавщицу. В помещение ворвались четверо с автоматами, в бронежилетах:

— КГБ! Всем лежать!

Ребров, грузчик, Якушев и продавщица повалились на пол. Штаубе поднял руки вверх.

— На пол! — его толкнули, он упал, оттопырив ногу, Ольга прижала к себе Сережу, ущипнув его:

— Милые! Милые! Они украли нас с сыном! Они мучили нас! Господи!

— Мамочка! Мамочка! — зарыдал Сережа, обняв ее за шею.

Вошли еще двое с пистолетами и наручниками.

— Арестуйте, свяжите их скорее! Скорее! — рыдала Ольга, заслоняя Сережей сумку. — Там еще трое! В кабинете товароведа! Они пошли пить! Скорее!

— Успеем, — спокойно произнес человек в кожаной куртке, с пистолетом, — только сначала отпусти сопляка. Ты ему такая же мама, как я папа. Считаю до одного.

Сережа отошел в сторону.

— А теперь — на пол, руки за голову.

Ольга легла на мокрый от рассола пол. Всем, кроме Сережи, надели наручники.

— Новиков со мной, остальные к товароведу, — приказал человек в кожаной куртке. Один автоматчик остался с ним, остальные вышли.

— Иглы что ли? — человек в кожаной куртке кивнул на ящик с одеждой. Автоматчик повернулся к ящику, человек в кожаной куртке выстрелил ему в затылок. Автоматчик упал. В коридоре раздалась длинная автоматная очередь.

— Ага, — человек в кожаной куртке навел пистолет на дверь.

— Полет, — раздалось за дверью.

— Союз, — ответит он, впуская автоматчика. — Ну?

— Есть такое дело! — нервно улыбнулся автоматчик и дал очередь ему в лицо. Кровавые ключья брызнули на стену, человек в кожаной куртке упал, успев выстрелить. Автоматчик

вытащил из кармана его куртки ключ, подмигнул Сереже:

— Щас сделаем... Где наши?

Сережа показал на Реброва, Ольгу и Штаубе. Автоматчик кинул ключ Сереже и тремя короткими очередями пристрелил Якушева, грузчика и продавщицу.

— Зачем Галю?! — Ольга приподнялась на колени. — Патроны девать некуда? Мудак! Тьфу! — она плюнула в автоматчика.

— Уходите через зал, на заднем и в винном все обложено, — пробормотал автоматчик, сменил рожок и выбежал. Сережа снял с Ольги наручники, вдвоем они освободили Реброва и Штаубе. Из пробитой бочки тек капустный сок, шарие каталось по полу, мягко жужжа.

— Ой... не могу, простите... — Штаубе шагнул в угол, расстегнул брюки и присел, подхватив полы полушубка. Его прослабило. Ребров поднял шарие, сиял с зубов продавщицы дестнитку:

— Тогда быстро.

— Какой гад! — Ольга вынула пистолет из сумки, сунула за пояс, запахла шубу. — Вот вам и Злотников!

— Злотников пашет на Пастухова, — Штаубе палкой поддел слетевшую с головы грузчика вязаную шапочку, подтерся ей. — Один говнюк напиздел, а другие поверили...

— Быстро! Быстро! — Ребров выглянул за дверь. Штаубе подтянул штаны, захромал к двери. Они вышли и двинулись по коридору. Возле кабинета товароведа лежали убитые автоматчики и человек в штатском. Чуть поодаль лежала полная продавщица в белом халате со страшной рубленой раной в пол-лица: ее пальцы сжимали кусок арматуры, ноги в войлочных ботинках слабо подрагивали, подплывая мочой. Возле двери в зал стояли автоматчик и молодая продавщица с окровавленным топором в руке.

— Давайте, пока они не прочухались, — автоматчик оттянул дверную задвижку. Ольга плюнула ему в лицо.

— Дура! — засмеялся он, вытираясь. Продавщица зло посмотрела на Ольгу, открыла дверь. Ребров, Ольга, Штаубе и Сережа вошли в зал. Здесь было много народа: выстроившись в три длинные очереди, участники войны получали посылки гуманитарной помощи. Слева у прилавков дрались, слышались крики женщин и мужская брань; у стены лежала женщина, дружинник и милиционер подносили ей нашатырь; у выхода шел обмен продуктами из только что полученных посылок. Ребров протискивался сквозь толпу, прокладывая дорогу остальным.

— Сынок, помоги! — низкорослый, полный инвалид на костылях схватил Реброва за руку. — Мне одному не уволочь! — Помоги, Христа ради!

— Не Христа ради, браток, — Штаубе подхватил посылку инвалида с одного края, Ребров с другого, — а ради славы советского солдата!

— Бот спасибо, братцы, вот спасибо! — взволнованно улыбаясь, инвалид ковылял за ними. — Ты где воевал, друг?

— 1-ый Белорусский, — Штаубе шел, бодро опираясь на палку, — начал под Прохоровкой, кончил Берлином.

— На рейхстаге расписался?

— И расписался и насрал между колоннами. От души.

— Танкист?

— Никак нет. Бог войны.

— Артиллеристы, Сталин дал приказ! А как же!

— Артиллеристы, зовут Отчизна на-а-ас! — пропел Штаубе.

Ребров, Ольга и Сережа громко подхватили:

— Из сотни тысяч батарей, за слезы наших матерей, за нашу Родину — огонь, ого-о-онь!

Перед ними расступились. Они вышли из магазина.

— А теперь, слышь, немец посылки шлет! — оживленно засмеялся инвалид.

— Да. Хочет колбасой рот заткнуть, — Штаубе настороженно огляделся. — Ну и хуй с ним...

Они бросили посылку на снег, прошли скаозь собравшуюся у магазина толпу и сели в красный «Москвич» с черно-желтой инвалидовской наклейкой. ЗИЛ стоял у газетного киоска, возле него суетились милиционеры и люди в штатском. Ребров завел мотор, вырулил на Голубинскую и осторожно поехал.

— Проскочили? — Ольга переложила пистолет в сумку, достала портсигар.

— Не торопитесь, Ольга Владимировна, — покосился в окно Штаубе, — у них пиздюли не залежатся.

— Сережа, ты челнок не потерял? — Ребров облизал пересохшие губы.

— Неа, — Сережа вынул челнок.

— Дай-ка мне, — Ольга взяла челнок, сунула в карман шубы, закурила. — Витя, а почему ты про Злотникова не сказал?

— Потому что Радченко Соловьеву не знал лично.

— И вы до конца не были уверены? — повернулся к нему Штаубе.

— И я до конца не был уверен.

— Значит это... крест?

— Значит это крест, — Ребров взял у Ольги папиросу, затянулся.

— Век живи, век учись! — зло усмехнулся Штаубе. — А здоровьем расплачивайся!

— У нас не было выбора, Генрих Иванович. Риск был оправдан, мы же смотрели по сегментам.

— Что сегменты... по раскладке выпала восьмерка. Тут не знаешь, чему верить...

— Верьте инструкции, Генрих Иванович. Внимание всем: на вокзале быть чрезвычайно осмотрительными.

— Мимикрия? — спросила Ольга.

— 6, 3. И легче, легче...

— Куда уж легче! — пробурчал Штаубе, отворачиваясь.

В 14.55 они подъехали к Казанскому вокзалу.

— Носильщик! — крикнул Ребров, вылезая из кабины. От группы носильщиков отделился один и подвез тележку к машине.

— 56-ой поезд, пожалуйста, — Ребров открыл багажник.

— «Енисей»? Сделаем... — носильщик вынул из багажника и поставил на тележку металлический ящик с промежуточным блоком, чемодан с жидкой матерью и рюкзак. Ребров взял «дипломат», Штаубе — портфель. Носильщик быстро повез тележку, — Давайте мороженое купим! — Сережа взял Ольгу за руку.

— Мороженое, Сережа, зимой не едят, — сухо проговорят Ребров. Когда подошли к подъезду, ушедший вперед носильщик обернулся:

— Какой вагон-то?

Ребров достал билеты:

— Седьмой. Места 9-12.

У вагона их встретила кудрявая татарка-проводница, с улыбкой посмотрела билеты:

— До Красноярска? Вот молодцы! А то все самолетом, да самолетом. Никак брильянты везете? — она кивнула на металлический ящик, с которым возится носильщик.

— Хуже. Киноаппаратуру, — Ребров взял у нее билеты.

— Кино про нас снимать? — засмеялась она, обнажив золотые зубы. — Давно пора!

Носильщик занес вещи в купе. Ребров дал ему 6 рублей.

Через 9 минут поезд тронулся.

— Слава Тебе, Господи, — перекрестился Штаубе.

— Поехали! — Сережа сдвинул оконную занавеску.

В дверь постучали.

— Открыто! — громко сказал Ребров. Вошла проводница, присела на край дивана.

— Разместились нормально? — не переставала улыбаться она, раскладывая на коленях кожаную папку с карманчиками для билетов.

— Вполне, — кивнул Ребров, отдавая ей билеты.

— Дорогуша, как у вас обстоит дело с рестораном? — спросил Штаубе.

— Получше, чем у вас в Москве, — она свернула билеты и засунула в карманчик, — икорка, балычок, солянка, цыплята-табака. Коньяк, шампанское.

— Отлично! — Штаубе шлепнул себя по колену. Ребров дал ей 10 рублей:

— За постель и за чай.

— Сдачи не надо, — улыбнулась Ольга.

— Спасибо, — проводница убрала деньги, — а вы без шуток кино снимать едете?

— Без шуток.

— Про любовь?

— Про экологию.

— У-у-у-у. Я-то думала!

— Не нравится тема? — Ребров переглянулся с Ольгой.

— В зубах навязло, — проводница встала. — Будто в Сибири уж и чистого воздуха нет! Поезжай в тайгу, да дыши, сколько влезет. Я вам через полчаса чаек организую...

Она вышла. Штаубе сразу запер дверь:

— Все! Жрать! Умираю!

— В ресторан? — рассеянно потрогал усы Ребров.

— У нас полно продуктов, какой еще ресторан! — Ольга потянула из-под столика рюкзак.

Через час трапеза была закончена. Сережа помог Ольге собрать в пакет куриные кости, яичную шелуху, хлебные корки.

Вошла проводница со второй порцией чая, — Отлично! — Штаубе вытирал руки салфеткой.

— Я чай могу тоннами пить, — сказал Сережа.

— На здоровье! — засмеялась проводница, расставляя стаканы.

— Дорогуша, сколько же нам пилить до Красноярска? — Штаубе налил себе в чай коньяку из серебряной фляжки.

— Почти трое суток.

— С ума сойти, — покачала головой Ольга, — устанешь ехать...

— Да ничего не устанете, — проводница взяла у нее пакет с мусором, — в Горьком и Казани все посходят, одни с вами поедем, хоть в футбол играй. Будем чай гонять, и в подкидного резаться.

— Ну, ну! — подмигнул ей Штаубе. Она вышла. Все посмотрели на Реброва.

— Иро, иро... — устало пробормотал он, расстегивая ворот рубашки.

— Мое дело — предупредить, — Штаубе отхлебнул чай, — с голутвинским тоже было иро.

— Ну хватит, хватит, хватит! — Ольга ударила ладонью по столику, расплескивая чай. — Вам приятно? Мне сидеть, хлопать глазами и повторять: ах, как вам приятно!?

— Да при чем здесь — приятно? — поморщился Штаубе.

— Скажите, я вам случайно не дочь, Генрих Иванович? Или может — невестка? Вы мне поплакать разрешите? Поприсесть? Или — так? — она сделала руками сложное движение.

— Ольга Владимировна... — вздохнул Ребров.

— Иро для вас, как для меня — моя болезнь! Как та самая больница, на «Соколе»? А я — медсестра?! Уборщица? Двигайся, двигайся, Оленька!

— Мы вместе работали! Я цифры с потолка не брал! — раздраженно выкрикнул Штаубе.

— Значит брали мы с покойной Галей?! Написали от фонаря и подсунули! Здорово!

— Да вы вообще тут ни при чем!

— Конечно ни при чем! Я нигде ни при чем! Мое дело нажимать на курок и на раскладке реветь белугой! Оленька, толкни треугольничек! Оленька, поставь на 18! Все! Все! Все! — оттолкнув Сережу, она бросилась к двери, но Ребров схватил ее за руку, притянул к себе, зажал рот. Ольга рыдала, вырываясь. Сережа навалился ей на ноги. Штаубе сунул ей в рот горлышко фляги, она поперхнулась коньяком и долго судорожно кашляла.

— Еще, — сказала она успокоившись и сев рядом с Сережей.

Штаубе передал ей флягу. Вытерев слезы, она жадно отпила, дала Реброву. Он понюхал, глотнул, передал Штаубе, который завинтил фляжку.

— Спать, Ольга Владимировна, — Ребров погладил ей руку.

— Спать всем. Восстанавливаться.

\* \* \*

Ольга проснулась от крика Сережи, выхватила из-под подушки пистолет и навела на дверь. В купе было темно. Поезд быстро шел, вагон сильно качало. Спящий на верхней полке Сережа застонал и слабо вскрикнул. Ольга посмотрела вниз. Ребров и Штаубе спали. Она убрала пистолет, сбросила одеяло и перебралась на полку к Сереже.

— Вози... возили! — пробормотал Сережа, дернулся и проснулся. — Кто это?

— Это я, милый.

— Оль, я боюсь, — Сережа прижался к ней.

— Миленький мой, ты весь дрожишь...

— Мне приснилось... страшное... будто на даче вы меня послали в этот... в подпол ползть, достать там жезл, ну он на раскладке провалился... и я полз, а вы мне кричите, куда лезть... а там ходы такие, земля, тесно, и на меня личинка навалилась и душит. Липкая, жирная, как свинья...

— Маленький, — Ольга гладила его вспотевший лоб, — нет никакой личинки.

— Мы что... едем?

— Мы едем, едем, едем в далекие края. Спи, — она посмотрела на светящийся циферблат. — Третий час.

— Оль, а мы в Сибирь едем?

— В Сибирь.

— А она большая?

— Очень.

— А ты там была?

— Один раз. В Магадане, на сборах. Правда, летом.

— Оленька.

— Что, милый?

— Пососи у меня.

Ольга потрогала его напрягшийся член, поцеловала в висок.

— Сейчас?

— Ага... — он отбросил одеяло, стянул трусы. Ольга легла грудью на его колени, взяла член в рот, стала ритмично двигаться. Он помогал ей, глядя в темный потолок. Вскоре он вздрогнул и замер. Ольга вытерла ладонью губы, поднялась и поцеловала его в горячую щеку.

— Маленький... покормил свою Оленьку. Больше кричать не будешь?

Он покачал головой, Ольга перебралась на свою полку, накрылась одеялом:

— Качает, как на пароходе! Держись за подушку.

Сережа спал.

\* \* \*

Проснулись рано. Завтракали, когда поезд долго стоял в Казани.

— Пятьдесят лет прошло, а рожи все те же, — прихлебывая чай, Штаубе смотрел на идущих по перрону.

— Вам приходилось здесь бывать? — спросил Ребров.

— А как же! — он сделал плаксивое выражение лица и заговорил с сильным татарским акцентом:

— Эвакуация школы-интерната №18 имени товарища Макаренко, нам, братаны, все равно: санатория, крематория, лишь бы бесплатная! Пожили тут шесть месяцев, потом в Ашхабад переехали. Там неделю кровавым поносом исходил.

— Вы в интернате учились? — спросил Сережа, очищая вареное яйцо. — А родители?

— Убили родителей, Сережа.

— Немцы?

— Цыгане. 6 июля 1941 года убили моих родителей, — Штаубе допил чай, — а убить родителей, Сережа, величайший грех.

Поезд тронулся. Вскоре вошла проводница с чаем:

— Ну вот! На весь вагон всего десять пассажиров осталось. Давайте пустые стаканчики...

Когда она ушла, Ольга заперла купе, положила пистолет на стол, достала из рюкзака ветошь, масло и шомпол. Ребров залез на верхнюю полку и углубился в свои записи. Штаубе бросил в стакан с чаем два кусочка сахара, помешал ложкой:

— Давно хочу спросить у вас, Ольга Владимировна, каков калибр вашего пугача?

— 9 миллиметров, — быстро ответил Сережа, — ударно-спусковой механизм самовзводный, затвор свободный, предохранитель флажкового типа, магазин на десять патронов, прицел типа «стриж», рукоятка буковая штучной работы.

— Слыхали, товарищ Ребров? — Штаубе привстал на ноге, проговорил со сталинским акцентом. — А ми с вами нэ доверяем нашей маладежи!

Ребров не ответил.

— Тогда второй вопрос: отчего вы, дорогуша, когда ведете, так сказать, огонь, держите его не двумя руками, как наши славные полицейские, а одной?

— Меня так учили, Генрих Иванович, — Ольга сняла затвор, — менты двумя руками держат, потому что из их дубин иначе не попадешь. Макара на десять шагов дает разброс до полуметра. Они у них коротухи, не пристреляны, не сбалансированы, отдачей руку вывихнешь, А я из своего на десять шагов лампочку «миньон» бью...

— Стоп, стоп! — воскликнул Ребров. — Как называлась борисовская станция?

— Карпилово, — ответил Штаубе.

— Гениально! — засмеялся Ребров. — У меня по сетке сходится на синей.

— Не может быть! — приподнялся Штаубе.

Ребров показал ему потрепанную тетрадь:

— Сороковка. А по раскладке, как вы помните, было 7.

Штаубе взял тетрадь, пошевелил губами:

— Сороковка... так...

Ольга навинтила на шомпол ерш:

— Ну и что? Все равно придется отработать.

— Зато не придется тащиться в Красноярск. Выйдем на семидесятом километре.

— В Тарутино?

— В Козульке.

Ольга капнула на ерш масла, ввела шомпол в ствол:

— Знаешь, когда котенок найдет черепаху без панциря, он сначала понюхает, а потом уж носом коснется. Или когда из-за посуды дерутся: один топчется, топчется, машет шлангом с металлической муфтой, а другой, хоть на керское наступил, но не упал, а прыгнул и решетку выставил. Просто и надежно.

\* \* \*

Часы Реброва показывали 23.46, в купе горела синяя лампа. Ольга и Сережа спали на верхних полках. Штаубе разлил остатки коньяка в два стакана:

— Частная собственность, Виктор Валентинович, это всего лишь предлог. Партийный аппарат — страшная силища, конечно, но не беспредельная. Сейчас это особенно заметно. Да и что вы знаете о немцах? Газовые камеры для недочеловеков? Гороховый суп с сосисками? Когда нас гнали, что пел гармонист? Не горюйте, новобранцы, все равно убьют германцы!

— Я не склонен рассматривать партаппарат как исключительно реакционную силу, — Ребров взял стакан, выпил залпом, откусил от яблока, — В сегодняшней ситуации коммунисты способны на позитивные, по-настоящему демократические ходы. И наоборот — демократы, или вернее — квазидемократы демонстрируют тоталитарный подход к проблеме власти. Немцы же меня не пугают, но и не успокаивают. Вспомните Геббельса-студента: зло есть не что иное, как несоответствие между бытием и долженствованием.

— Значит, по-вашему, Сталин — мерзавец, а не великий реформатор?

— Для духовного подъема и национального возрождения России Сталин сделал больше всех русских правителей вместе взятых. Как христианин и человек здравомыслящий я приветствую реформы Сталина. Как экономист и геополитик я так же приветствую их. Но как русский интеллигент, я не могу не осудить эти реформы. И заметьте — реформы! Но не Сталина. Вспомните Бердяева: русский коммунизм с одной стороны — явление мировое и интернациональное, с другой — русское и национальное. Ленин, увы, этого не понимал.

— Зато он прекрасно понимал контрпартнерство Германии.

— О чем Сталину приходилось только догадываться. Смутно, но догадываться.

— И все-таки я Сталина ненавижу, — Штаубе выпил свой коньяк, — его непоследовательность, мягкотелость, нежелание проявить характер в решении важнейших вопросов, его ставка на

союз интеллигенции и крестьянства в противовес пролетариату... говнюк, ебанный говнюк! Самое гадкое, когда гениальный человек не способен распорядиться своим талантом. Обезглавить Красную Армию в начале тридцатых было бы величайшим благом, но делать это в 37-ом или в 40-ом — величайшее преступление! Ликвидация зажиточного крестьянства, ограбление крестьянских хозяйств, насаждение колхозной барщины — все это гениально, здорово, но...

— Но проводить это в конце 20-х — абсурдно! — усмехнулся Ребров.

— Конечно! Подожди лет десять, дай сиволапым зажиреть, дай им набить закрома...

— А потом уже — грабь! Если б он начал это хотя бы в 36-ом, эффект от раскрестьянивания был бы в пять, в десять раз больше. Русское крестьянство начало обретать экономическую независимость, пожалуй, только в 910 году, потом — война, революция, идиотская продразверстка Ленина-Троцкого, затем короткая пауза — и коллективизация...

— А национальный вопрос?! Задумано, как всегда у Сталина гениально, проведено в жизнь — самотеком! А вы ругаете Бисмарка!

— Не Бисмарка, а прусских филистеров, выхолостивших и извративших его идеи. Молотов и Бухарин такие же филистеры, заслуживающие всеобщего презрения. Сталину серьезно мог помочь не Каганович, а Зиновьев. Сложись его судьба по-иному, мы бы жили в другом государстве. Путь Зиновьева в лабиринтах участи так же трагичен, как путь Гиммлера: светлый луч, тонуций в жестких бюрократических структурах.

— Поразительно! — Штаубе чистил яблоко перочинным ножом.

— Никто из этих индюков не позволил себе протянуть руку направо, коснуться надежного плеча, посоветоваться! Что это, ебена мать? Эгоизм или страх?

— Обтростон, — ответил Ребров после непродолжительного раздумья.

Поезд стал тормозить, за окном замелькали огни города.

— Свердловск, — Штаубе посмотрел в окно.

— Вы и здесь были?

— Ни разу! — засмеялся Штаубе, — 66 лет потребовалось, чтобы доехать! Вот вам и Россия! Давайте выпьем за это!

— За дорогу, длиной в 66 лет?

— За нее! — Штаубе достал из рюкзака бутылку водки, стал открывать. — Мне всегда нравились эти сумасшедшие российские расстояния. Они как-то... возбуждают, правда?

— Меня наоборот — угнетают. Кстати, Генрих Иванович, вы смотрели по полосе?

— А как же! Еще утром, когда вы умываться пошли. Конус в допуске.

— Сколько?

— 4, 7. Корень не виден.

Ребров удовлетворительно кивнул, пододвинул стакан:

— Что ж, в таком случае и выпить не грех.

\* \* \*

В 9.12 стуком в дверь разбудила проводница. Ребров открыл, она вошла, поставила на стол чайник и стаканы:

— С добрым утречком! Что ж вы Омск проспали? Там на перроне такая торговля шла, рехнуться можно! Шапки волчьи по сто рублей, платки пуховые всего за четвертной, валенки белые... как с ума посходили! Вот что снимать надо!

— Ничего, в другой раз... — хрипло пробормотал Штаубе, поднимая с пола протез.

— А это что за река? — Сережа посмотрел с верхней полки.

— Иртыш.

— А почему она не замерзла?

— Течет быстро, поэтому и не замерла. Я через полчаса вам еще чаю принесу.

Она вышла, громко хлопнув дверью.

— Как здесь топят жарко! — Ольга откинула одеяло, потянулась.

— Жар костей не ломит, Оленька, — сидя на диване, Штаубе налил в стакан чаю, отхлебнул. — Ах, славно.

Ребров оделся, достал свой «дипломат», открыл, понюхал пакет с частью груди Леонтьева.

— Что, протухла? — спросил Штаубе.

— Нет. Все в порядке, — Ребров убрал «дипломат», взял полотенце, тубик с пастой, зубную щетку. — После завтрака бросим на малой разметке. Сережа — разводящий.

\* \* \*

Обедали в полупустом вагоне-ресторане. В ожидании десерта Ольга раскладывала на столе пасьянс «Могилы Наполеона», Ребров курил, глядя в окно, Сережа вертел кубик Рубика, Штаубе читал вслух из «Князя Серебряного»:

Множество слуг, в бархатных кафтанах фиалкового цвета, с золотым шитьем, стали перед государем, поклонились ему в пояс и по два в ряд отправились за кушаньем. Вскоре они возвратились, неся сотни две жареных лебедей на золотых блюдах. Когда съели лебедей, слуги вышли попарно из палаты и возвратились с тремя сотнями жареных павлинов, которых распущенные хвосты качались над каждым блюдом, в виде опахала. За павлином следовали кулебяки, курники, пироги с мясом и с сыром, блины всех возможных родов, кривые пирожки и оладьи. Обед продолжался. На столы поставили сперва разные студени; потом журавлей с пряным зельем, рассольных петухов с инбирем, бескостных уток и куриц с огурцами. Потом принесли разные похлебки и трех родов уху: курячью черную и курячью шафранную. За ухой подали рябчиков со сливами, гусей со пшеном и тетерок с шафраном. Отличились в этот день

царские повара. Никогда так не удавались им лимонные кальи, вечерние почки и караси с бараниной. Хороши и вкусны были также зайцы в лапше, и гости, как уже ни нагрузились, но не пропустили ни перепелов с чесночной подливкой, ни жаворонков с луком и шафраном.

— Вот так, Ольга Владимировна. А вы говорите — неплохая кухня.

— Не сложилось, — Ольга стала собирать карты.

Официантка принесла кофе и засохшие пирожные. Ребров сразу расплатился, дав рубль на чай.

— Об это зубы сломаешь, — Ольга откусила от пирожного и выплюнула.

— Раздадите нищим на полустанках, — зевнул Штаубе.

Поезд стал тормозить.

— Это Новосибирск, — Ребров взглянул на часы. — Надо бы выйти воздуха глотнуть.

— Я — спать, — Штаубе встал, опираясь на палку.

Вернулись в купе, Штаубе лег с книжкой, Ольга, Ребров и Сережа оделись и вышли на перрон.

— Холодно как! — Сережа прижался к Ольге.

Проводница стояла рядом, лузгая семечки:

— Разве ж это холодно? Всего 28 градусов. Холодно, когда под сорок.

К ней подошел мужик в драном полушубке:

— Хозяюшка, продай водки.

— Мы водкою не торгуем, — сплюнула она шелуху.

— Тридцатник дам.

Она отвернулась. Мужик отошел, скрипя валенками. К проводнице подошел дед в ватнике, развязал холщовый мешок:

— Ну-к, милая, глянь-ка!

В мешке лежала свиная голова.

— Сьтюдню наваришь — до масленицы не съядишь! — улыбался дед.

— Когда резали? — проводница потрогала голову.

— Завчера. Бери с мешком на здоровье.

Проводница подумала, вынула из кармана бутылку водки и дала старику.

— Ну и вот! — он спрятал ее за пазуху и отошел.

— Стоянка — пятнадцать минут! — проводница подмигнула Сереже, подхватила мешок и полезла в вагон.

— А вокзал ничего, — Ольга смотрела на здание вокзала, — лучше, чем у нас в Норильске. Зайдем?

— Воздержимся, — Ребров закурил.

— Ах, Витенька, какой ты осторожный! — Ольга взяла у него изо рта папиросу, затянулась и, запрокинув голову, выпустила дым вверх.

\* \* \*

За 72 километра до Ачинска на станции Боготол в вагон №7 подсади трое железнодорожных рабочих в ватниках и желтых безрукавках.

— А в депо баили, что ты в декретном! — улыбнулся старший из них проводнице. — Думаем, неуж последняя землячка с «Енисея» сбежала? Никто чаем не напоит!

— Напою, только валенки оббейте! — усмехалась проводница.

Стоящий в коридоре Ребров подмигнул Ольге. Она взяла сумочку, открыла, вынула зеркальце и помаду и стала красить губы.

— Вы, Оленька, и без этого — София Лорен, — заметил лежащий напротив Штаубе.

— Капиталистическое по семерке, — сказала Ольга. Штаубе с кряхтением приподнялся. Сережа проворно слез с верхней полки, сунул кубик Рубика в рюкзак.

— У тебя опять полным-полна коробочка? — спросил проводницу рабочий помоложе.

— Да всего двенадцать человек! Занимайте любое купе, я сейчас чаю принесу.

— Вот это — дело! — рабочие вошли в первое купе.

Ребров вошел в свое купе и сел у открытой двери.

— А я-то думала, вы опять в Зерцалах подсядете, — проводница наливала кипяток из тендера.

— Так тут заносы были — не расхлебаешь! С обеда чистили. В Вагине три поезда встало.

Ребров посмотрел на часы:

— 22.16. На 17 минут опаздываем. Всем собираться.

В Ачинске вошли двое пассажиров: мужчина в полушубке и кубанке, с чемоданом, и женщина с двумя сумками, в белой дутой куртке.

— Отлос, — тихо произнес Ребров, бледнея.

В 23.51 проехали Тарутино, Ребров кивнул. Ольга вынула из сумочки пистолет, отгнула затвор:

— Всем на пол. Тут перегородки — пальцем проткнешь.

— Оленька, мне кажется они в бронжилетах, — пробормотал Штаубе, устраиваясь на полу.

— Спасибо! — нервно усмехнулась Ольга, прыгнула в коридор и дважды выстрелила в стоящего у окна рабочего. Он стал падать, двое других выскочили в коридор с пистолетами в руках, открыли огонь.

— Лягай! — крикнул позади Ольги человек, севший в Ачинске, она бросилась на пол, стреляя по рабочим. Человек в кубанке дал длинную очередь по рабочим из автомата, они повалились на пол. Позади упавших, в тамбуре показался милиционер с автоматом, Ольга и человек в кубанке выстрелили, он упал. Из купе №8 высунулся мужчина с пистолетом и выстрелил в женщину в белой куртке, стоявшую с автоматом спиной к человеку в кубанке. Пронзительно вскрикнув, она ответила длинной очередью, мужчина стал оседать в дверном проеме, его спутник начал стрелять из-за него, но успевшая встать Ольга вцепилась ему в голову две пули, а человек в кубанке щедро добавил из автомата. Продолжая вскрикивать, женщина села на пол, выронив автомат.

— Василию, шо, зацепило? — переступив через ее ноги в унтах, человек в кубанке двинулся по вагону, добывая пассажиров. — У, блядovня! Поганцы!

Ольга рванула дверь второго купе, выстрелила в лицо спящей женщины, бросилась к купе проводницы: та сидела на полу, держась за простреленную кисть, рядом валялся хрипящий «воки-токи». Ольга разнесла его пулей, навела пистолет на проводницу:

— Как насчет чайку?

Покончив с пассажирами, человек в кубанке запер дверь тамбура, вернулся к раненой подруге:

— Где тебя, Василию?

— Дай... — женщина икнула, изо рта ее хлынула кровь, заливая белую куртку.

Ребров и Штаубе высунулись из купе.

— Шо ж вы гады, поховались, як патоки, а бабу воевать выставили?! — злобно повернулся к ним человек в кубанке.

— Так надо, — пробормотал Ребров.

— Так надо! А ну помогите хлопцу! — он сменил рожок, подошел к купе проводницы, возле которого стояла Ольга. — Ага. Вот она, гарна дивчина — не пришей к пизде рукав! Сколько лягавых в поезде?

— Не знаю, — морщилась от боли проводница, — они тут... и в первом вагоне. Я ж ни при чем...

— И это тоже ни при чем? — Ольга показала дулом на «воки-токи».

— Это ихнее, — проводница всхлипнула, — они заставили. Говорили — мать убьют...

— Не пизди своим ребятам, — усмехнулась Ольга.

— Микола... Ми... кола, — хрипела раненая женщина.

Ребров приподнял ее голову.

— Шо, Василю? — подошел Микола. — Царапнули, гады? Ничо, довезем, лепило выходит.

— Микола... скажи Скобе... пускай мою долю не вкладывает...

— Так ты ж сама все скажешь, друг дорогой. Мы с тобой на такие гастроли забуримся — оторвать и засохнуть!

Кровь снова хлынула изо рта женщины, она закашляла. В ближнем тамбуре раздался свист, Ольга дернулась.

— Спокойно, це Марик, — Микола ответно свистнул. В тамбуре показался Марик в зимней форме железнодорожника, с пистолетом в руке. Переступив через труп милиционера, он поднял его автомат, осмотрелся;

— Ну как тут?

— Та все путем, тильки Ваську зачепило.

— Багаж цел?

— Цел пока, — Ребров отпустил голову затихшей женщины.

— Корень у просеки тормознет, — Марик убрал пистолет в карман.

— Це розумно, — кивнул Микола.

— А Козулька? — спросил Ребров.

— В Козульке вас ждуть с гостинцами, — усмехнулся Марик и кивнул Миколе:

— Готовь шутиху.

— Ща зробим! — Микола выволок из купе две сумки, набитые бидонами с бензином и толовыми пашками.

— Давайте багаж, — Марик, Ребров и Ольга вынесут все из купе в тамбур. Микола стал разматывать бикфордов шнур.

— А это кто? — заглянул Марик к проводнице.

— Верный друг милиции, — усмехнулась Ольга, застегивая шубу.

— Ага, — Марик на секунду задумался, потом оторвал от простыни кусок, — а ну, давай твою болячку.

Девушка протянула руку, он быстро перевязал ее, с силой затянул узел. Она вскрикнула.

— Не бойсь, — он вытер испачканные кровью руки о пододеяльник.

— А теперь — шевели копытами. С нами пойдеш. Как чрезвычайный и полномочный представитель ментов.

— Дяденька, не надо! — поползла на коленях девушка. — У меня в Красноярске мать больная, отец инвалид войны!

— Будешь умницей — увидишь своих инвалидов. Это что у тебя? — он пнул сапогом мешок со свиной головой.

— Кабан, — всхлипывала проводница.

— Чай где?

— Тут наверху.

Он открыл шкаф, стал вынимать пачки чая, сахара и печенья и класть их в мешок с головой.

— Зроблено, — Микола показал конец шнура.

— Погоди, — Марик выволок мешок в коридор. — Все в тамбур!

— Сережа, шапку! — Ольга толкнула мальчика, он побежал и вернулся с шапкой на голове.

Поезд стал резко тормозить.

— Запалишь, когда рукой махну! — Марик открыл дверь, морозный воздух ворвался в тамбур. — Давайте, господа! Тут снег глубокий. Первым прыгнул Ребров с промежуточным блоком, потом Ольга с жидкой матерью, за ними Сережа с рюкзаком и Штаубе. С головы поезда трижды посигналили фонарем, Марик ответил карманным фонариком, махнул Миколе:

— Пали!

— Палю! — Микола поджег шнур, выбежал в тамбур, подтолкнул автоматом проводницу. — А ну прыгай, коза!

Проводница спрыгнула, Микола и Марик последовали за ней. Вагоны дернулись, резко набирая скорость. Поезд ушел.

— Ебанный в рот! — Штаубе вытер снег с лица, заворочался в сугробе.

— Приехали...

Кругом было темно. Мутная луна слабо высвечивала опушку леса и невысокие сопки вдали.

— Как мать? — Ребров вытащил из снега промежуточный и поставил на еле заметные шпалы.

— Нормалек! — Ольга с трудом подняла чемодан, крикнула:

— Сереж! Как вы там?

— О'кей! — крикнул Сережа. Минут через пять подошли Марик с тремя автоматами, Микола с мешком и прихрамывающая, плачущая проводница. Марик посветил фонариком:

— Как багаж?

— Все цело, — ответил Ребров.

— Палку потерял! — Штаубе рылся в сугробе. — Посвети!

Марик посветил:

— Поздно вато тормознули. Придется до просеки пехом драть.

— Долго? — осматривался Ребров.

— Меньше километра.

— Нет ни хуя! — Штаубе приподнялся с колена. — Сереж, ты хоть помоги!

В направлении ушедшего поезда слабо и коротко вспыхнуло, донесся взрыв.

— О! Це в голове! — улыбнулся Микола. — Наша пыхнет побогаче. Вскоре яркая вспышка озарила горизонт.

— О це добре! — щелкнул языком Микола. — А то я вже завагался. О! Бувайте здоровы! — он снял кубанку и поклонился зареву.

— Палка... палка самшитовая, — не унимался Штаубе, — с 58-го года!

— Найдем мы вам новую палку, — Марик выключил фонарь. — Пойдемте, время дорога.

Штаубе плюнул, выбрался из сугроба, подхватив «дипломат» Реброва и свой портфель. Марик взял у Ольги чемодан с жидкой матерью, Микола и Ребров подняли ящик с промежуточным блоком. Двинулись по занесенному снегом железнодорожному пути. Минут через двадцать сзади свистнули.

— Стоп, — Марик поставил чемодан и ответно свистнул. Их догнали двое в форме железнодорожников; у одного на груди висел автомат Калашникова с обрезанным стволом, другой нес небольшую сумку.

— Это ж надо, Марик, я там твой бинокль забыл! — заговорил, улыбаясь и тяжело дыша тот, что с автоматом. — Когда байду перетаскивали, я его снял, щоб не болтался, а потом тот потс со шпалером навалился, короче, пока мы его с Корнем уговорили, я ж просто совсем натурально забыл про бинокль!

— Бинокль... — Марик потряс уставшей рукой. — У нас вон Коля Василя забыл.

— Шо такое? Грохнули?

— Та зачепило ее, Лютик, — Микола громко высморкался, вытер руку о полущубок. — Они ж, гады, понапхались там, як черви в издали, не побачишь виткеда шмальнут! Тильки я першого пришил, два других повылезло, пид сердце ему и вlepили.

— Еб твою... — качнул головой Корень.

— А я ж ему так две понюшки и не отдал! — вздохнул Лютик.

— Мне отдашь, — устало усмехнулся Марик. — Вы в ресторан, конечно, не заглянули.

— Да ну когда ж нам было заглядывать, Марик!

— Скоба с нас шкуру спустит.

— Ресторан! — по усмехнулся Корень. — Ладно, что живыми выбрались. Дайте закурить кто-нибудь.

Ольга раскрыла портсигар, протянула. Корень, Лютик и Микола взяли по папиросе.

— Закурим, когда в лес войдем, — Марик поднял чемодан. — Подождите, тут же рукой подать...

Прошли еще метров двести по дороге, свернули влево, по глубокому снегу пересекли неширокую просеку и вошли в лес. Закурили. Марик свистнул. Невдалеке раздался ответный свист.

— О! — щелкнул языком Микола. — Добре, шо догадался...

Прошли еще немного.

— Ку-ку! — из-за толстой сосны вышел парень в долгополой шубе, большой мохнатой шапке, с дустволкой за плечом. Рядом стояли две едва различимые в темноте лошади, впряженные в пару саней.

— Притопали! — засмеялся парень. — А я слышал, как жажнуло!

— Здорово, Витя, — морщась, Марик опустил чемодан. — Фу, ебенить... ну и багаж у вас, плечо вывихнешь...

— Мы не нарочно, — сказал Сережа.

— Ну как там, нормально все? Довезли?

— Василя убило, — Марик зажег погасшую папиросу.

— Во бля! Ментов много было?

— До хуя.

— Это были вовсе не менты, — проговорил тяжело дышащий Ребров.

— А кто ж? — повернулся к нему Люсик. — КГБ, что ль?

— И не КГБ.

— А кто ж це був?

— Потом, все потом, — устало махнул Ребров.

— Ну, тогда поехали, — Марик подошел к лошадям.

Проводница упала на колени:

— Дорогие, родненькие мои, отпустите! Я же ничего вам не сделала, я и не знаю ничего! Они ж мне не сказали — кто они и откуда, вошли и пистолет наставили! Отпустите!

Она зарыдала.

— А ну лезь в сани, коза! — пнул ее Микола.

— Вы же меня убьете! Ребята, милые! Не надо! Я вам денег пришлю! Отпустите, не убивайте! Я ребенка жду!

— Кому ты нужна — убивать тебя! — усмехнулся Марик, снимая одеяло с лошадиной спины. — Мы баб не убиваем. Поедем слегка, да отпустим. Ребенка не заденем. Садись, не тяни резину.

Рыдающая проводница села в сани. Рядом с ней сели Марик, Ольга с Сережей и Ребров с жидкой матерью. Остальные, подхватив багаж, разместились на вторых, более просторных санях.

— Вить, ездай первым, — Марик разобрал мерзлые вожжи, дернул, лошадь потянула сани влево.

— Н-но! — Витя стегнул лошадь вожжами, сани со скрипом выехали на недавно проложенную колею. — Слышь, там в низине снегу навалило, я через камень ехал.

— Один хрен, — Марик обмотал низ лица шарфом, набросил на ноги одеяло, — давай через камень. Поехали. Колея петляла меж деревьев, лошади тащили сани, увязая по колени в снегу.

Луна вышла из-за облаков и осветила старый заснеженный хвойный лес.

— Долго ехать? — спросил Ребров.

— Часа три, — ответил Марик, сдвигая шарф. — Тайгу проедем, потом нормальная дорога пойдет.

Минут сорок ехали молча за переполненными санями Вити, где шел непрерывный оживленный разговор. Зажатая между Ольгой и Ребровым проводница периодически начинала плакать, потом затихала. Впереди лес пересекли столбы с натянутой колючей проволокой.

— Это что? Лагерь? — спросила Ольга.

— Там написано, — усмехнулся Марик, поднимая воротник.

Подъехали ближе. На столбах виднелись одинаковые металлические щитки:

Проход запрещен!  
Радиоактивное заражение местности!  
Опасно для жизни!

Сани проехали меж двух столбов с перекушенной и обмотанной вокруг них проволокой.

— А тут правда опасно для жизни? — спросил Сережа.

— Зимой не опасно, — Марик закурил.

— А почему?

— По кочану! — быстро ответил Ребров. — По витишгу.

Сережа замолчал. Ольга обняла его, прижала к себе и надвинула ему шапку на глаза:

— Спи, младенец мой прекрасный.

— Сама ты спи! — пробурчал Сережа.

Спустились с сопки и выехали на широкую, заваленную снегом дорогу с еле заметными

следами саней.

— Це не дуже поганий шлях! — крикнул Микола. — Марик, догоняй!

Витя свистнул, стегнул лошадь, она тяжело потрусилась по снегу. Марик стегнул свою, сани дернулись, лошадь побежала.

Дорога пролегла по краю большой сопки, рядом с ней тянулись сильно покосившиеся и попадавшие телеграфные столбы с порванной, спутавшейся проволокой. Луна светила ярко.

— Машины тут не ходят? — спросила Ольга, подмигнув Реброву.

— Двадцать семь лет, — ответил Марик.

— У меня рука болит! Я умру! Мне же нужно в больницу! — зарыдала проводница.

— Кровь течет? — Ольга помогла ей вынуть раненую руку из-за пазухи железнодорожной шинели. Белая материя почти вся пропиталась кровью.

— Я ее не чувствую! Она как немая! — плакала девушка.

— Да не ной ты, скоро доедем, — Марик ежась, сплюнул окурок, — у нас доктор лучше любой больницы.

— Давай еще шарфом перетянем у локтя, — Ольга сняла свой шарф и стала перевязывать ей руку.

Дважды дорогу перегораживали глубокие рвы, которые приходилось объезжать по лесу.

— Вот так, Оля! — Марик вел лошадь под уздцы, помогая ей выбраться из снега. — А под Козулькой вообще все перепахано, пешком по пройдешь. Два ряда колючки...

Проехали еще километров 25, дорога обогнула крутую сопку и сползла в широкую долину, почти все пространство которой занимал покинутый город.

— А ну, Лена, поссы с колена! — крикнул Витя, вытянув лошадь вожжами. Сани понеслись под гору. Микола засвистал. Марик стал нахлестывать свою лошадь, поспевая за ними. Проехали скопище ржавой заснеженной техники, обогнули развалившийся и проросший ельником кинотеатр «Саяны» и покатали по улице Чехова. По краям улицы тянулись трехэтажные кирпичные дома с выбитыми окнами и провалившимися крышами. Здание магазина утопало в елках и кустах; сквозь крышу стоящего возле него автобуса рос кедр. Свернули налево и поехали по широкой улице Ленина.

— А как этот город назывался? — спросит Сережа.

— Как и река. Чулым — Марик снял с лица шарф. — Повезло вам, господа, с попутным ветром. Если б с сопки потянуло — пиздец. Пришлось бы Скобе нас из саней ломачами выковыривать.

Подъехали к пятиэтажному зданию горкома партии, Микола свистнул. Дубовые створы главного подъезда отворотись, из проема вышел человек в пальто, шляпе и с двустволкой:

— Але, але и он замерз. Как спичечки.

Не обращая на него внимания, Витя и Марик спрыгнули с саней, взяли лошадей под уздцы и

ввели в вестибюль горкома.

— Делали-о вон как, — усмехнулся человек в шляпе, запирая дверь на засов, — але, але и ладно.

В мерзлом вестибюле горели две керосиновые лампы.

Выбрались из саней, стали снимать багаж.

— Воды согрел? — спросил Марик человека в шляпе.

— Воды согрел, воды согрел, воды согрел, — он стал распрягать лошадь.

— Ой! Спину не разогнешь! — потянулся Витя.

— А это что такое? — Сережа подошел к вахтерскому столу, на котором лежал мертвый заяц размером со свинью. Горбатая спина зайца была покрыта шишкообразными наростами, темная от крови морда щерилась желтыми передними зубами.

— Дары природы. Саблезубый заяц, — кашлянул Марик, подхватывая мешок. — Толяп, ты не перекармливай.

— Корми, корми, а все равно — але, — человек в шляпе завел лошадь за стойку гардероба, поставил перед ней ведро с водой.

— Знедо не первое! — зашипел Ребров на Ольгу.

— Стерильный! Тоже мне! — фыркнула на него Ольга.

Взяли багаж и спустились в подвал. Марик высветил фонарем стальную дверь, постучал.

— Кто? — слабо донеслось из-за двери.

— Балдох! — крикнул Марик.

Массивная дверь отворилась, дохнув теплом и светом.

— Как лучшее! — усмехнулся Киселек, опуская ствол автомата и отступая в сторону. — Буерцы, еби вашу...

— Ах ты, дубинчик, ах ты, попрыгуша-лягуша! — Лютик дохнул ему в лицо.

— Киселек, а я березу видел, — подмигнул ему Витя, внося чемодан с жидкой матерью.

— Та уси побачили ту березу! — засмеялся Микола.

— Буерцы, буерцы! — улыбался Киселек, запирая дверь.

В подвальном помещении было до духоты натоплено, матовые плафоны на потолке светили ровно, стены бычи обшиты полированным деревом. Стали раздеваться в небольшой гардеробе.

— Господи, неужели в тепле? — Штаубе размотал шарф. — И сортир теплый?

— А как же, — Марик стаскивал с себя тесную шинель железнодорожника. — Пока солярки

хватит — ради Бога.

Ольга помогла раздеться бледной, покачивающейся проводнице.

— Трюх, трюх к начальнику, — кивнул Киселек.

Ступая по синей ковровой дорожке, двинулись по коридору. У всех обитателей подвала были аккуратно выбриты макушки голов.

— Трюх, — Киселек остановился у двери с табличкой «2-ой секретарь», постучал.

— Иди вору! — закричали за дверью.

— Еб твою мать! — Марик переглянулся с Кисельком. — Он что — уже?

— Мужик мужика на доске не возит! — засмеялся Киселек и открыл дверь. Вошли в просторный кабинет, сплошь заваленный всякой всячиной. В углу на матрасе сидел голый Скоба и смотрел видео. Рядом с ним лежал большой станковый пулемет с заправленной лентой. Голова у Скобы была обрита, на макушку был прилеплен круглый пластырь. Он неотрывно смотрел в телевизор, который показывал «Касабланку».

— Трюх, трюх, кто в теремочке живет? — проговорил Киселек.

— Иди вору! — закричал Скоба так громко и протяжно, что его потное, татуированное тело затряслось.

— Миш, мы тут гостей привели, — осторожно заговорил Марик.

— Иди вору-у-уй! — закричал Скоба.

— Пухначев и Мензелинцев, — громко произнес Ребров.

— Иди вору-у-уй!

— Средмашевские разработки, проект №365, — продолжал Ребров.

— Иди вору-у-уй! Иди вору-у-уй! Иди вору-уй! — Скоба вскочил и навел на Реброва пулемет. Марик оттолкнул Реброва в сторону, схватил Миколу за волосы и швырнул его в противоположный угол кабинета:

— Серый!

— Иди вору-у-у-уй! — нажал на гашетку Скоба. Крупнокалиберные пули искромсали тело Миколы.

— Смотри, задень мне только проводку, — раздался спокойный голос в селекторе, стоящем на захлавленном столе.

— Иди вору? — Скоба бросил пулемет, понюхал свои пальцы.

Ноги проводницы подкосились, она упала на пол.

— Марик, кого? — спросили в селекторе.

— Миколку, док, — Марик снял с селектора засохший кусок хлеба и бросил на пол, — он Василя подставил.

— Иди вору-у-уй! — заревел Скоба.

— Я вам всегда говорил, что хохлы люди не надежные, — продолжал голос. — Сколько денег?

— Тыщи две, док.

— Поздравляю, — усмехнулся голос, — а поесть?

— Да тоже немного, — вздохнул Марик, — док, тут девка вполне ебательна. Она щас отрубилась ненадолго.

— Понятно, — зевнул голос. — Ладно, заходите по одному. А Сусанин — марш, марш на кухню.

Корень подхватил мешок и, недовольно бормоча, вышел.

— Иди воруй! Воруй! Воруй! — кричал Скоба.

— Пухначев и Мензелинцев! — Ребров подошел к столу, наклонился к селектору. — Пухначев и Мензелинцев!

— Ну слышали уже, что вы кричите, — раздалось в ответ, и селектор выключили.

— Миш, ты скажи тогда Толяпе, пусть этого лидера сволокет наверх, — Марик кивнул на подплывающий кровью труп.

— Иди воруй! — резко выкрикнул Скоба, прыгая на матрац.

Вышли в коридор, прошли немного и остановились у двери с табличкой «1-ый секретарь».

— Первый зайнька, — Киселек погладил макушку Марика, — прыг, прыг.

Марик вошел, Киселек закрыл за ним дверь:

— Второй зайнька будет как у мамки. Побрызгай.

Вторым вошел Витя.

— Третий пукало залезет и все! — засмеялся Киселек, обнажая выбитые зубы.

— Так я ж охуеваю. Кисель, — взволнованно пробормотал Лютик, входя.

— А после и батончики, — усмехнулся Киселек, скрываясь за дверью вслед за Лютиком.

— Что вы делаете?! — зашипел побледневший Штаубе на Реброва.

— Витя, Витя! — Ольга сжала его руку. — Они могут ничего не знать! Зачем нам тянуть? Делай мост, милый!

— Не мешайте, — Ребров освободил руку и открыл дверь.

Они вошли в просторный чисто убранный кабинет. За рабочим столом сидел док. Рядом с его креслом на коленях стоял Киселек что-то бормочущий и хватающий дока за колени.

— Руки, руки, — док шлепнул его по руке, протер ему спиртом выбритую макушку, подождал минуту, смазал макушку зеленоватой жидкостью.

— Птичкину, птичкину, миленький... — бормотал Киселек, вздрагивая.

Стоящий рядом Коля стал придерживать его голову. Док запустил руку в резиновой перчатке в десятилитровую стеклянную банку, покопался в прелой листве и вынул толстого голубовато-серого слизняка.

— Птичкину, птичкину, птичкину — затрясся Киселек. Док посадил слизняка ему на макушку. Коля поднял всхлипывающего Киселька с колен и подвел к длинному столу, за которым неподвижно сидели рядом Марик, Лютик и Витя. Слизняки на их макушке еле заметно шевелились. Коля посадил Киселька рядом с Витей.

— Дай на четверых пока, — сказал док, снимая перчатку с руки.

Коля вынул из потрепанного тубуса две метровые спицы, протер их спиртом. Сидящие за столом подняли левые ладони. Проткнув их по очереди в точке хэ-гу, Коля нанизал ладони на спину. Сидящие подняли правые ладони. Коля нанизал их на другую спицу.

— Дай тридцать, чтоб не ныли потом, — док обвязывал горло банки марлей.

Коля включил реостат, отрегулировал, подсоединил его клеммы к концам спиц. Сидящие за столом затряслись. Слизняки на их головах стали розоветь. Когда они стали цвета спелой вишни, Коля выключил реостат. Сидящие бессильно повалились на стол. Коля надел резиновую перчатку, снял слизняков с их голов, сложил в банку синего стекла и закрыл крышкой. Док тем временем вырезал из перцового пластыря четыре кружка, подошел к сидящим. Коля протер их макушки спиртом, док налепил на них круглые пластыри. Пока Коля вынимал из рук спицы, док достал из сейфа конусообразный восточный футляр, запертый на миниатюрный висячий замок. Отперев замок, он открыл футляр и вынул узкую золотую пирамиду, вершина которой была из серебристо-зеленого металла. Набрал шприцем из пузырька прозрачной жидкости, док с силой воткнул иглу в вершину и выпустил жидкость в пирамиду.

— Ну, ну, неваляшки... — Коля стал шлепать сидящих по щекам. — Па-а-адъем! Ждать не будем.

Они постепенно очнулись.

— Быстро, быстро! — док хлопнул ладонью по столу. — Кто клин сосет?

— Я, — прошептал Киселек.

— Я, — прошептал Лютик.

— Трение?

— Я, — прошептал Витя.

— Я, — прошептал Марик.

Док передал пирамиду Кисельку, который сразу же стал сосать вершину. Коля протянул Вите и Марику две одинаковые эбонитовые палки. Витя и Марик встали на колени друг против друга,

уперлись лбами и стали быстро тереть палками шеи.

— Док, можно я по-белому сегодня? — спросил Коля.

— погоди, сейчас с бабой поможешь, — док убрал шприц и пузырек.

— В столярке опять? — тоскливо спросил Коля.

— Да, да, — док вышел в коридор.

— Слушайте! Вы нам, наконец, уделите внимание? — двинулся за ним Ребров.

— Да, да, пойдете, сейчас... — док прошел по коридору, отпер ключом дверь столярной мастерской, вошел, включил свет.

Ребров, Штаубе, Ольга и Сережа вошли за ним. Коля привел пошатывающуюся проводницу и стал быстро раздевать ее.

— Сейчас, сейчас, — док успокаивающе кивнул Реброву, взял ремень и стянул голые локти девушки у нее за спиной.

Девушка вскрикнула.

— Не бойсь, больно не будет, — Коля расстегнул ее черную юбку.

— Я беременна! — заплакала девушка.

— То-то я смотрю, живот... — Коля дернул юбку.

— У меня мать больная, ребята, отец инвалид! Вы меня отпустите?

— Отпустим, — кивнул док, роясь в инструментах.

— Ваш... этот сказал — поедем и отпустим, а ребенка не заденем... ребята, я денег пришлю! — зарыдала она.

— Поедем и отпустим, это точно. Ребенка не заденем. Это я гарантирую. Давай, — док подошел к столярному станку.

Коля подволок голую девушку, они быстро зажали ее голову в деревянный тиски. Она громко закричала.

— Да не бойсь ты, не больно ведь, — Коля слегка ослабил зажим.

Док приложил к затылку девушки электрорубанок, включил.

Девушка завизжала. На пол посыпалась костная стружка.

— Все, все, — он выключил рубанок, осмотрел отверстие в затылке и стал расстегивать брюки. Девушка визжала, кровь тонкой струйкой протекла по ее спине.

Док приспустил брюки, стянул трусы и направил свой напрягшийся член в отверстие:

— Милая...

Член вошел в череп девушки, выдавив часть мозга. Девушка замычала, засучила голыми ногами.

— Милая, милая, милая, — док задвигался, облокотившись на станок. Девушка мычала. Кровь и мозговое вещество стекали по спине. Ноги ее судорожно задергались, в промежности показалась кровь, она выпустила газы.

— Милая, милая, ми-и-ила-а-ая, — застонал док, прижимаясь лицом к станку.

— Мы ебем наверняка, — улыбнулся Коля, перебирая инструменты. Док громко застонал и замер. Девушка молча дергалась. Док приподнялся, член его с чмокающим звуком вышел из черепа. Он подошел к табуретке, на которой стояла кастрюля.

Коля подал ему обмылок и скупно полил воды из бутылки.

— Ой, ой... — вздохнул док, неторопливо обмывая член.

— Птичьи гнезда! — засмеялся Коля.

— Пухначев и Мензелинцев! — выкрикнул Ребров, теряя терпение. Пух-на-чев! Мен-зе-лин-цев!

— Который раз вы это повторяете? — усмехнулся док.

— Любезный, мы что вам — бедные родственники?! — дернулся, Штаубе. — Попрошайки?! Я вам в отцы гожусь!

— Мы уже час потеряли!

— Вам все равно до рассвета ждать придется, — док вытер член поданным Колей полотенцем. — Ночью к ангарам не пройти.

— А с фонарями? — спросил Ребров.

— Костей не соберете. Там все на соплях, все валится.

— А как же... какого хуя мы надрывались?! — воскликнул Штаубе.

— Не надо при мне выражаться, — поморщился док, застегивая штаны. — Грудь у вас?

— У нас.

— Покажите.

Ребров открыл «дипломат», вынул пакет с частью груди Леонтьева, протянул доку. Док развязал пакет, посмотрел.

— Так. Шрамик, волосики, сосочек. Под Новый год лично целовал... Коль, это вместе с чувихой — вверх.

Он бросил пакет на пол. Коля разжал тиски станка, труп повалился на пол.

— Еще б чуть-чуть и родила! — Коля подмигнул Ольге и развел ноги трупа. В окровавленных гениталиях виднелась головка ребенка.

— Где промежуточный? — док вышел в коридор.

— Вон там, — Ребров двинулся за ним. Возле комнаты Скобы ползали Марик и Витя. Из открытой двери доносился плач Толяпы.

— Сюда, — док поднял промежуточный, вошел в комнату связи и поставил ящик на стол. — Ой, ну и махина...

— Больненько... больничко... — плакал Толяпа.

— Открывайте, — док отпер несгораемый шкаф.

Ребров открыл промежуточный. В дверь вползли Марик и Витя. Док вынул из шкафа блин и патрон, стал свинчивать.

— Господи, — пробормотал Штаубе, — а я думал... господи!

Ребров повернул рычаг поперечной подачи, сдвинул гнек на 3, перевел рейку на 2. Марик поцеловал сапог-дока.

— Пшел, — док отпихнул его сапогом.

— Больнаааа! Боольнааа! — закричал Толяпа.

— Заприте дверь, — пробормотал док, подходя и склоняясь над промежуточным.

Ольга заперла дверь. Док вставил блин в осевое гнездо, стал осторожно поворачивать. Ребров тронул рычаг продольной подачи. Гнек завращался, блин стал погружаться в гнездо.

— И без всякой электроники, — усмехнулся док, — только не форсируйте.

— Как же! — радостно бормотал Ребров, — 6, а потом 8 и на параклит.

Марик подполз к доку и поцеловал его сапог. Ребров перевел подачу на 6.

— Иди воруй! Иди воруй! — застучал в дверь Скоба.

Блин погрузился до красной риски. Ребров перевел подачу на 8, оттянул параклит.

— Иди воруй! Иди воруй! — стучал Скоба.

— Сволочь... завтра пошлю лес валить! — крикнул док.

Марик подполз к ногам Ольги. Блин погрузился до главной отметки. Ребров снял подачу, перевел гнек на 0 и облегченно выдохнул:

— Хоп.

Ольга потянулась к сумке, но Марик схватил ее за ноги, дернул. Она упала, Витя схватил сумку.

— Стоять, — док выхватил из кармана пистолет, навел на Реброва, попятился к двери, отпер. В комнату с оружием в руках ворвались остальные обитатели подвала.

— А, блядище! Задергалась, падло! — Марик боролся с Ольгой, выкручивая ей руку.

— Руки за голову! — скомандовал Толяпа и молниеносным ударом сбил Реброва с ног.

Штаубе и Сережа подняли руки.

— Во, — Витя вынул из ольгиной сумки пистолет, протянул Толяпе. Толяпа, не глядя, сунул пистолет за пояс, оттолкнул Штаубе, подошел к промежуточному:

— Ну?

— Все, все сделали, — замахал руками док, — кончай их на хуй. А замок?

— Что замок? Замок сами откроем.

— Ты?

— Ну... все вместе. Откроем, откроем.

— Откроем? Ай-яй-яй... — Толяпа удивленно покачал головой и ударил дока ногой в грудь. Док полетел на пол.

— Ген, про замок пацан знает, — сказал Скоба, — Леонтьев на него указал.

— Сходи под хуй со своим Леонтьевым, — Толяпа закрыл промежуточный. Марик заломил Ольге руку и сел ей на ноги:

— Вот так, стерва.

Толяпа схватил Сережу за волосы:

— Ну? Скажешь про замок?

— Хуй тебе! Хуй тебе! — закричал Сережа, вырываясь.

Толяпа швырнул Сережу на пол:

— И не только хуй. Яйца, глаза, уши — все отдашь, пока не скажешь. Тащите его в душевую. А этих обшмонать и в кондей. Рыба, Вальтик — отвечаете за них.

Киселек и Лютик уволокли Сережу.

— Не скажет ваш выпиздень — станем из вас кишки тянуть, — Толяпа пнул сапогом Ольгу. — А тебе я пизду разорву. Лично.

Реброва, Ольгу и Штаубе обыскали и втолкнули в темную пустую кладовую. Витя запер их на ключ. Корень притащил скамью, приставит к двери. Они сели на скамью.

— Он мне сломал что-то, — Ребров в темноте ощупывал себя, — ой, больно...

— Так просрать! — выдохнул Штаубе. — Все просрать и просрать в одну минуту! Ольга Владимировна, где вы были со своей реакцией?

— А вы где были... гады, гады, гады! Витя! Как же так?! Почему они не знали? Витя! Витя!

Ребров молчал. Донесся душераздирающий крик Сережи.

— Гады! Гады! — Ольга заколотила в дверь. — Козлы ебеные! Отпустите его!

— Отпустим, — донеслось из-за двери. — Выпотрошим и отпустим.

— Мудак вонючий! Говно!

— Будешь тявкать — выгоню на мороз.

Сережа закричал.

— Гады! Что они с ним сделают! Витя! Ну что ты сидишь! — она толкнула его в темноте.

— А! — вскрикнул Ребров. — Больно... Наверно это Голубев. Да. Я не проверил по раскладке его ряды. Он мог знать Леонтьева. 62,1 это не клэно, это, погоди... нет! — он подполз к двери. — Погодите! Откройте! Его нельзя трогать! Нельзя разрушать!

— Влипли, влипли! Тьфу, ебанный ты в рот! — плевался Штаубе. — Мордой и в говно! На тебе! Дышите глубже, мудачье!

— Сереженька... гады! Он не знает ничего! Козлы тупые! Вы же все погубите! Открой, козел!

— Я вот тебе открою, — отозвался жующий Витя.

— Все! На хуй... — Штаубе задрал штанину и стал наощупь отстегивать протез. — Взорвусь на хуй. Хватит.

— Как? Что вы? — рассеянно спросил Ребров.

— У меня граната в протезе. Давайте все разом. Сил нет... на хуй эти фундаменты...

— Какая граната? — Ольга коснулась потной головы старика.

— Обычная... хуй ее знает какая, давайте, милые. Все равно помирать. Оленька...

— Подождите... где?

— Тут, в основании, проволоку удалить, а в трубке шнурок... милые, давайте головами на протез, а я за шнурок дерну.

— Ну-ка, дайте, — Ольга забрала у Штаубе протез, зашептала:

— Какое оружие у этих двух?

— У одного пистолет, у другого... не помню, Оленька, миленькая, они вам пизду разорвут, а нас в мозги выебут, давайте взорвемся!

— Тише, не орите. Ползите в дальний угол, Витя быстро туда. Уши заткните, рты откройте.

— Оля, Оля!

— Ползите, я ждать не буду! — она вставила трубку протеза в дверную ручку, постучала в дверь. — Ребят, простите меня! У меня для вас очень важное сообщение!

— Слушаем вас, товарищ баба! — усмехнулся Витя.

Ольга вытянула проволоку, дернула за шнурок и бросилась в угол.

Взрыв разнес дверь. Ольга выбежала в задымленный коридор, выхватила из кармана изуродованного взрывом Вити пистолет Макарова. В противоположном конце коридора из душевой выбежали Марик, Киселек и Коля. Стоя на коленях, Ольга открыла огонь.

Марик упал, Киселек и Коля ответили из автоматов. Ольга бросилась в противоположную кладовую комнату. Ребров схватил за ногу дергающегося, окровавленного Корня, втянул в кладовую.

Штаубе вытащил у него из-за пояса наган, стал стрелять, высовываясь из-за двери. Автоматная очередь вспорола дверной косяк над его головой. Штаубе спрятался.

— Бросьте мне, не переводите патроны! — крикнула Ольга.

Штаубе бросил ей наган.

— Бегите к лестнице! — Ольга выпустила из нагана четыре пули, одна из которых попала Коле в грудь. Штаубе запрыгал в прихожую, махая пустой штаниной. Ребров, хромя, бросился за ним. Толяп дал длинную очередь, две пули попали Реброву в правый бок, у Штаубе на левой руке отлетел указательный палец.

Ольга бросила опустевший наган, выстрелила из пистолета. Пуля разорвала Толяпе щеку.

— Мочить! Мочить! Мочить! — закричал он, скрываясь в одной из комнат. В коридоре появился Скоба с пулеметом. Ольга бросилась в прихожую, к двери, вверх по лестнице. Штаубе тащил за руку Реброва:

— Ну, ну!

Ольга схватила Реброва за другую, они поволокли его наверх.

— Промежуточный... делать надо по 19... — кашлял Ребров.

— Да ебись в рот ваш промежуточный! Из нас решето сделают!

— Спрячьтесь возле лошади, там темно! Они все за мной наверх, а вы в подвал!

Ольга побежала на второй этаж. Штаубе с Ребровым скрылись в вестибюле. Скоба первым выбежал из подвала на лестницу и дал очередь.

— Соси хуй, козел! — закричала сверху Ольга.

Скоба, Киселек и Лютик ответили огнем. Куски мрамора и штукатурки полетели вниз.

— Хули шмалите в молоко, давай за ними! — крикнул Толяпа. Скоба, Киселек и Лютик побежали наверх.

— Иди в буфет и встань там у лестницы, — сказал Толяпа доку. Док побежал направо от вестибюля. Толяпа оторвал от рубашки кусок, приложил к щеке:

— Ебать тебя...

Взял автомат левой рукой и пошел налево по коридору. Ольга вбежала на четвертый этаж,

пронеслась по коридору и встала за колонной в холле. Вокруг было холодно, но не темно: луна светила сквозь большие, полуразбитые окна холла. Ольга вынула обойму сосчитала патроны: два в обойме, один в стволе. Быстро прицелилась в углы окна, прошептала:

— Тук, тук, тук.

На лестнице послышался шорох. Ольга сняла сапоги, взяла в левую руку. Киселек осторожно двигался вдоль стены коридора, держа автомат наготове. Дойдя до первой двери, он распахнул ее ногой, вбежал, осмотрел комнату и сразу выбежал. Когда он приблизился к холлу, Ольга издала громкий гортанный звук и бросила сапоги налево. Киселек дал очередь в сторону упавших сапог, Ольга прыгнула из-за колонны направо, выстрелила. Пуля попала Кисельку в левое плечо, он закричал, нажал на спусковой крючок. Ольга сделала два стремительных прыжка, выстрелила.

Пуля попала ему в левый бок, он кричал, ведя стволом за Ольгой, она прыгнула за колонну, пули разнесли мраморную облицовку. Киселек упал на колени, потом вскочил, побежал, упал за другую колонну, хрипло позвал:

— Батон! Вася!

Ольга снова издала гортанный звук, выбежала из-за колонны.

Киселек выстрелил, Ольга прыгнула вправо, влево, вправо, подбежала к его колонне, встала за ней. Киселек подтянул под себя ноги, приподнялся на колени. Ольга пронзительно закричала, выглянула из-за колонны слева, он выстрелил, она прыгнула вправо, изогнулась, вытянула руку и выстрелила ему в лицо. На лестнице послышался топот. Ольга бросила пистолет, схватила автомат, пробежала по коридору, прыгнула в открытую дверь.

Скоба и Лютик подошли к трупам. Скоба присел, повернул к свету изуродованное лицо трупа:

— Даешь по кабинетам, я прикрою.

Лютик стал по очереди осматривать комнаты. Когда он заглянул в библиотеку, Ольга закричала. Лютик дал очередь по стеллажам с книгами. Стоящая за шкафом Ольга нажала спуск: длинная очередь прошила шкаф, Лютика, окно в холле. Ольга побежала в глубь библиотеки. Скоба переступил через дергающегося Лютика и открыл огонь из пулемета. Ольга бросилась на пол. Скоба двинулся по проходу между стеллажей, стреляя короткими очередями. Крупнокалиберные пули кромсали книги, лента волочилась по полу. Лежа за поваленным стеллажом, Ольга взяла покрытую толстым слоем пыли книгу, бросила через проход. Скоба замер, присел на корточки. Ольга взяла другую книгу, кинула подальше. Скоба снял со стеллажа книгу, кинул, Ольга взяла книгу, села, навела автомат на проход. Скоба брал книги и кидал вперед. Одна из них попала в Ольгу. Ольга кинула свою книгу. Скоба дал длинную очередь веером, прислушался. Ольга сложила губы трубочкой и издала мягкий тонкий звук. Скоба двинулся по проходу. Пулеметная лента шуршала по полу. Ольга замолчала. Скоба остановился. До Ольги оставался один стеллаж.

— Знаешь, я ни хера с бабами не могу, — сказала она.

Скоба шагнул к ней из прохода, навел пулемет:

— Ну-ка.

Ольга бросила автомат, встала:

— Они всегда первыми.

— А ты думала — рябью? — злобно усмехнулся Скоба. — Платочница хуева! Ну-ка топай сюда.

Ольга прошла по проходу к двери:

— Можно я сапоги надену?

— Иди! — он подтолкнул ее стволом пулемета. Они вышли в холл, Ольга нашла сапоги, стала натягивать.

— Про Сашку сама придумала, или хреновья твои подучили?

Ольга молчала.

— Топай прямо.

Она пошла по коридору, дую на озябшие руки. Возле запасной лестницы остановилась.

— Топай вниз, — подтолкнул ее Скоба. Ольга опустилась на колени:

— Погоди...

— Ну!

— Погоди... я не могу так. Погоди! Там послойная окраска! Я же не могла все придумать! Нельзя ведь сразу!

— Вали вниз! — Скоба толкнул ее ногой. — Спой мне еще про шкалу!

— Я не могу сразу! — зарыдала Ольга. — Там метки! Я не машина!

— Вали, не теряй время!

Ольга стала спускаться по темной лестнице, Скоба двинулся за ней.

— Там метки! Нельзя! Нельзя! — рыдала она.

Едва они прошли третий этаж, сзади раздалась автоматная очередь:

— Ложись!

Пули сбили с потолка штукатурку. Ольга бросилась на пол.

— Свои, — Скоба повернулся к Толяпе и дал длинную очередь. Толяпа перелетел через перила, рухнул на ступени.

Ольгин пистолет выскочил у него из-за пояса, закувыркался вниз по ступеням.

— Там еще один! — закричала Ольга.

Скоба посмотрел вверх. Ольга вскочила, прыгнула через перила вниз.



оторвала у дока подбородок, задела ольгину руку, Штаубе схватил дока за голову, стал бить об угол бюста:

— Не дыши! Не дыши! Не дыши!

Ольга схватила автомат, оттолкнула Штаубе, выстрелила доку в лицо, мозг и кровь брызнули на бюст.

— Там Виктор чуть живой, — Штаубе бросил пустой пистолет, встал, оперевшись о бюст.

— А Сережа?..

— Живой, снять надо, пошли.

Они сползли с подиума, обнявшись двинулись по проходу, но Штаубе упал:

— Ебанный ты... Оленька, идите, я доползу.

Ольга повесила автомат на шею, зачерпнула снега, приложила к разорванной щеке:

— Лезьте мне на спину.

— Да нет, не надо...

— Лезьте, ну, лезьте! Лезьте! — закричала она. Штаубе повис на ней, она пошла. Миновали дверь, коридор. В вестибюле спугнули двух огромных крыс, объедающих труп проводницы, спустились в подвал. Голый Сережа висел в душевой на крюке, воткнутом под ключицу. Ребров сидел в углу, зажимая свои раны.

— Я держу, — Штаубе обнял сережины ноги. Ольга перестрелила веревку, Сережа свалился в руки Штаубе.

— Сереженька, — Ольга вытянула крюк, Сережа застонал.

— У меня... плывет, — бледный Ребров закрыл глаза, потряс головой. — Малую раскладку... быстро.

Ольга принесла портфель, вынула развертку, расстелила на полу. Штаубе передал Реброву эбонитовый шар. Ребров выпустил его из окровавленных пальцев. Шар остановился на «службе».

Ольга положила одну пластину на 3, другую на 7. Штаубе тронул жезлом красное. Ольга подтянула Сережу к развертке, стала шлепать по щекам:

— Сереженька, раскладка, Сереженька...

Сережа открыл глаза. Кровь текла из-под ключицы тонкой струйкой. Ольга вложила мелок ему в руку, он провел им по «стене-затвору» и выронил. Ребров сдвинул сегмент к «большому», тронул шар. Шар показал «доверие». Ольга переставила правую пластину на 29. Штаубе прошел кольцом красное. Ольга вложила мелок в сережину руку. Сережа пометил «стену-дом». Ребров ткнул пальцем в «нед-корень», сдвинул сегмент к «пресечению», тронул шар. Шар показал «паузу». Ольга переставила левую пластину на 2. Штаубе тронул жезлом желтое. Сережа потерял сознание. Ольга тряхнула его:

— Сереж! Последний круг.

Штаубе шлепнул его по иссеченным ягодицам:

— Не подводи, немного осталось.

— Мне... совсем плохо, торопитесь... — Ребров лег на спину.

Ольга стала бить Сережу по щекам:

— Ну! Ну! Ну!

— Будите... его, — тяжело выдохнул Ребров и закашлял.

Ольга открыла душ, подволокла Сережу. Холодная вода потекла его лицу, Штаубе тряс его ноги, пачкая кровью, текущей из отстрелянного пальца:

— Вставай, миленький! Вставай, Христа ради!

Сережа не шевелился. Штаубе впился зубами в его ногу, Ольга била по щекам, брызгая водой.

— Крюк... — сказал Ребров, глядя в потолок.

— Ага... — Ольга бросила Сережу, связала перестрелянную веревку морским узлом, Штаубе воткнул крюк Сереже в рану, под ключицу, Ольга потянула веревку:

— Милый, пожалуйста, Сереженька!

Сережа закачался над полом. Штаубе схватил его за мошонку:

— Проснись, стервец!

Сережа застонал. Ольга опустила его, подтянула к развертке, Штаубе положил мелок ему на ладонь.

— Сережа, я прошу тебя, — проговорил Ребров, приподнимаясь.

Сережа сжал меток:

— Спина... больно...

Ольга повернула его мокрую голову к развертке. Сережа уронил руку с мелком на «стену-выход». Ребров оттянул по семи, сдвинул сегмент на поле, тронул шар. Шар показал «прыжок».

Штаубе перекрестился, отшвырнул жезл. Ольга выдернула крюк из-под Сережиной ключицы. Ребров встал, держась за стену:

— Генрих Иваныч... найдите там фомку... или стамеску.

Штаубе запрыгал в коридор. Ольга подобрала Сережину одежду, стала натягивать на него свитер.

— Не надо, — Ребров шатаясь вышел в коридор.

Ольга потащила Сережу за ним. Ребров вошел в кабинет дока, схватился за письменный стол,

стал отодвигать, закашлял, брызгая кровью.

— Ну что ты, мудака! — Ольга бросала Сережу, оттолкнула Реброва, отодвинула стол.

Вошел Штаубе, опираясь на две лопаты. За поясом у него торчали две стамески.

— Спина... — слабо заплакал Сережа.

— Третья паркетина от угла, — Ребров перевернулся на спину. — Промежуточный, жидкую мать...

Ольга выбежала. Штаубе загнул стамеску в паркет, отковырнул паркетину: в проеме показался металл.

— Есть, — Штаубе стал быстро разбивать паркет. Ольга приволокла ящик с промежуточным блоком и чемодан с жидкой матерью, бросилась помогать Штаубе. Под паркетом оказался большой стальной квадрат, притянутый восемью мощными болтами.

Штаубе и Ольга вывинтили болты, поддели стальной лист стамесками, сдвинули. Под ним был люк с винтовой задвижкой и четырехзначным наборным замком.

— Витя! — Ольга толкнула Реброва, он подполз к люку:

— 4242.

Штаубе набрал, отвернул задвижку, потянул:

— Помоги.

Ольга вцепилась в кольцо задвижки. Люк медленно отворился.

— Витенька! Витенька! — Ольга бросилась целовать бледное лицо Реброва.

— Там ступени, — Штаубе заглянул вниз, — и темно. У этих гадов где-то фонарик был.

— Момент! Я помню! — Ольга выбежала и вернулась с электрическим фонарем Марика.

— Вниз, вниз... — бормотал Ребров.

Ольга спустилась по ступенькам в просторный бункер, светя фонариком, крикнула:

— А тут подвал и нет ничего!

— Вниз... — Ребров закашлялся. Штаубе подволок Сережу к люку, Ольга поднялась, приняла его. Потом спустили Реброва, промежуточный и жидкую мать.

— Сегменты, — пробормотал Ребров.

— Чьи? — Ольга и Штаубе переглянулись.

— Все.

Ольга вынула из кармана свой и сережин, Штаубе забрал у Реброва, пошарил в карманах:

— Есть.

Ребров прижался лицом к бетонному полу:

— Разложите по углам... в порядке иерархии. Большой шкалой к центру бункера... красным краем к правым сторонам... ко всем правым...

Ольга и Штаубе двинулись к углам.

— Они мне ноги отрезали? — приподнялся на руках Сережа.

— Где мои ноги?!

— Здесь, здесь, — бормотал Штаубе.

— Дестнитку... через концевое...

— Крестом?

— Да.

Через минуту дестнитка была продета во все четыре сегмента. Ольга достала шарие, пустили по нитке. Шарие покатилося, мягко жужжа.

— Плывет... там я дальше не знаю... — шептал Ребров, — но там... там просто уже...

— Вы это корректируйте, — Штаубе следил фонарем за шарием.

— Ноги... ноги! — плакал Сережа, трогая в темноте свои голые ноги.

— Натянули слабо, — бормотал Штаубе.

Шарие остановилось.

— Витя! Что теперь? — Ольга склонилась над подрагивающим шарием.

— Я... точно не знаю... — шептал Ребров.

Штаубе осветил пол под шарием, тронул еле заметный выступ, который оказался стальной пластиной, замаскированной под бетон.

Штаубе сдвинул пластину. Под ней была замочная скважина.

— Ключ?

— На... шее... — прошептал Ребров.

Сережа рыдал.

— Ключ! Ключ! — закричала Ольга.

— На шее... — шептал Ребров.

Ока бросилась к нему, пошарила на шее, сняла цепочку с плоским длинным ключом, передала Штаубе. Он вставил ключ в скважину, повернул. Послышалось гудение, пол дрогнул поехал вниз.

— Едем, Витя! — Ольга гладила его по голове. Спуск в бетонную шахту был долгим: освещенное отверстие люка сузилось, превратилось в слабенький огонек, он пропал во тьме. Пол остановится. Ольга посветила фонарем: кругом бетонные стены, в одной из них металлический щит с замочной скважиной. Штаубе вынул ключ из скважины в полу, передал Ольге. Она вставила ключ, повернула. Щелкнула пружина, щит сдвинулся, открыв металлическое углубление со сложным профилем и множеством отверстий.

— Витя, смотри! — Ольга светила в углубление.

Лежащий на полу Ребров не отвечал.

— Виктор Валентиныч... — подполз к нему Штаубе, — коррекция.

Ребров молчал, Штаубе перевернул его на спину. Ольга посветила: полуприкрытые паза Реброва были неподвижны.

— Витя! Витя! Витя! — Ольга стала бить его по щекам.

— Холодно... — плакал Сережа.

— Погоди, я понял, — Штаубе подполз к ящику с промежуточным блоком, — посвети-ка...

Ольга посветила. Штаубе открыл ящик, стал вывинчивать крепежные винты.

— Оль, Оль, мне гвозди вбили! — зарыдал Сережа, подползая к ее ногам. — Оль, ты не скажешь? Не скажешь?

— Отстань! — крикнула Ольга.

Сережа рыдал, зажав себе рот, Штаубе стал вынимать промежуточный из ящика:

— Помогите...

Ольга помогла ему.

— Догадался, додумался, старая жопа! — засмеялся Штаубе.

Они поднесли промежуточный к стене и вставили в углубление. Профиль промежуточного совпадал с профилем углубления. Штаубе повернул рычаг поперечной подачи, сдвинул гнек на 3, перевел рейку на 5, оттянул параклит:

— Что на раскладке было перед «прыжком»?

— «Пауза».

Штаубе тронул рычаг продольной подачи. Гнек завращался. Штаубе перевел параклит на автореверс, сдвинул рейку на 7. Когда красные риски параклита и щека совпали, он потянул кольцо. Раздался свист; все оси погрузились в гнезда, стена задрожала и поехали вправо. Как только она достигла крайнего положения, послышалось гудение движка, в открывшемся пространстве вспыхнул свет. Штаубе вцепился в чемодан с жидкой матерью, пополз с ним вперед. Ольга поволокла Сережу и Реброва.

Они оказались в просторном бетонном бункере. Посередине стояли четыре разделочных пресса ПРМ-118. В пол была вмонтирована никелированная воронка.

— Господи, помилуй... Господи, помилуй... — крестясь, Штаубе подполз к воронке, подтянул чемодан с жидкой матерью, стал стамеской срывать замок.

— А вы взорваться хотели! — нервно засмеялась Ольга и разрыдалась.

— Все, все. Господи, все... — Штаубе вытянул пробку, наклонил чемодан. Бурая жидкость потекла в раковину.

Ольга разделась, стянула с Сережи свитер. Мальчик закричал.

— Милый, потерпи немного... нет! Я не верю! Сереженька! Витя! А вдруг не сработает?! За что! За что же нам?! — рыдала Ольга.

— Все, все... — Штаубе бросил опустевший чемодан, стал раздеваться.

Ольга подняла Сережу, положила его на станину прессы. — Оль, уже? — спросил он.

— Да, милый, — она вложила его неподвижные, посиневшие ноги в крепежные углубления. — А руки — туда...

Сережа сунул руки в крепежные отверстия.

— Раньше времени тоже... не надо... — голый Штаубе подполз к Реброву, принялся развязывать шнурки на его ботинках.

— Штаубе, милый, я не могу! — засмеялась Ольга, размазывая кровь по лицу. — Мы пришли!

— Не надо раньше... помогите мне...

Вдвоем они раздели Реброва, уложили на станину.

— Там рычаг... — Штаубе полез на свой пресс.

— Я знаю, — Ольга повернула красный рычаг на прессе Реброва, потом на прессе Сережи.

Штаубе дотянулся до своего рычага, повернул:

— Быстро надо...

Ольга бросилась к своему прессу, легла, повернула рычаг.

Прессы заработали. Их головки стали опускаться, раскрываясь.

— Оль! — позвал Сережа.

— Молчи! Молчи! — радостно плакала Ольга.

— Вот... — Штаубе закрыл глаза, облизал потрескавшиеся губы.

Граненые стержни вошли в их головы, плечи, животы и ноги. Завращались резцы, опустились пневмобатарей, потек жидкий фреон, головки прессов накрыли станины. Через 28 минут спрессованные в кубики и замороженные сердца четырех провалились в роллер, где были маркированы по принципу игральные костей. Через 3 минуты роллер выбросил их на ледяное поле, залитое жидкой матерью. Сердца четырех остановились: 6, 2, 5, 5.